

ISSN 2949-5091 (print)
ISSN 2949-513X (online)

МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

MOSCOW LAW JOURNAL

2025 № 1

ISSN 2949-5091 (print)

2025 / № 1

ISSN 2949-513X (online)

МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Юриспруденция

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Московский юридический журнал» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки, 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки, 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки, 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

“Moscow Juridical Journal” is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) on the following scientific specialties: 5.1.1 – Theoretical and Historical Legal sciences, 5.1.2 – Public Law (State law) sciences, 5.1.3 – Private Law (Civilistic) sciences, 5.1.4 – Criminal Law sciences.

ISSN 2949-5091 (print)

2025 / № 1

ISSN 2949-513X (online)

MOSCOW JURIDICAL JOURNAL

Учредитель журнала «Московский юридический журнал»:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Петручак Л. А. – д-р юрид. наук, проф., Государственный университет просвещения; советник ректората, первый проректор – проректор по образовательной деятельности, Московский государственный лингвистический университет; Академик РАЕН

Заместитель главного редактора:

Ермаков Д. Н. – д-р юрид. наук, д-р экон. наук, проф., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Воронин М. Ю. – д-р юрид. наук, проф., Московский государственный лингвистический университет;

Голубцов В. Г. – д-р юрид. наук, проф., Пермский государственный национальный исследовательский университет;

Емелина Л. А. – канд. юрид. наук, доцент, РАНХиГС (Президентская академия);

Иванчин А. В. – д-р юрид. наук, проф., Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова;

Клебанов Л. Р. – д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы;

Крохина Ю. А. – д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова;

Лаптева Л. Е. – д-р юрид. наук, проф., РАНХиГС (Президентская академия);

Лукьянова Е. Г. – д-р юрид. наук, проф., РАНХиГС (Президентская академия);

Образцов А. В. – канд. юрид. наук, доцент, Государственный университет просвещения;

Павликов С. Г. – д-р юрид. наук, проф., Российская государственная академия интеллектуальной собственности;

Пастухова Н. Б. – д-р юрид. наук, доцент, Российский центр научной информации;

Петрянин А. В. – д-р юрид. наук, проф., Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации;

Ручкина Г. Ф. – д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации;

Савина В. С. – д-р юрид. наук, проф., РЭУ им. Г. В. Плеханова;

Цинделиани И. А. – канд. юрид. наук, доцент, Российский государственный университет правосудия;

Чепунов О. И. – д-р юрид. наук, проф., РАНХиГС (Президентская академия).

ISSN 2949-5091 (print)

ISSN 2949-513X (online)

Рецензируемый научный журнал «Московский юридический журнал» – печатное издание, в котором публикуются актуальные научные статьи российских и зарубежных учёных, обладающие высоким уровнем качества и новизны, раскрывающие новые подходы в науке к актуальным вопросам истории и теории государства и права, конституционного и муниципального права, гражданского, предпринимательского, семейного, международного частного права, уголовного права и криминологии, уголовно-исполнительного права.

Журнал адресован преподавателям права, аспирантам, докторантам, работникам правоохранительных органов, судьям, юрисконсультам и всем интересующимся состоянием юридической науки.

Журнал «Московский юридический журнал» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 – 73346.

Индекс серии «Юриспруденция» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40735.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках “eLibrary” (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте (www.lawmgoujournal.ru).

При цитировании ссылка на «Московский юридический журнал» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Московский юридический журнал. – 2025. – № 1. – 110 с.

© Государственный университет просвещения, 2024.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.lawmgoujournal.ru

Founder of "Moscow Juridical Journal"
Federal State University of Education

————— Issued 4 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

L. A. Petruchak – Dr. Sci. (Law), Prof., Federal State University of Education; Advisor to the Rector's Office, First Vice-Rector-Vice-Rector for Educational Activities, Moscow State Linguistic University; Academician of the Russian Academy of Natural Sciences;

Deputy editor-in-chief:

D. N. Ermakov – Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (Economics), Prof., Federal State University of Education

Editorial Board:

M. Yu. Voronin – Dr. Sci. (Law), Prof., Moscow State Linguistic University;

V. G. Golubtsov – Dr. Sci. (Law), Prof., Perm State National Research University;

L. A. Emelina – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., RANEPA (Presidential Academy);

A. V. Ivanchin – Dr. Sci. (Law), Prof., P. G. Demidov Yaroslavl State University;

L. R. Klebanov – Dr. Sci. (Law), Prof., Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia;

Yu. A. Krokhnina – Dr. Sci. (Law), Prof., Lomonosov Moscow State University;

L. E. Lapteva – Dr. Sci. (Law), Prof., RANEPA (Presidential Academy);

E. G. Lukyanova – Dr. Sci. (Law), Prof., RANEPA (Presidential Academy);

A. V. Obratsov – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Federal State University of Education

S. G. Pavlikov – Dr. Sci. (Law), Prof., Russian State Academy of Intellectual Property;

N. B. Pastukhova – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Russian Center for Science Information;

A. V. Petryanin – Dr. Sci. (Law), Prof., Investigative Committee of Russia;

G. F. Ruchkina – Dr. Sci. (Law), Prof., Financial University under the Government of the Russian Federation;

V. S. Savina – Dr. Sci. (Law), Prof., Plekhanov Russian University of Economics;

I. A. Tsindelian – Cand. Sci. (Law), Prof., Assoc. Prof., Russian State University of Justice;

O. I. Chepunov – Dr. Sci. (Law), Prof., RANEPA (Presidential Academy).

ISSN 2949-5091 (print)

ISSN 2949-513X (online)

The Peer-reviewed scientific "Moscow Juridical Journal" is a printed edition that publishes present-day scientific articles, performing high level of quality and novelty, written by Russian and foreign scientists. Articles reveal new approaches in science on topical issues of history and theory of state and law, constitutional and municipal law, civil, business, family, private international law, criminal law and criminology, penal law.

The journal's target audience is teachers, postgraduates, postgraduate students, law enforcement authorities officers, judges, legal advisers and anyone interested in the state of legal science.

The journal "Moscow Juridical Journal" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77 - 73343).

The subscription index of the "Jurisprudence" series is 40735 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site (www.lawmgoujournal.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Moscow Juridical Journal. – 2025. – No. 1. – 110 p.

© Federal State University of Education, 2024.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation
phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)
e-mail: sj@guppros.ru
site: www.lawmgoujournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Образцов А. В. Механизм правозащиты и его виды. 6

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Вакула М. А. Экологическая и социальная ответственность бизнеса: от доктрины к практике 16
Вениаминова М. В. Мемориальные законы и гражданство: опыт Испании 25
Ермолаева Е. В. Уничтожение санкционных товаров как мера административного пресечения. 33
Макеева Ю. К. Репродуктивные права человека сквозь призму практики Конституционного Суда РФ 42

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Саяпина Т. С. Искусственный интеллект в управлении недвижимостью: цифровой прорыв или правовой лабиринт. 53
Фаст О. Ф. Условия договора, нарушающие имущественный баланс сторон 67

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Зарубина К. А., Чапчиков С. Ю. О возможностях и перспективах создания международной системы борьбы с современной профессиональной киберпреступностью 74
Кораблёва С. Ю. Четырёхуровневая градация вины: уголовно-правовая доктрина и судебная практика. 83
Смушкин А. Б. «Горячие» электронные цифровые следы. 94

РЕЦЕНЗИИ

Готов С. А. На пути к Гражданскому кодексу КНР. Рецензия на книгу: Ли Яо. Этапы кодификации гражданского права в Китае: монография. М.: Проспект, 2026. 136 с. 103

CONTENTS

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>A. Obratsov.</i> Mechanism of Human Rights Protection and Its Types	6
--	---

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>M. Vakula.</i> Environmental and Social Responsibility of Business: From Doctrine to Practice ...	16
<i>M. Veniaminova.</i> Memorial Laws and Nationality: Spain's Experience	25
<i>E. Ermolaeva.</i> Destruction of Sanctioned Goods as an Administrative Restraint Measure. ...	33
<i>Yu. Makeeva.</i> Reproductive Rights Through the Lens of the Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation	42

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

<i>T. Sayapina.</i> Artificial Intelligence in Property Management: Digital Breakthrough or a Labyrinth of Legal Rights?	53
<i>O. Fast.</i> Contract Conditions that Violate the Parties' Equity	67

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>K. Zarubina, S. Chapchikov.</i> On The Possibilities and Prospects of Creating an International Framework Against Modern Professional Cybercrime	74
<i>S. Korableva.</i> Four-Level Mens Rea Scale: Criminal Law Doctrine and Judicial Practice ...	83
<i>A. Smushkin.</i> Digital Footprints Noticed "Hot on the Heels"	94

REVIEWS

<i>S. Glotov.</i> Towards the PRC'S Civil Code. Book Review: Li Yao. Stages of Civil Law Codification in China. Moscow: Prospect publ., 2026. 136 p.	103
--	-----

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 342.7

DOI: 10.18384/2949-513X-2025-1-6-15

МЕХАНИЗМ ПРАВОЗАЩИТЫ И ЕГО ВИДЫ

Образцов А. В.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: Obratsov-AB@yandex.ru; ORCID: 0009-0003-4411-6240

Поступила в редакцию 02.07.2025

После доработки 15.07.2025

Принята к публикации 27.07.2025

Аннотация

Цель. Выявление соотношения между различными механизмами правозащиты и их особенностей с точки зрения их функционирования и дальнейшего развития.

Процедура и методы. В работе большое внимание уделено особенностям механизмов правозащиты различных видов, динамики их развития и совершенствования, влияния на них информационно-телекоммуникационных технологий.

Результаты. Сформулированы виды механизмов правозащиты и их особенности, описаны задачи, решаемые в процессе осуществления таких механизмов, рассмотрена приоритетность развития механизмов правозащиты превентивного типа, базирующихся на информационно-телекоммуникационных технологиях.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование призвано внести вклад в изучение механизмов правозащиты и их видов. Рассмотрены особенности механизма правозащиты традиционного типа и механизма правозащиты превентивного характера. Проведена оценка эффективности действия указанных механизмов правозащиты. Обоснована необходимость приоритетного развития механизмов правозащиты превентивного характера, прежде всего по причине уже достигнутого своего пика развития механизма правозащиты традиционного типа и широкого внедрения в государственно-правовую практику информационно-телекоммуникационных технологий.

Ключевые слова: механизм правозащиты, особенности механизма правозащиты традиционного типа, особенности механизма правозащиты превентивного характера, задачи правозащиты

Для цитирования:

Образцов А. В. Механизм правозащиты и его виды // Московский юридический журнал. 2025. № 1. С. 6–15. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-1-6-15>.

Original research article

MECHANISM OF HUMAN RIGHTS PROTECTION AND ITS TYPES

A. Obratsov

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: Obratsov-AB@yandex.ru; ORCID: 0009-0003-4411-6240

© CC BY Образцов А. В., 2025.

Received by the editorial office 02.07.2025

Revised by the author 15.07.2025

Accepted for publication 27.07.2025

Abstract

Aim. To identify the relationship between various human rights protection mechanisms and their features in terms of their functioning and further development.

Methodology. Great attention is paid to the peculiarities of the mechanism of human rights protection of various types, the dynamics of their development and improvement, the influence of information and telecommunication technologies on them.

Results. The types of human rights protection mechanisms and their features are clearly formulated. Considering the action of human rights protection mechanisms, the authors show the tasks solved in the process of implementing such mechanisms, and indicate the priority of developing preventive human rights protection mechanisms based on information and telecommunication technologies.

Research implications. The results obtained are intended to contribute to the study of human rights protection mechanisms and their types. The features of the traditional type of human rights protection mechanism and the preventive human rights protection mechanism are considered. The effectiveness of the specified human rights protection mechanisms is assessed. The need for priority development of preventive human rights protection mechanisms is substantiated, primarily due to the fact that the traditional type of human rights protection mechanism has already reached its peak and the widespread introduction of information and telecommunication technologies into state and legal practice.

Keywords: the mechanism of human rights protection, features of the mechanism of human rights protection of the traditional type, features of the mechanism of human rights protection of a preventive nature, tasks of human rights protection

For citation:

Obraztsov, A. V. (2025). Mechanism of Human Rights Protection and Its Types. In: *Moscow Juridical Journal*, 1, 6–15. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-1-6-15>.

Введение

Право и правовое регулирование интересов для общества в т. ч. и с чисто практических позиций: какую конкретную пользу оно несёт обществу и индивиду, как происходит трансформация правовой нормы в конкретное правоотношение и индивидуальный правоприменительный акт. Развитие теории и практики прав человека на современном этапе правовой науки интересно прежде всего с точки зрения создания необходимых условий, гарантий, предпосылок и механизмов их реализации [1, с. 270].

Одним из важных конструктов в этом смысле является понятие правового механизма защиты прав. Следует согласиться с О. Ю. Рыбаковым, утверждающим, что права человека как институт выражают наличие возможных материальных и процессуальных гарантий для индивида и общества [2, с. 159].

Механизм защиты прав таковым является и гарантирует как реализацию прав граждан и их законных интересов, так и их защиту и восстановление в случае их нарушения.

В научной литературе под правовым механизмом защиты прав и свобод обычно понимают совокупность правовых норм, правовых учреждений и юридических процедур, при помощи которых осуществляются защита и восстановление охраняемых законом прав и интересов человека и гражданина [3, с. 15].

Элементы механизма правозащиты

Анализ действующего законодательства и правоприменительной практики позволяет выделить основные составляющие механизма правозащиты:

– совокупность правовых норм, формирующих правовой механизм и определяю-

щих порядок его функционирования. Такие нормы могут содержаться как в одном нормативном правовом акте, так и в нескольких;

– субъекты, наделённые правом осуществлять правозащиту;

– установленные законом процедуры правозащиты и возникающие в результате реализации этих процедур специфические правоотношения, которые в своей совокупности образуют правозащитную деятельность;

– способы защиты прав, свобод и законных интересов: недопущение нарушения права путём установления запретов, возложения обязанностей и обязательств, правовое консультирование, оказание правовой помощи, восстановление нарушенного права;

– цель и объект защиты – охраняемые законом права, свободы и законные интересы человека и гражданина.

На наш взгляд, одним из основных и самых важных элементов правозащиты являются установленные законом процедуры правозащиты, поскольку они формируют алгоритм, в результате применения которого возможно получить результат – защитить и восстановить нарушенное или оспоренное субъективное право.

Необходимо выделить такой элемент механизма правозащиты, как способ информирования всех заинтересованных лиц об особенностях защиты и восстановления прав и законных интересов гражданина.

Задачи механизма правозащиты

Выделение задач механизма правозащиты позволит более точно описать его действие и назначение. Среди задач правозащиты отметим следующие:

1) *восстановительная* – направлена на восстановление нарушенного права и надлежащее исполнение юридических обязанностей (в т. ч. и обязанности сделать сообщение о реабилитации в средствах массовой информации), устранение последствий нарушения права, компенсацию и возмещение вреда;

2) *обеспечительная* – направлена на создание беспрепятственной и реальной

(не декларативной) возможности осуществления права его носителем;

3) *охранительная* – направлена на создание и функционирование правовой системы и её инфраструктуры, субъектов правоохраны, уполномоченных при необходимости пресечь правонарушения, привлечь виновных к ответственности;

4) *превентивная* – направлена на исключение или блокирование в функционировании общества и государства опасностей и угроз, способных нарушить или ограничить права граждан, нанести ущерб законным интересам;

5) *стабилизационно-поддерживающая* – направлена на стабилизацию отношений и поддержание правопорядка в обществе на должном уровне.

6) *воспитательно-мотивировочная* – призвана оказать позитивное воспитательное воздействие на субъектов права и мотивировать их на правопослушное поведение, а также сформировать надлежащий уровень правосознания.

Тенденции развития механизма правозащиты

Правозащита в течение последнего столетия обрела свои специфические свойства, которые характеризуют нормы права как направленные исключительно на главную цель – защиту прав, свобод и законных интересов граждан с использованием специальных уникальных правовых механизмов, характерных непосредственно для правозащитной деятельности.

Приведём пример. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» № 432-ФЗ внёс дополнения в ст. 45 УПК РФ. Согласно этому дополнению, по ходатайству законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста 16 лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, участие адвоката в качестве представителя такого потерпевшего

обеспечивается дознавателем, следователем или судом. Выделим здесь несколько процедур и правовых положений, целенаправленно усиливающих правозащиту несовершеннолетних в уголовном процессе. Во-первых, речь идёт о защите несовершеннолетнего, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности, во-вторых, защиту прав несовершеннолетнего осуществляет адвокат-представитель (оказывает квалифицированную юридическую помощь), в-третьих, инициирует начало работы такого правозащитного механизма законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего (также обязан защищать права и законные интересы несовершеннолетнего). На этом примере мы видим проявление уникальных свойств современной правозащиты, а именно: профилизацию, интенсификацию, мобилизацию, концентрацию правовых норм, обеспечивающих правозащиту несовершеннолетнего потерпевшего, – что демонстрирует многократное усиление правовых возможностей по защите прав несовершеннолетнего в уголовном процессе.

Именно такая тенденция характерна для развития современного российского права: создание специфических правовых механизмов, направленных исключительно на защиту прав. В этом контексте следует рассматривать и принятие Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» № 324-ФЗ, Федерального закона «О персональных данных» № 152-ФЗ, Закона РФ № 2300-1 «О защите прав потребителей» и др.

Для развития современной правозащиты характерны детальная проработка механизма правозащиты и формирование таких её процедур, которые предлагают действенный алгоритм правозащиты, обеспечивающий реальную (не декларируемую) защиту прав, которая учитывает все современные особенности правоприменения (условия применения нормы, правовой статус субъектов правоотношений и т. д.), в т. ч. и широкое использование информационно-телекоммуникационных технологий.

Следует отметить и то обстоятельство, что совершенствование механизмов правозащиты происходит практически во всех отраслях права.

Конституция Российской Федерации находит своё выражение в российском законодательстве, которое для совершенствования конституционных положений по защите прав и законных интересов человека и гражданина предоставляет гражданам разнообразные варианты для защиты своих прав, свобод и законных интересов.

Создана широкая система как государственной, так и негосударственной правозащиты, которая регламентируется, в частности, Федеральным законом № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации».

Виды механизмов правозащиты

Отметим, что вопросы, связанные с теорией и практикой защиты прав и законных интересов, всегда были в центре внимания юридической науки. И сегодня они также являются предметом исследования и дискуссий. Так, например, С. А. Бурмистрова обращает внимание на то, что в российском законодательстве и правовой науке нет общего перечня способов защиты публично-правовых субъективных прав и интересов [4, с. 69].

В целях более точного описания и дальнейшего развития способов защиты прав и законных интересов необходимо выделить виды механизмов правозащиты. Классификация механизмов правозащиты позволит их более точно описать, юридически оформить и разработать пути и направления их развития и совершенствования.

Прежде всего, предлагаем выделить классический (основной, традиционный) механизм правозащиты. Этот механизм формировался долгое время, на протяжении практически всей истории юриспруденции. Выделим его особенности.

1. Механизм правозащиты, как правило, начинает действовать при наличии соответствующего повода и основания. Поводом является заявление, сообщение и т. п. о со-

вершённом правонарушении, в результате которого был причинён вред правам и законным интересам гражданина. Такое заявление (сообщение) фиксируется соответствующим образом и статистически учитывается.

Основанием будут считаться обнаружение и фиксация фактических данных, подтверждающих (доказывающих) факт нарушения прав граждан и причинения ущерба. Как правило, без наличия повода и основания механизм правозащиты не может заработать, хотя фактически нарушения прав состоялись, но, например, по каким-либо причинам данным факт остался латентным.

2. Механизм правозащиты, как правило, реализуется в рамках правоприменения в результате деятельности правоохранительных и судебных органов государства. Правоохранительные и судебные органы в механизме защиты играют самую значительную роль, поскольку именно они могут дать от имени государства официальную правовую оценку нарушению прав и законных интересов гражданина и вынести обязательное для исполнения решение, которое восстановит нарушенные права гражданина. В этом смысле механизм правозащиты без принудительной силы государства малоэффективен или даже невозможен. Конечно, есть и досудебный порядок урегулирования спора, связанного с защитой и восстановлением нарушенного права. Но в этом случае стороны ищут взаимоприемлемое разрешение спора, больше опираясь на собственные интересы, на конечный результат с учётом компромисса, а не на нормы права, но всё же их соблюдая. Досудебный порядок менее регламентирован правом, в нём меньше процедур связанных с механизмом правозащиты, он более диспозитивен.

3. Реализация механизма правозащиты возможна только в рамках определённых процедур, которые детально описаны в действующем законодательстве, например в УПК РФ, ГК РФ и т. д. Не соблюдение этих процедур может привести к утрате права на защиту своих нарушенных прав. Это возлагает на лицо, использующее механизм правозащиты, обязанность действовать

строго в рамках правового поля, опираясь на знание и понимание закона, что часто требует обращения за квалифицированной юридической помощью. В отдельных случаях для этого законом предоставляется адвокат-защитник (например, ст. 47 УПК РФ), в других случаях гражданин может сам для защиты своих интересов заключить соглашение с адвокатом для получения квалифицированной юридической помощи. Ещё раз отметим, что сегодня создана система оказания бесплатной юридической помощи на основании Федерального закона № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации». Это обстоятельство ещё раз подчёркивает, что самостоятельно использовать механизм правозащиты гражданину всё-таки затруднительно без квалифицированной юридической помощи, особенно если гражданин относится к категории социально незащищённых.

4. Обязательность процесса доказывания при реализации механизма правозащиты. Это означает, что должна быть собрана, проверена и оценена определённая совокупность фактов, входящих в предмет доказывания, в рамках процедур, определённых законом. Только на основе итогов процесса доказывания механизм правозащиты может привести к требуемому результату (защите и восстановлению нарушенного права). Доказывание следует рассматривать не как самоцель, некую формальность, а как надёжное средство установления всех обстоятельств, на основе которого возможно в полной мере защитить и восстановить нарушенные права.

5. В круг субъектов, участвующих в реализации механизма правозащиты входят: правоохранительные и судебные органы; стороны спора (лица, чьи права были нарушены, требующие восстановления нарушенных прав, а также лица, которые нарушили права других лиц); *иные лица* (свидетели, специалисты, эксперты и т. д.). Благодаря деятельности всех этих субъектов и запускается механизм правозащиты. Но, с другой стороны, участие этих субъектов является не только необходимым ус-

ловием для функционирования механизма правозащиты, но и достаточным.

6. Механизм правозащиты способствует установлению:

– лица, чьи права были нарушены и требуют защиты и восстановления;

– доказательств, подтверждающих принадлежность нарушенного права лицу, чьи права были нарушены и требуют защиты и восстановления;

– лица, которое нарушило права и законные интересы других лиц;

– данных, характеризующих личность правонарушителя;

– формы вины правонарушителя (умышленно ли действовал причинитель вреда или по неосторожности и т. д.);

– конкретного субъективного права гражданина, которое было нарушено и требует защиты и восстановления;

– вида и размера причинённого ущерба;

– действий (бездействий), посредством которых были нарушены субъективные права гражданина;

– обстоятельство правонарушения (время, место и т. д.);

– обстоятельство, исключающие противоправность и наказуемость деяния, совершённого правонарушителем;

– обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание, иным образом влияющих на итоговое решение дела.

7. Результатом функционирования механизма правозащиты является решение правоохранительного или судебного органа в виде постановления, определения, решения и т. д.

8. Механизм правозащиты включает в себя весьма широкие права обжалования, в т. ч. обжалования итоговых результатов применения механизма правозащиты.

9. При функционировании механизма правозащиты действуют такие конституционные принципы, как: состязательность сторон, равноправие сторон, презумпция невиновности и т. д.

10. Механизм правозащиты включает в себя возможность использования принудительных мер для защиты и восстановления нарушенного права.

11. Функционирование любого механизма правозащиты находится под прокурорским надзором, ведомственным и судебным контролем.

12. При реализации механизма правозащиты всегда возникают конкретные правоотношения между конкретными субъектами (носителем субъективного права и нарушителем этого субъективного права) по поводу конкретного объекта (нарушенного субъективного права).

Классический механизм правозащиты можно задействовать только после того, как был причинён ущерб правам и законным интересам граждан или же в случае возникновения такой угрозы. Соответственно, если правонарушения не было, то и механизм правозащиты не включается, хотя это не умаляет его достоинства, поскольку уже само наличие в праве такого механизма играет превентивную роль в предупреждении правонарушений и стабилизации правоотношений.

Следующий вид механизма правозащиты связан с *досудебным порядком урегулирования споров*. Его мы также относим к традиционному способу защиты прав и законных интересов. В основу действия этого механизма правозащиты положены принципы добровольности, конфиденциальности, сотрудничества, равноправия сторон. Он во многом похож на классический механизм правозащиты, но, как мы отмечали ранее, потерпевший и причинитель вреда используют правовые процедуры с большей долей диспозитивности, с большей возможностью действовать по своему усмотрению, отстаивая в рамках закона свои собственные интересы, и выработывают свои предложения в части урегулирования спора на основе компромисса. Данный механизм правозащиты, например, реализуется на основании закона о медиации или в рамках самозащиты.

Ещё один вид механизма правозащиты, который предлагаем выделить, – *механизм правозащиты превентивного характера*. Главная его особенность заключается в том, что он начинает действовать и защищать права и законные интересы конкретного гражданина не только до совершения

правонарушения, но и максимально не допуская потенциального нарушения прав конкретного гражданина, причинения ущерба его интересам.

Так, например, С. А. Бурмистрова, анализируя проблемы защиты законного интереса, выделяет дореализационную фазу правоотношения и реализационную фазу [5, с. 143]. В этом смысле можно говорить о том, что механизм правосознания превентивного характера действует во время так называемой дореализационной фазы правоотношения, т. е. тогда, когда ещё субъект прав не приступил к непосредственному осуществлению своего права или законного интереса.

Для понимания действия этого механизма приведём в качестве примера Федеральный закон № 31-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О кредитных историях" и Федеральный закон "О потребительском кредите (займе)"»¹. Этот закон позволяет гражданину установить запрет на заключение с ним договора потребительского кредита (самозапрет на кредиты) в профилактических целях, исключающих возможное нарушение его прав в будущем. В современных условиях значение такого самозапрета на кредиты играет важную роль в защите прав человека и гражданина.

Значимость профилактики правонарушений как превентивной меры охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина трудно переоценить [6, с. 60].

В 2024 г. зарегистрировано 765,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 13,1% больше, чем за прошлый год. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 34,8% в 2023 г. до 40,0%. Большая часть преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, связана с мошенничеством в кредитной

сфере, когда граждан преступным образом заставляют получать потребительские кредиты, а затем присваивают их денежные средства².

Введение самозапрета на кредиты, безусловно, является действенной мерой по защите имущественных прав граждан. Это пример формирования превентивного механизма правосознания, когда защита прав граждан обеспечивается в превентивном порядке, почти исключающее преступное посягательство на права и законные интересы граждан. Здесь конкретное правоотношение, в рамках которого дополнительно и в превентивном порядке защищаются права конкретного гражданина, возникает в момент установления гражданином самозапрета на кредиты. С точки зрения правоотношений, здесь субъектами выступают: *физическое лицо* (субъект кредитной истории), кредитная история которого хранится в квалифицированном бюро кредитных историй, установившее запрет на заключение договоров потребительского займа (кредита), и *квалифицированное бюро кредитных историй*, сохраняющее сведения о запрете, о снятии запрета в информационной части кредитной истории субъекта кредитной истории.

В этой связи очень ценно замечание А. В. Варданяна, который утверждает, что, в отличие от расследования преступлений, содержанием и направленностью превентивных мер должны охватываться не только конкретные объекты (юридические лица, иные социальные структуры), в пределах которых выявлено деяние, но и другие сходные по своим характеристикам объекты гражданского общества, не попавшие в орбиту уголовно-процессуальных отношений в связи с расследованием конкретного преступления [7, с. 171].

Об этом же говорит и Е. В. Зотина, подчёркивая, что система уголовно-правовых мер должна быть ориентирована не только на реализацию карательно-репрессивной функции, но и на предупреждение совершения новых преступлений [8, с. 74].

¹ Федеральный закон от 26.02.2024 № 31-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О кредитных историях" и Федеральный закон "О потребительском кредите (займе)"» // СЗ РФ. 2024. № 10. Ст. 1306.

² Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2024. С. 3.

Такие превентивные меры применяются не правоохранительными органами, а самим гражданином и соответствующими организациями, задействованными в этом механизме (в данном случае квалифицированным бюро кредитных историй).

Иначе говоря, превентивные меры должны носить более широкий, комплексный и всеобъемлющий характер, нежели чем просто традиционные предупредительные меры, связанные с объектом посягательства. Должны создаваться комплексные правозащитные механизмы, купирующие любые причины и условия, приводящие или же провоцирующие правонарушение, посягательство на права и законные интересы граждан.

Это ещё раз подчёркивает, что бороться с правонарушениями и преступлениями следует не только уголовно-правовыми или другими карательно-репрессивными мерами, но и другими, которые способны даже более эффективно защитить права граждан в условиях цифровизации и информационной глобализации. Разумная идея совмещения воздаяния и предупреждения приобрела такую конфигурацию, при которой довлеющей стала идея именно предупреждения преступлений [9, с. 118].

В этом смысле за механизмами правозащиты превентивного характера будущее. Поэтому одной из стратегических задач государства по обеспечению информационной безопасности является формирование безопасной среды оборота достоверной информации, повышение защищённости информационной инфраструктуры Российской Федерации и устойчивости её функционирования¹.

Выделим особенности механизма правозащиты превентивного характера:

1) начинает действовать до совершения какого-либо правонарушения, максимально защищая права и законные интересы гражданина;

2) направлен на защиту конкретного субъективного права и законного интереса, а не вообще на защиту всех прав;

3) такой механизм определяется конкретным отраслевым законом, и в этом смысле он не является универсальным.

4) данный механизм предполагает использование для защиты прав и законных интересов граждан информационно-телекоммуникационные технологии;

5) для задействования такого механизма должна быть проявлена воля, инициатива гражданина, оформленная и зафиксированная юридически значимым волеизъявлением;

6) добровольность использования этого механизма;

7) возможность отказаться от использования этого механизма и прекратить его действие;

8) обязательная информированность граждан о наличии таких механизмов в действующем законодательстве;

9) действие такого механизма максимально исключает причинение ущерба гражданину и, соответственно, не предусматривает его возмещения;

10) результатом функционирования такого механизма является действие определённых отраслевым законом специальных мер, максимально исключая причинение гражданину ущерба в определённой сфере его законных интересов;

11) в этом механизме, как правило, не задействованы правоохранительные и судебные органы;

12) действие этого механизма не предполагает процесса доказывания, поскольку все сведения и факты, необходимые для использования такого механизма, установлены, известны и ни кем не оспариваются.

Проблемы реализации механизма правозащиты

Слабым звеном в механизме правозащиты как традиционного типа, так и превентивного является способ информирования всех заинтересованных лиц об особенностях защиты и восстановления прав и законных интересов гражданина. Тут возможен персонализированный подход, когда гражданин получает информацию о своих

¹ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

правах и способах их защиты при обращении как в государственные органы и организации, так и в негосударственные. Но в большинстве случаев гражданин должен проявить инициативу и получить правовую информацию самостоятельно.

Поэтому на сегодняшний день является актуальным совершенствование способов информирования граждан об их правах и способах их защиты. Самое перспективное направление – использование с этой целью информационно-телекоммуникационных технологий.

Здесь интересен Федеральный закон № 156-ФЗ «О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹. Данный закон предполагает использование многофункционального сервиса (коммуникационной платформы) обмена информацией для предоставления государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных и муниципальных функций в электронной форме. Данный сервис должен обеспечить на соответствующей коммуникационной платформе безопасный обмен проверенными данными между гражданами, государством и бизнесом. Этот сервис можно было бы использовать для информирования граждан о значимых изменениях в текущем законодательстве. Тогда бы в полной мере заработал принцип: предупреждён – значит вооружён.

Заключение

Исследование механизмов правозащиты и их видов позволяет усилить защиту прав граждан и их законных интересов,

обеспечить стабильность в обществе, повысить уровень правопорядка и поддерживать его на достаточно высоком уровне. Выделение видов механизмов правозащиты, их дифференциация поможет определить пути их перспективного совершенствования, повышения эффективности. И, абсолютно точно, эффективность права нужно понимать как достижение целей самого права [10, с. 253]. Главная цель права – защитить права гражданина и его законные интересы. Конституция РФ в ст. 2 прямо говорит о том, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства.

Очевидно, что здесь уже не обойтись без информационно-телекоммуникационных технологий, которые уже внедряются в повседневную практику, становятся почти обыденностью, но всё же являются в определённой степени *terra incognita*. Для устранения этой неопределённости, неизвестности и необходимо исследование механизмов правозащиты, их видов и особенностей использования и применения.

В сегодняшних условиях соединение возможностей информационно-телекоммуникационных технологий с идеей механизма правозащиты превентивного типа является многообещающим путём развития юридической науки и практики. Этот процесс уже запущен, и, наблюдая его, мы сможем понять новые перспективы в области правозащиты и своевременно внести необходимые изменения в действующее законодательство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Экономические и социальные права человека и гражданина: современные проблемы теории и практики / Ю. В. Гаврилова, А. А. Крикунова, Ф. М. Рудинский, Т. А. Сошникова. М.: Права человека, 2009. 495 с.
2. Рыбаков О. Ю. Права человека: от истоков философско-правовой мысли к современной геополитической реальности // Lex Russica. 2023. № 12. С. 145–161. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.205.12.145-161
3. Минникес И. А. Правовая защита: понятие и механизм // Baikal Research Journal. 2013. № 6. С. 15.
4. Бурмистрова С. А. Способы защиты публично-правовых интересов в цивилистическом процес-

¹ Федеральный закон от 24.06.2025 № 156-ФЗ «О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

- се // Правосудие. 2021. № 1. С. 69–85. DOI: 10.37399/2686-9241.2021.1.69-85
5. Бурмистрова С. А. Правовой интерес как отдельная правовая возможность: механизм защиты в цивилистическом процессе // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 134–147. DOI: 10.12737/jrl.2020.072.
 6. Мецгер А. А. Профилактика правонарушений и защита прав человека в России // Закон и право. 2022. № 2. С. 60–63. DOI: 10.24412/2073-3313-2022-2-60-63
 7. Варданыан А. В. Криминалистическая превенция в системе государственных мер по предупреждению преступности // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430. С. 169–173. DOI: 10.17223/15617793/430/23
 8. Зотина Е. В. Уголовно-правовой аспект предупреждения мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и приёмов социальной инженерии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 3. С. 73–82. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-57-8
 9. Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации // Lex russica. 2023. Т. 76. № 1. С. 110–125. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.194.1.110-125
 10. Жбырь О. Н., Кич И. С., Чупрова А. А. Некоторые аспекты понятия «эффективность права» // Право и государство: теория и практика. 2022. № 1. С. 252–254. DOI: 10.47643/1815-1337-2022-1-252

REFERENCES

1. Gavrilova, Yu. V., Krikunova, A. A., Rudinsky, F. M. & Soshnikova, T. A. (2009). *Economic and Social Rights of a Person and a Citizen: Modern Problems of Theory and Practice*. Moscow, Prava cheloveka publ. (in Russ.).
2. Rybakov, O. Yu. (2023). Human Rights: From the Origins of Philosophical and Legal Thought to Modern Geopolitical Reality. In: *Lex Russica*, 12, 145–161. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.205.12.145-161 (in Russ.).
3. Minnikes, I. A. (2013). Legal Protection: Concept and Mechanism. In: *Baikal Research Journal*, 6, 15 (in Russ.).
4. Burmistrova, S. A. (2021). Methods of Protecting Public Law Interests in the Civil Process. In: *Justice*, 1, 69–85. DOI: 10.37399/2686-9241.2021.1.69-85 (in Russ.).
5. Burmistrova, S. A. (2020). Legal Interest as a Separate Legal Opportunity: Protection Mechanism in the Civil Process. In: *Journal of Russian Law*, 6, 134–147. DOI: 10.12737/jrl.2020.072 (in Russ.).
6. Metzger, A. A. (2022). Crime prevention and human rights protection in Russia. In: *Law & Legislation*, 2, 60–63. DOI: 10.24412/2073-3313-2022-2-60-63 (in Russ.).
7. Vardanyan, A. V. (2018). Forensic Prevention in the System of State Measures to Prevent Crime. In: *Tomsk State University Journal*, 430, 171–172 (in Russ.).
8. Zotina, E. V. (2024). Criminal-Legal Aspect of Preventing Fraud using Information and Telecommunication Technologies and Social Engineering Techniques. In: *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*, 15-3, 73–82. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-57-8 (in Russ.).
9. Pudovochkin, Yu. E. & Babaev, M. M. (2023). Modern Rulemaking as a Basis for the Formation of a New Theory of Criminalization. In: *Lex Russica*, 76-1, 110–125. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.194.1.110-125 (in Russ.).
10. Zhbyr, O. N., Kich, I. S. & Chuprova, A. A. (2022). Some Aspects of the “Effectiveness of Law” Concept. In: *Law and State: The Theory and Practice*, 1, 252–254. DOI: 10.47643/1815-1337-2022-1-252 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Образцов Александр Викторович (г. Москва) – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Государственного университета просвещения; e-mail: Obraztsov-AB@yandex.ru; ORCID: 0009-0003-4411-6240

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Obraztsov (Moscow) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Federal State University of Education; e-mail: Obraztsov-AB@yandex.ru; ORCID: 0009-0003-4411-6240

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 349.6

DOI: 10.18384/2949-513X-2025-1-16-24

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА: ОТ ДОКТРИНЫ К ПРАКТИКЕ

Вакула М. А.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

г. Москва, Российская Федерация

e-mail: vakula2004@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9790-1531

Поступила в редакцию 18.06.2025

После доработки 30.06.2025

Принята к публикации 08.07.2025

Аннотация

Цель. Охарактеризовать концепцию корпоративной социальной ответственности, в содержании которой заложены два основных концепта – экологическая ответственность и социально ориентированная ответственность субъектов предпринимательской деятельности. Осуществить аналитический обзор научных публикаций, в которых содержится обсуждение практики реализации принципов ESG. Раскрыть принципы, положенные в основу концепции корпоративной социальной ответственности.

Процедура и методы. Используются общенаучные и специально-юридические методы научного познания.

Результаты. В статье обосновывается, что ответственное ведение предпринимательской деятельности положительно влияет на состояние экологической безопасности, а также подчёркивается, что реализация принципов ESG при ведении бизнеса обеспечивает развитие экологического предпринимательства. Сделан вывод, что повышение экологической и социальной ответственности бизнеса возможно при успешной реализации эколого-экономического механизма, обеспечивающего рациональное природопользование.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть применены при планировании экономической (хозяйственной) и иной деятельности, связанной с воздействием на природную среду.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, экологическая ответственность, социальная ответственность, принципы ESG, принцип ответственного ведения бизнеса

Для цитирования:

Вакула М. А. Экологическая и социальная ответственность бизнеса: от доктрины к практике // Московский юридический журнал. 2025. № 1. С. 16–24. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-1-16-24>.

Original research article

ENVIRONMENTAL AND SOCIAL RESPONSIBILITY OF BUSINESS: FROM DOCTRINE TO PRACTICE

M. Vakula

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation
e-mail: vakula2004@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9790-1531

Received by the editorial office 18.06.2025

Revised by the author 30.06.2025

Accepted for publication 08.07.2025

Abstract

Aim. To characterize the concept of corporate social responsibility which unites within itself two other key concepts – environmental responsibility and the social responsibility of business entities. To conduct an analytical review of scientific publications that discuss the practical implementation of ESG principles. To reveal the principles underlying the concept of corporate social responsibility.

Methodology. General scientific and legal methods of scientific inquiry were used.

Results. It is substantiated both that responsible business conduct has a positive impact on environmental safety and emphasizes that implementing ESG principles in business conduct ensures the development of green entrepreneurship. It is concluded that enhancing the environmental and social responsibility of businesses is possible with the successful implementation of an environmental and economic mechanism that ensures sustainable natural resource management.

Research implications. The results of the study can be applied in planning economic (business) and other activities related to environmental impacts.

Keywords: corporate social responsibility, environmental responsibility, social responsibility, ESG principles, responsible business principles

For citation:

Vakula, M. A. (2025). Environmental and Social Responsibility of Business: From Doctrine to Practice. In: *Moscow Juridical Journal*, 1, 16–24. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-1-16-24>.

Введение

Формирование концепции корпоративной социальной ответственности началось в конце 1970-х гг. А. Кэрролл, будучи одним из создателей этой концепции, отмечал, что её руководящая идея состоит в том, чтобы обеспечить ожидания общества в отношении организаций. В частности, он выделяет 4 взаимосвязанных ожидания:

1) *экономические* – связаны с основной функцией бизнеса: приносить прибыль и обеспечивать общество необходимыми товарами и услугами;

2) *юридические* – связаны с основными правилами, которые компании должны со-

блюдать, чтобы иметь возможность вести прибыльную деятельность;

3) *этические* – связаны с нормами поведения в бизнесе, которые несмотря на то, что не закреплены в нормативных правовых актах, тем не менее являются ожидаемыми;

4) *дискреционные* – связаны с добровольной деятельностью и жертвованиями, которые компании делают по своему усмотрению, даже если отказ от них не считается незачетным [1].

Все эти ожидания между собой взаимосвязаны и выстроены в условную пирамиду. Экономические ожидания находятся в основании пирамиды, чтобы подчеркнуть, что без сохранения соответствующего

уровня рентабельности, бизнес не может соответствовать другим ожиданиям. Юридические ожидания находятся на следующем уровне, поскольку они существуют в рамках регулирования и контроля за правосодержащей деятельностью компании. Этические ожидания находятся на следующем уровне, поскольку они выходят за рамки нормативно установленных требований. Дискреционные ожидания находятся на вершине пирамиды, чтобы показать, что, хотя добровольная деятельность и приветствуется, она является второстепенной для организации. Кэрролл подчёркивает, что, несмотря на очевидную иерархию в форме пирамиды, компании должны соответствовать всем четырём ожиданиям одновременно [2].

Ключевым, на наш взгляд, всё же в этой концепции является элемент добровольности в совершаемых действиях и выбираемой модели поведения.

Общая характеристика концепции корпоративной социальной ответственности

Согласно пониманию в общем концепции социальной корпоративной ответственности, бизнес добровольно принимает на себя: реализацию задач, связанных с оказанием помощи определённым категориям граждан; обязательства по минимизации рисков для здоровья сотрудников в производственной деятельности и др. Безусловно, такая деятельность, как социальная ответственность бизнеса, должна поощряться. Соответственно роль государства в развитии этой доктрины на практике очень значима.

А. А. Горошилов и А. П. Карибов, исследуя развитие концепции социальной ответственности бизнеса, отмечают 3 этапа её эволюции [3]:

– первый этап (1960-е – середина 1970-х гг.) характеризовался расцветом традиционной благотворительности;

– второй этап (середина 1970-х – начало 1980-х гг.) был обусловлен развитием идеи обеспечения благополучия населения и по-

вышения качества жизни, а также был направлен на поиск компромисса при взаимодействии бизнеса, общества и государства;

– третий этап (с 1980-х до 2010 г.) определяется как согласование взаимодействия экологической и социальной ответственности бизнеса при осуществлении корпоративного управления.

Общим на всех этапах развития является то, что концепция основывается на базовых принципах:

- 1) социальной ответственности бизнеса;
- 2) устойчивого развития;
- 3) взаимного доверия государства и общества.

Принцип социальной ответственности бизнеса закреплён в Международном стандарте ИСО 26000, в котором социальная ответственность представлена как «ответственность организации за воздействие её решений и деятельность на общество и окружающую среду через прозрачное и этическое поведение, которое: содействует устойчивому развитию, включая здоровье и благосостояние общества; учитывает ожидания заинтересованных сторон; соответствует применяемому законодательству и согласуется с международными нормами поведения; интегрировано в деятельность всей организации и применяется в её взаимоотношениях»¹.

В современный период наряду с благотворительностью и меценатством появилась социально значимая обязанность рационально использовать природные ресурсы при производстве продукции и осуществлении услуг, много внимания уделяется экологически ответственному ведению бизнеса, в т. ч. способности компаний участвовать в мероприятиях по охране здоровья населения и готовности бережно относиться к окружающей среде. Соответственно, в содержание принципа социальной ответственности был привнесён экологический элемент, что позволяет

¹ См.: ISO 26000:2010 Guidance on social responsibility [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iso.org/obp/ui#iso:std:iso:26000:ed-1:v1:ru:sec:3> (дата обращения: 15.06.2025).

говорить о комплексном подходе в реализации этого принципа.

В условиях конкуренции и экономической нестабильности социально и экологически ответственное отношение к человеку и природе со стороны компаний становится важным фактором для многих бизнес-структур. Большинство компаний, исходя из концепции корпоративной социальной ответственности, особое внимание уделяют приоритетным направлениям. В их числе: экологические и социальные права человека, права сотрудников, защита окружающей среды, отношения с поставщиками и участие в жизни общества.

Принцип устойчивого развития нашёл своё выражение во многих международных и национальных документах стратегического планирования и представляет универсальное требование к различным управленческим бизнес-процессам.

В России вопросы социальной ответственности нашли своё отражение в ГОСТ Р ИСО 26000-2012. Национальный стандарт Российской Федерации. Руководство по социальной ответственности (утв. и введён в действие Приказом Росстандарта от 29.11.2012 № 1611-ст). В нём устойчивое развитие определяется как единство в достижении целей повышения качества жизни, обеспечения здоровья и благополучия населения с социальной справедливостью.

Таким образом, социальные, экономические и экологические цели были определены как взаимозависимые и взаимодополняющие. Они составляют основу права устойчивого развития. При этом предмет указанного права, по мнению Б. А. Шахназарова, составляют общественные отношения – экологические, социальные и корпоративные. Обозначенные отношения регулируются наряду с правовыми принципами, поощряемыми обществом, корпоративными подходами, опосредующими ESG-стандарты [4]. Концепция устойчивого развития бизнеса оценивает компании не только по финансовым показателям, но и по тому, как они влияют на окружающую среду и общество,

а также по тому, как выстроено их внутреннее управление.

Принцип взаимного доверия государства и общества направлен на то, чтобы обеспечивать гармоничное развитие личности, общества и государства. Его предназначение – содействовать открытости в организации и функционировании органов управления; обеспечивать достоверность официальной информации; создавать условия для балансирования частных и публичных интересов; формировать предсказуемость в социальных отношениях и ориентировать на добросовестность субъектов правоотношений.

Таким образом, можно отметить, что основная миссия рассматриваемого принципа является комплексной.

Основанное на принципе взаимного доверия государства и общества формирование концепции корпоративной социальной ответственности предполагает, что организации учитывают интересы общества и возлагают на себя ответственность за влияние своей деятельности на общественно значимые ценности – качество жизни, здоровье и благополучие населения. Это включает в себя не только соблюдение нормативных правовых актов, но и добровольное внедрение инициатив, направленных на обеспечение экологической безопасности, решение социальных и экономических проблем.

На современном глобальном рынке социально ответственные компании воспринимаются как те, которые вносят свой вклад в развитие общества, способны осуществлять ответственный бизнес, **добровольно участвуют в реализации социально значимых проектов и программ**, а их корпоративное управление направлено на координацию прав, обязанностей и законных интересов сторон (инвесторов, кредиторов, сотрудников, потребителей).

Реализация концепции корпоративной социальной ответственности: от теории к практике

Рассматриваемая концепция в современный период всё активнее внедряется в систему корпоративного управления. В её содержании пересекаются экологические и социальные факторы. Синтезирование экологической и социальной ответственности в корпоративном управлении активно поддерживается со стороны учёных, бизнес-сообщества и государства.

В Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г.¹ указано, что механизм повышения экологической и социальной ответственности бизнеса используется при решении задачи развития экономического регулирования и рыночных инструментов охраны окружающей среды (ч. «к» п. 17 раздела IV).

Однако формирование стимулирующих инструментариев повышения экологической и социальной ответственности в предпринимательской деятельности находится в начальной стадии проработки. Происходит поиск подходов, способных обеспечить действенную и эффективную реализацию концепции корпоративной социальной ответственности. В частности, разрабатывается эколого-экономический механизм рационального использования природных ресурсов, осуществляется внедрение принципов ESG в деятельность организаций. Специалисты, исследующие проблемы экологической ответственности, обращают внимание на то, что всё больше инвесторов переходят от парадигмы традиционного инвестирования к инвестированию, основанному на принципах экологической социальной корпоративной ответственности [5], и поэтому, как справедливо отмечает С. А. Боголюбов, необходимо отметить важность эколого-экономического механизма природопользования и охраны окружающей среды в

реализации предпринимательской деятельности [6].

Использование принципов ESG как части такого механизма позволяет не только минимизировать негативное воздействие на окружающую среду, но и обеспечить ответственное отношение к экологическим нормативам в производственных процессах. В современный период на их основе меняется тактика корпоративного управления, в соответствии с которой принципы ESG и корпоративная социальная ответственность становятся должностными адресованными бизнес-сообществу.

И. А. Алешкова и С. И. Коданева выделяют 2 основные модели, складывающиеся в системе российского корпоративного управления, связанные с принципами ESG. Первая модель «социальное корпоративное управление» – управление, основанное прежде всего на принципах, закреплённых в Кодексе корпоративного управления Банка России. Вторая модель «экологическое корпоративное управление» – управление, ориентированное на повышении уровня деловой репутации компании и основанное на реализации компанией принципов ESG и ЭКГ [7].

Компании во всём мире всё больше внимания уделяют устойчивой и ответственной деловой практике [8].

Ю. Шахван, исследуя эффективность деятельности ряда компаний с 2018 по 2022 гг., отмечает, что устойчивому корпоративному развитию, повышению конкурентоспособности компании и укреплению репутации способствует успешная реализация стратегии корпоративной социальной ответственности [9].

Западные учёные, анализируя опыт Европейского союза, показывают результаты, полученные при анализе выборки из ряда транснациональных корпораций за период 2011–2020 гг., которые демонстрируют положительное влияние адресованных компаниям требований о раскрытии экологической нефинансовой информации сформированных исходя из принципов ESG [10].

¹ Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» (утв. Президентом РФ 30.04.2012) // СПС Консультант Плюс.

Таким образом, формируется практика позитивной реализации концепции ESG-принципов как инструмента эколого-экономического регулирования, используемого в корпоративном управлении. Социальная и экологическая отчётность и раскрытие информации – наиболее распространённые механизмы, используемые в корпоративном управлении. В настоящее время многие компании публикуют отчёты о корпоративной социальной ответственности наряду с отчётами о корпоративном управлении.

Вместе с тем необходимо отметить, что требуется разработка эколого-экономического механизма природопользования и охраны окружающей среды с учётом единой методологии оценки показателей полезности ESG-концепции в виде унифицированной формы отчётности предприятий [11] и повсеместной практики внедрения в предпринимательскую деятельность инструментов эколого-экономического механизма рационального природопользования, в числе которых инструменты организационного, а также финансового обеспечения экологической и социальной ответственности как элементы корпоративного управления.

Учитывая, что концепция экологической и социальной ответственности бизнеса имеет междисциплинарный и комбинированный характер [12; 13; 14; 15], полагаем, что стимулирование бизнеса к корпоративной социальной ответственности со стороны государства, реализация государственно-частного партнёрства и поддержка наилучших практик могут принести пользу не только компании, но и обществу в достижении целей устойчивого развития и обеспечения экологической безопасности.

Специалисты обращают внимание на то, что законные интересы у различных структур не всегда совпадают, но именно направленность на общее благо обеспечивает их единение. Общим в общественных интересах и законных интересах бизнеса является устойчивое развитие экологического, экономического и социально-

го благосостояния общества [16]. Через государственную поддержку и институт ответственности достигается стимулирование активного и сознательного начала в исполнении обязанностей [17].

Так, например, в Китае участие государства в акционерном капитале изменило структуру владения частными компаниями, что привело к созданию механизма корпоративного управления, в котором несколько крупных акционеров контролируют и уравнивают друг друга [18].

Правительства стран Персидского залива для управления и регулирования корпоративной социальной ответственности используют такой инструмент как «образцовое поведение». В частности, постоянно и довольно открыто участвуют в корпоративной социальной ответственности, государственные предприятия, которые напрямую решают конкретные проблемы, связанные с корпоративной социальной ответственностью и тем самым косвенно создают прецедент для других компаний. Вместе с тем вопрос о стимулировании организаций к этому типу поведения в рамках хозяйственной деятельности остаётся не до конца разработанным. По мнению специалистов, существует нехватка инструментов для стимулирования социально ответственных инвестиций [19].

В условиях, когда происходит глобализация, в концепции корпоративного управления акценты на экологическую и социальную функцию в предпринимательской деятельности, приобретают особое значение.

Для эффективного развития концепции корпоративной социальной ответственности необходимы:

- 1) правовая согласованность экологической и социальной ответственности;
- 2) добросовестная реализация эколого-экономического механизма рационального использования природных ресурсов;
- 3) действенность принципов ESG;
- 4) укрепление взаимного доверия государства и общества;
- 5) системное повышение экологической культуры.

Заключение

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что концепция корпоративной социальной ответственности бизнеса активно развивается. Её современное содержание расширилось и включает экономические, социальные, экологические и правовые аспекты. Текущий этап, начавшийся в 2010 г., характеризуется активной разработкой новых международных социально-экологических стандартов в области осуществления предпринимательской

деятельности. В частности, ESG-стандарты стали использоваться как обязательные в корпоративной практике. Они соединили социальный, экономический и экологический аспекты в корпоративном управлении.

Представляется, что это их взаимодействие будет усиливаться, т. к. внимание инвесторов к соблюдению бизнес-структурами социальных, экологических принципов и норм стимулирует компании следовать ESG-стандартам для снижения правовых и финансовых рисков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Carroll A. B. A Three-dimensional Conceptual Model of Corporate Performance // *Academy of Management Review*. 1979. Vol. 4. Iss. 4. P. 497–505.
2. Carroll A. B. The Pyramid of Corporate Social Responsibility: Toward the Moral Management of Organizational Stakeholders // *Business Horizons*. 1991. Vol. 34. Iss. 4. P. 39–48.
3. Горошилов А. А., Карибов А. П. Эволюция концепции социальной ответственности бизнеса // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология*. 2007. Вып. 11. С. 139–143.
4. Шахназаров Б. А. Право устойчивого развития: понятие, методология. Трансформация ESG-повестки в условиях санкционных ограничений // *Lex Russica*. 2022. № 7. С. 51–63. DOI: 10.17803/1729-5220.2022.188.7.051-063
5. ESG-принципы: что это такое и зачем компаниям их соблюдать / С. Зайнуллин, А. Переладов, В. Пинаев, А. Порсев // *Трудовое право*. 2022. № 12. С. 57–73.
6. Боголюбов С. А. Реализация экологической политики посредством права: монография. М.: ИНФРА-М, 2015. 320 с.
7. Алешкова И. А., Коданева С. И. Принципы ESG в российской модели корпоративного управления: современное состояние и перспективы // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2025. Т. 18. № 2. С. 118–138. DOI: 10.17323/2072-8166.2025.2.118.138
8. Saleem S., Bashir H. Environmental Corporate Social Responsibility and Green Dynamic Capability: The Moderating Role of Slack Resources // *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*. 2024. Vol. 31. P. 3379–3394. DOI: 10.1002/csr.2751
9. Shahwan Y. CSR and Sustainable Development of the Firms with Moderating Effect of CG: Evidence from Developing Countries // *Business Strategy & Development*. 2025. Vol. 8. Iss. 2. P. 1–17. DOI: 10.1002/bsd2.70121
10. How does the European Green Deal Affect the Disclosure of Environmental Information? / I.-M. Garcia-Sanchez, E. Ortiz-Martinez, S. Marín-Hernandez, B. Aibar-Guzman // *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*. 2023. Vol. 30. P. 2766–2782. DOI: 10.1002/csr.2514
11. Аваков В. А., Шинкевич А. И. Система показателей эффективности ESG-концепции: состояние и перспективы оценки // *Вестник Самарского университета. Экономика и управление*. 2024. Т. 15. № 3. С. 59–68. DOI: 10.18287/2542-0461-2024-15-3-59-68.
12. Матова Н. И., Мишулина С. И. Социально-экологическая ответственность бизнеса: сущность, факторы формирования, особенности проявления // *Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика*. 2020. Т. 22. № 3. С. 123–137. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2020.3.11
13. Arslan M., Abeuova D. Corporate Social Responsibility and Organizational Commitment: Evidence from Kazakhstan // *Central Asian Economic Review*. 2021. № 4. P. 64–81. DOI: 10.52821/2789-4401-2021-4-64-81
14. Ершова И. В., Енькова Е. Е., Лаптев В. А. Корпоративная социальная ответственность в системе координат устойчивого развития // *Предпринимательское право*. 2022. № 2. С. 25–35. DOI: 10.18572/1999-4788-2022-2-25-35.
15. Косорукова И. В., Ксенофонтова О. Д. Влияние корпоративной социальной ответствен-

- ности бизнеса на финансовые показатели российских публичных акционерных обществ // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 4. С. 43–55. DOI: 10.24412/2072-4098-2024-4271-43-55
16. Предпринимательское право России: взгляд в будущее (Научная школа предпринимательского права МГУ) / отв. ред. Е. П. Губин, Ю. С. Харитоновна. М.: Юстицинформ, 2024. 520 с.
 17. Певцова Е. А. О некоторых особенностях юридической техники в процессе правотворчества в сфере образования // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2013. № 4. С. 113–121.
 18. Zhang T., Gu L., Wang J. J. State-owned Capital and Corporate Social Responsibility of Private-holding Companies: Evidence from China // *Accounting & Finance*. 2023. Vol. 63. P. 1101–1120. DOI: 10.1111/acfi.12931
 19. Atghia N., Nazarian A., Shahzad M. Embracing Social Responsibility: Insights from Iranian Premier League Football Clubs // *Business and Society Review*. 2025. Vol. 130. Iss. 2. P. 162–188. DOI: 10.1111/basr.70008

REFERENCES

1. Carroll, A. B. (1979). A Three-dimensional Conceptual Model of Corporate Performance. In: *Academy of Management Review*, 4-4, 497–505.
2. Carroll, A. B. (1991). The Pyramid of Corporate Social Responsibility: Toward the Moral Management of Organizational Stakeholders. In: *Business Horizons*, 34-4, P. 39–48.
3. Goroshilov, A. A. Karibov, A. P. (2007). Evolution of the Concept of Social Responsibility of Business. In: *Journal of Volgograd State University. Economics*, 11, 139–143 (in Russ.).
4. Shakhnazarov, B. A. (2022). Sustainable Development Law: Concept, Methodology. Transformation of the ESG Agenda in the Context of Sanctions Restrictions. In: *Lex Russica*, 7, 51–63. DOI: 10.17803/1729-5220.2022.188.7.051-063 (in Russ.).
5. Zaynullin, S., Pereladov, A., Pinaev, V. & Porsev, A. (2022). ESG principles: What are They, and Why Companies Should Follow Them. In: *Labor Law*, 12, 57–73 (in Russ.).
6. Bogolyubov, S. A. (2015). *Implementation of Environmental Policy Through Law*. Moscow: INFRA-M publ. (in Russ.).
7. Aleshkova, I. A. & Kodaneva, S. I. (2015). ESG Principles in the Russian Corporate Management Model: Current State and Prospects. In: *Law Journal of the Higher School of Economics*, 18-2, 118–138. DOI: 10.17323/2072-8166.2025.2.118.138 (in Russ.).
8. Saleem, S. & Bashir, H. (2024). Environmental Corporate Social Responsibility and Green Dynamic Capability: The Moderating Role of Slack Resources. In: *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 31, 3379–3394. DOI: 10.1002/csr.2751.
9. Shahwan, Y. (2025). CSR and Sustainable Development of the Firms with Moderating Effect of CG: Evidence from Developing Countries. In: *Business Strategy & Development*, 8-2, 1–17. DOI: 10.1002/bsd2.70121.
10. Garcia-Sanchez, I.-M., Ortiz-Martinez, E., Marín-Hernandez, S. & Aibar-Guzman, B. (2023). How does the European Green Deal Affect the Disclosure of Environmental Information? In: *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 30, 2766–2782. DOI: 10.1002/csr.2514.
11. Avakov, V. A., Shinkevich, A. I. (2024). The ESG Concept Performance Indicator System: Status and Assessment Prospects. In: *Vestnik of Samara University. Economics and Management*, 15 (3), 59–68. DOI: 10.18287/2542-0461-2024-15-3-59-68 (in Russ.).
12. Matova, N. I. & Mishulina, S. I. (2020). Social and Environmental Responsibility of Business: Essence, Formation Factors, and Manifestation Features. In: *Journal of Volgograd State University. Economics*, 22-3, 123–137. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2020.3.11 (in Russ.).
13. Arslan, M. & Abeuova, D. (2021). Corporate Social Responsibility and Organizational Commitment: Evidence from Kazakhstan. In: *Central Asian Economic Review*, 4, 64–81. DOI: 10.52821/2789-4401-2021-4-64-81.
14. Ershova, I. V., Enkova, E. E. & Laptev, V. A. (2022). Corporate Social Responsibility in the Sustainable Development Coordinate System. In: *Entrepreneurial Law*, 2, 25–35. DOI: 10.18572/1999-4788-2022-2-25-35 (in Russ.).
15. Kosorukova, I. V. & Ksenofontova, O. D. (2024). The Impact of Corporate Social Responsibility of Business on the Financial Performance of Russian Public Joint Stock Companies. In: *Property Relations*

- in the Russian Federation*, 4, 43–55. DOI: 10.24412/2072-4098-2024-4271-43-55 (in Russ.).
16. Gubin, E. P. & Kharitonova, Yu. S., eds. (2024). *Entrepreneurial Law in Russia: Look into the Future (Scientific School of Entrepreneurial Law at Moscow State University)*. Moscow, Yustitsinform publ. (in Russ.).
 17. Pevtsova, E. A. (2013). On Some Features of Legal Technique in the Process of Lawmaking in the Sphere of Education. In: *Fundamental and Applied Researches of the Cooperative Sector of the Economy*, 4, 113–121 (in Russ.).
 18. Zhang, T., Gu, L. & Wang, J. J. (2023). State-Owned Capital and Corporate Social Responsibility of Private-Holding Companies: Evidence from China. In: *Accounting & Finance*, 63, 1101–1120. DOI: 10.1111/acfi.12931.
 19. Atghia, N., Nazarian, A. & Shahzad, M. (2025). Embracing Social Responsibility: Insights from Iranian Premier League Football Clubs. In: *Business and Society Review*, 130-2, 162–188. DOI: 10.1111/basr.70008.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вакула Марина Анатольевна (г. Москва) – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного и экологического права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;
e-mail: vakula2004@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9790-1531

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina A. Vakula (Moscow) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Head of the Department Head, Department of Land and Environmental Law, Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;
e-mail: vakula2004@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9790-1531

Научная статья
УДК 342.712
DOI: 10.18384/2949-513X-2025-1-25-32

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ И ГРАЖДАНСТВО: ОПЫТ ИСПАНИИ

Вениаминова М. В.

Государственный университет просвещения

г. Москва, Российская Федерация

e-mail: maria.veniaminova@gmail.com; ORCID: 009-0008-0016-4765

Поступила в редакцию 28.05.2025

После доработки 16.06.2025

Принята к публикации 26.06.2025

Аннотация

Цель. Анализ испанского опыта регулирования вопросов предоставления гражданства мемориальными законами, или законами о сохранении и защите исторической памяти с целью выявления современных тенденций института гражданства, его субинститутов.

Процедура и методы. Ключевым исследовательским методом стал формально-юридический, позволивший проанализировать нормы о гражданстве, закреплённые в мемориальных законах и иных нормативных правовых актах Испании на языке оригинала. Использование сравнительно-правового метода позволило сопоставить подходы к трактовке субинститута оптации в Испании и России, выявить в нём особенности, присущие испанской традиции. Приведены взгляды отечественных исследователей на природу мемориальных законов и зарубежных на характерные черты субинститутов гражданства: оптации и выдачи свидетельства о натурализации.

Результаты. В результате анализа опыта Испании, сделан вывод, что с принятием мемориальных законов субинститут оптации, традиционно рассматриваемый в испанской доктрине как способ получения приобретённого гражданства, теперь трансформируется в способ получения гражданства по рождению. В свою очередь, субинститут выдачи свидетельства о натурализации из обычного упрощённого способа приёма в гражданство страны иностранцев становится многофункциональным и междисциплинарным субинститутом, способным решать не только публично-правовые, но и социальные задачи.

Теоретическая и/или практическая значимость. Раскрыт опыт Испании по регламентации вопросов предоставления гражданства мемориальными законами.

Ключевые слова: гражданство, демократическая память, Испания, мемориальные законы, оптация (право на выбор гражданства), свидетельство о натурализации

Для цитирования:

Вениаминова М. В. Мемориальные законы и гражданство: опыт Испании // Московский юридический журнал. 2025. № 1. С. 25–32. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-1-25-32>.

Original research article

MEMORIAL LAWS AND NATIONALITY: SPAIN'S EXPERIENCE

M. Veniaminova

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: maria.veniaminova@gmail.com; ORCID: 009-0008-0016-4765

Received by the editorial office 28.05.2025

Revised by the author 16.06.2025

Accepted for publication 26.06.2025

Abstract

Aim. To analyze Spain's experience of regulating citizenship through memorial laws or laws devoted to preservation and protection of historical memory to identify current trends in the institution of citizenship and its substitutes.

Methodology. The key research method was the formal legal approach, which made it possible for the author to analyze the citizenship norms enshrined in memorial laws and other Spanish legal acts in their original languages. For example, the author has compared approaches to the interpretation of the sub-institution of option in Spain and Russia, identifying its characteristics inherent to the Spanish tradition, using a comparative legal approach. The article presents the views of Russian researchers on the nature of memorial laws and international scholars on the characteristic features of the sub-institutions of citizenship: option and the issuance of a naturalization certificate.

Results. Using the results obtained through analysis of Spain's experience the author concludes that with the adoption of memorial laws, the sub-institution of option, traditionally viewed in Spanish doctrine as a means of acquiring acquired citizenship, is now being transformed into a method of acquiring citizenship by birth. In turn, the sub-institution for issuing a naturalization certificate, rather than being a simple, simplified method for admitting foreigners to the country's citizenship, is becoming a multifunctional and interdisciplinary sub-institution capable of addressing not only public law but also social issues.

Research implications. The experience of Spain in regulating the issues of granting citizenship by memorial laws is disclosed.

Keywords: nationality, citizenship, democratic memory, Spain, memorial laws, option (right to choose citizenship), certificate of naturalization

For citation:

Veniaminova, M. W. (2025). Memorial Laws and Nationality: Spain's Experience. In: *Moscow Juridical Journal*, 1, 25–32. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-1-25-32>.

Введение

Одной из тенденций, характерных для современной Европы, как отмечают ведущие отечественные компаративисты, является увеличение числа актов, регулирующих вопросы, связанные с исторической памятью [1, с. 1324]. Ярким примером данной закономерности в настоящее время является Испания, в законодательстве которой также сложилась правовая ситуация регламентирования вопросов предоставления гражданства мемориальными законами¹, или законами о сохранении и защите исторической памяти.

¹ Совет Европы даёт данным актам следующее определение: «Законы о памяти» закрепляют одобренные государством толкования важнейших исторических событий и продвигают определённые нарративы о прошлом, запрещая, например, распространение тоталитарных идеологий или криминализируя выражения, которые отрицают, грубо преуменьшают, одобряют или оправдывают действия, составляющие геноцид или престу-

Как корректно отмечают отечественные исследователи, «мемориальные законы представляют собой явление, способствующее непосредственной актуализации прошлого и “историзации” современности» [2, с. 224]. При этом в зарубежной литературе отсутствуют единые подходы к пониманию мемориальных законов [3, с. 7–8]. Вместе с тем, как отмечают зарубежные авторы, «мемориальные законы рассматриваются в Европе в качестве инструмента умиротворения общества, утверждения национальной идентичности, построенной на демократической основе, образования граждан в духе толерантности и прав человека» [3, с. 12]. По мнению

пления против человечности, как определено международным правом. См.: Council of Europe. Thematic factsheet “Memory Laws and Freedom of Expression”. July 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/factsheet-on-memory-laws-july2018-docx/16808c1690> (дата обращения: 05.05.2024).

отечественных исследователей, «на современном этапе сложилось несколько моделей правового обеспечения реализации официальной политики памяти»; что касается Испании, то она представляет примечательную модель, «особенность которой состоит в том, что способом её реализации является принятие подзаконного акта, который затем утверждается парламентом» [4, с. 45, 51].

Особенности регламентации вопросов гражданства в испанском праве

Современное правовое регулирование института гражданства в Испании осуществляется на 3 уровнях: конституционном, законодательном и договорном. Базовые принципы в сфере гражданства закреплены в Конституции 1978 г. (ст. 11), а основным нормативным правовым актом, комплексно регулирующим вопросы гражданства Испании, является Гражданский кодекс (ст. 17–26).

В знак признания исторического долга, в целях сохранения демократической памяти в Испании регламентирование приёма в гражданство страны отдельных групп лиц предусмотрено специально принятыми нормативными правовыми актами, в число которых входят: Закон № 20 от 19 октября 2022 г. «О демократической памяти» (*Ley de Memoria Democrática*)¹, Закон № 12 от 24 июня 2015 г. «О предоставлении испанского гражданства коренным сефардам Испании»² и Королевский Декрет № 1792 от 3 ноября 2008 г. «О предоставлении испанского гражданства добровольцам – участникам Интернациональных бригад»³. Данные акты мы предлагаем выделить и

рассматривать в качестве самостоятельного блока законов о гражданстве, целью которых является сохранение и защита памяти.

Когда испанские власти хотят поддерживать связь с потомками испанцев, они предоставляют им гражданство по рождению, а потомкам коренных евреев Испании – сефардам и иностранным добровольцам, участвовавшим в Гражданской войне Испании на стороне республиканцев с октября 1936 по октябрь 1938 гг., выдают приобретённое гражданство в упрощённом порядке⁴, которое в испанской литературе также называют производным гражданством [5, с. 193].

При этом все вышеуказанные категории лиц освобождены от предусмотренного п. б) ст. 23 Гражданского кодекса⁵ требования об отказе от прежнего гражданства для законного приобретения испанского гражданства. Как отмечают испанские исследователи, в данных случаях речь идёт о множественном гражданстве, признаваемом Испанией в одностороннем порядке [6, p. 67; 7, p. 292].

¹ Ley 20/2022, de 19 de octubre, de Memoria Democrática // BOE. 2022. 19 octubre. № 252. P. 142367–142421. Широко известен в Испании также, как Закон о внуках (*Ley de Nietos*), реже как Новый Закон о внуках (*Nueva Ley de Nietos*).

² Ley 12/2015, de 24 de junio, en materia de concesión de la nacionalidad española a los sefardíes originarios de España // BOE. 2015. 25 junio. № 151. P. 52557–52564.

³ Real Decreto 1792/2008, de 3 de noviembre, sobre concesión de la nacionalidad española a los voluntarios integrantes de las Brigadas Internacionales // BOE. 2008. № 277. P. 45577–45581.

⁴ Выдача свидетельства о натурализации является обычным способом приёма в гражданство иностранцев в упрощённом порядке. Законом не предусмотрены формальные требования в отношении иностранцев для выдачи соответствующего свидетельства, а для приобретения гражданства им необходимо только подать заявление. Лицо, получающее свидетельство о натурализации, освобождается от соблюдения ряда условий, необходимых для приёма в гражданство в общем порядке: ценза оседлости, а также прохождения тестирования на знание конституционных основ и социокультурных реалий Испании, языкового ценза – интеграционных требований. Как правило, данный способ приёма в гражданство страны применяется в отношении лиц, которые имеют особые заслуги перед Испанией. В их числе можно отметить внесение существенного вклада в развитие страны, наличие достижений в таких областях, как наука, экономика, культура, спорт. Т. е. в том случае, если испанское правительство решит, что предоставление гражданства страны отвечает национальным интересам.

⁵ Real Decreto de 24 de julio de 1889 por el que se publica el Código Civil [Электронный ресурс] // Gaceta de Madrid. 1889. № 206. URL.: [https://www.boe.es/eli/es/rd/1889/07/24/\(1\)/con](https://www.boe.es/eli/es/rd/1889/07/24/(1)/con) (дата обращения: 05.12.2024).

**Предоставление испанского
гражданства потомкам коренных
евреев Испании – сефардам и
иностранцам добровольцам,
участвовавшим в Гражданской войне
Испании на стороне республиканцев:
общее и частное**

В соответствии с законом № 12 от 24 июня 2015 г. сефардами признаются проживавшие на Пиренейском (Иберийском) полуострове евреи, которые после издания Указов 1492 г.¹ были вынуждены переехать или были изгнаны, а также их потомки (абз. 1 ч. 1 преамбулы). Поскольку заинтересованные лица не проживают на территории Испании, для получения свидетельства о натурализации в Испании им необходимо подтвердить статус сефарда², а также наличие особой связи с Испанией (ч. 1 ст. 1). В обязательном порядке им необходимо представить надлежащим образом заверенное или удосто-

веренное апостилом свидетельство о рождении, при необходимости переведённое (ч. 4 ст. 1), а также подтвердить владение родным языком – ладино³ или хакития⁴ (ч. 5 ст. 1).

В целях подтверждения особой связи с Испанией потомкам сефардов требуется пройти 2 экзамена в тестовой форме: CCSE, подтверждающий прохождение теста на знание конституционных основ и социокультурных реалий Испании, и DELE, подтверждающего владение испанским языком как иностранным. При этом для приобретения испанского гражданства участником интербригад необходимо лишь подать в Министерство юстиции или в муниципальные, или консульские, отделения Гражданского регистра по месту жительства заявление, к которому они также могли приложить любые документы и сведения, подтверждающие наличие у них исключительных обстоятельств (ст. 3).

В отличие от добровольцев – участников интербригад, право на получение свидетельства о натурализации которых не было ограничено сроками, воспользоваться правом на получение свидетельства о натурализации потомки сефардов могли в течение 3 лет после вступления в силу Закона. При этом Совет министров Испании продлил срок подачи заявлений ещё на 1 год. Таким образом, получить испанское гражданство потомки сефардов могли до 1 октября 2019 г. На момент окончания действия закона наблюдался значительный рост подачи заявлений потомками сефардов, что затруднило обработку поступивших документов и выдачу сертификатов Федерацией еврейского сообщества Испании в установленные сроки (до 1 октября 2019 г.). Кроме того, многие заинтересованные лица столкнулись ещё с одной проблемой: недостаточным количе-

¹ Указ о выселении. Речь идёт об Альгамбрском декрете, иначе именуемом как Гранадский эдикт, который был промублирован 31 марта 1492 г. Следует отметить, что одновременно действовали 2 редакции данного акта – под указами 1492 г. имеются ввиду именно эти 2 редакции. Первая из них была подписана правящей королевской четой Фердинандом II Арагонским и Изабеллой I Кастильской и была действительна для Кастильской короны. Вторая была скреплена подписью короля Фердинанда II и действовала на территории Арагонской короны.

² В качестве подтверждения статуса сефарда могут использоваться сертификат, выданный председателем Постоянной комиссии Федерации еврейского сообщества Испании, места проживания или родного города заинтересованного лица, сертификат уполномоченного раввинского органа, законно признанным в стране проживания заявителя. Заинтересованное лицо также может приложить к указанным документам сертификат, выданный председателем Постоянной комиссии Федерации еврейского сообщества Испании, который подтверждает статус и правомочность органа, выдавшего заинтересованному лицу сертификат в стране проживания. Кроме того, в целях подтверждения соответствующего статуса заинтересованные лица могут представить свидетельство о рождении, ктубу (брачный договор у евреев) или свидетельство о заключении брака, проведённого в соответствии с традициями Кастилии, а также иные акты, которые подтверждают, что семья заявителя ведёт своё происхождение от коренных испанских сефардов Испании (ч. 2 ст. 1).

³ Или еврейско-испанский язык. Разговорный и литературный язык евреев испанского происхождения – сефардов.

⁴ Диалект сефардского языка (ладино). Язык сефардов Северной Африки (Алжир, Тунис, Марокко) имеет самоназвание «хакития» или «хакетия», употребляющееся и в научной литературе для обозначения соответствующего диалекта.

ством квот для сдачи экзаменов в филиалах Института Сервантеса в установленные сроки. В этой связи 9 сентября 2019 г. был принят Циркуляр Главного управления регистров и нотариата «О сроках подачи заявлений о предоставлении испанского гражданства сефардам, происходящим из Испании»¹, который продлил сроки для предоставления документов; при этом заинтересованным лицам было необходимо указать причины задержки в подаче документов.

Как сообщает испанская газета *La Razón*, всего испанское гражданство получили 23 участника интербригад: 19 – в 2009 г., 1 – в 2010 г., 2 – в 2011 г. и 1 – в 2013 г.² По данным Министерства управления председателем правительства, юстиции и по связям с парламентом Испании на 31 декабря 2024 г. в Главное управление правового обеспечения и засвидетельствования документов поступило 88 869 обращений по вопросу предоставления испанского гражданства потомкам сефардов путём выдачи свидетельства о натурализации, из которых были одобрены 72 209³.

Положения, посвящённые гражданству, содержатся в ст. 33 и Восьмом дополнительном положении Закона № 20 от 19 октября 2022 г. Согласно норме, закреплённой в ст. 33, теперь испанское гражданство предоставляется не только доброволь-

цам – участникам Интернациональных бригад, которые принимали участие в Гражданской войне 1936–1939 гг., – но и их потомкам, которые подтвердили постоянно проводимую работу по распространению памяти своих предков и защите демократии в Испании, т. е. поддерживают политику по сохранению и защите исторической демократической памяти, проводимую в Испании. Гражданство данной категории лиц предоставляется путём выдачи свидетельства о натурализации, предусмотренной ч. 1 ст. 21 ГК Испании, согласно которой испанское гражданство приобретается посредством свидетельства о натурализации, выдаваемому по усмотрению на основании Королевского декрета при наличии у заинтересованного лица исключительных обстоятельств. Согласно ч. 1 ст. 33 Закона № 20 от 19 октября 2022 г. за добровольцами – участниками Интернациональных Бригад и их потомками признаётся наличие исключительных обстоятельств и, соответственно, они имеют право на получение гражданства страны этим способом.

Предоставление испанского гражданства по рождению потомками испанцев: изменение традиционных подходов к трактовке субинститута оптации

Другим способом могут получить испанское гражданство потомки испанцев. В Восьмом дополнительном положении Закона № 20 от 19 октября 2022 г. содержится следующая норма о гражданстве: имеют право выбрать испанское гражданство согласно ст. 20 ГК⁴ лица, родившиеся за пределами Испании от отца или матери, бабушки или бабушки, которые изначально были испанцами и которые в результате изгнания по политическим, идеологическим или религиозным причинам, а также по причинам сексуальной идентичности и

¹ Circular de la Dirección General de los Registros y del Notariado sobre el Plazo para Presentar la Solicitud para la Concesión de la Nacionalidad Española a los Sefardíes Originarios de España de 9 de septiembre de 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.exteriores.gob.es/Consulados/mexico/es/Comunicacion/Noticias/Documents/1292430316381-Circular_de_9_de_septiembre_de_2019_de_la_Direccion_General_de_los_Registros_y_del_Notariado_sobre.pdf (дата обращения: 25.05.2024).

² Bartolomé A. “23 miembros de las Brigadas Internacionales han recibido la nacionalidad española” // *La Razón*. 22.06.2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.larazon.es/espana/23-miembros-brigadas-internacionales-han-recibido-nacionalidad-espanola_2023062264935733e9f5530001cc27f4.html (дата обращения: 15.05.2024).

³ Datos Estadísticos Básicos de Nacionalidad a 31/03/2025. P. 2 [Электронный ресурс]. URL: https://www.mjusticia.gob.es/es/Ciudadano/Nacionalidad/Documents/Estadisticas_nacionalidad_31_03_2025.pdf (дата обращения: 25.05.2024).

⁴ Согласно п. б) ч. 1 ст. 20 ГК имеют право на выбор испанского гражданства те, чьи отец или мать были испанскими гражданами по происхождению и родились в Испании.

ориентации, утратили или отказались от испанского гражданства.

Аналогичным способом могут приобрести испанское гражданство следующие лица:

– сыновья и дочери, родившиеся за границей у испанских гражданок, которые утратили своё гражданство, заключив брак с иностранцами до вступления в силу Конституции 1978 г.;

– совершеннолетние сыновья и дочери тех испанских граждан, за которыми было признано их гражданство по рождению в силу права на выбор гражданства (оптацию) в соответствии с положениями настоящего Закона и Седьмого дополнительного положения Закона № 52 от 26 декабря 2007 г.

Следует отметить, что в результате гражданской войны и диктатуры Ф. Франко более 500 тыс. человек были вынуждены эмигрировать из страны, в основном во Францию и страны Латинской Америки [8, р. 10]. Не случайно именно с этими странами, ставшими новой родиной для испанцев, Испания заключила соглашения о регулировании вопросов (двойного) гражданства [9, р. 199–216].

В Испании оптация, или право на выбор гражданства, может быть предусмотрена по различным основаниям, например, родству с испанским гражданином – усыновление / удочерение, и традиционно относится к способам получения приобретённого гражданства в неавтоматическом порядке, однако теперь в связи с принятием мемориального закона в 2022 г. данным способом, можно приобрести также и гражданство Испании по рождению. *Право на выбор гражданства* (оптация) является привилегированным способом приобретения гражданства, поскольку данная возможность предоставляется тем лицам, которые имеют особые связи с Испанией [10, р. 27].

Приобретение гражданства по рождению путём оптации, как правило, ограничено сроками. Лица, на которых распространялись положения Закона № 20 от 19 октября 2022 г. могут воспользоваться правом на выбор испанского гражданства в течение 2 лет с момента вступления

Закона в силу; при этом данный срок был продлён постановлением Совета министров на 1 год. Таким образом, воспользоваться правом на выбор испанского гражданства по рождению потомки испанцев могут до октября 2025 г.

Согласно данным, предоставленным Отчётом консульской деятельности Испании за 2023 г., в период с 21 октября 2022 г. по 31 декабря 2023 г. в консульские учреждения поступило 226 354 заявления на получение гражданства страны, предусмотренное Восьмым дополнительным положением Закона «О демократической памяти», из которых 69 421 обратившихся получили испанское гражданство на основании оптации¹.

Заключение

Институт выдачи свидетельства о натурализации наряду с правом на выбор гражданства (оптацией) является привилегированным способом приобретения гражданства, поскольку данная возможность предоставляется тем лицам, которые обладают исключительными обстоятельствами [11, р. 77]. Вместе с тем приобретение испанского гражданства данным способом не является распространённым. Сохранение в испанском законодательстве возможности предоставления гражданства путём выдачи свидетельства о натурализации играет важную роль, поскольку служит своеобразным механизмом восстановления исторической справедливости со стороны властей страны.

Субинститут выдачи свидетельства о натурализации в Испании теперь является не просто обычным упрощённым способом приёма в гражданство иностранцев, он становится многофункциональным и междисциплинарным (конституционно-правовым, административным и социологическим) институтом, поскольку решает

¹ Balance Actividad Consular 2023. P.5, 13. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lamoncloa.gob.es/consejodeministros/resumenes/Documents/2024/210524-ministerio-asuntos-exteriores-balance-actividad-consular-2023.pdf> (дата обращения: 25.02.2025).

не только публично-правовые, но и социальные задачи (восстановление исторической справедливости).

С принятием мемориального закона в 2022 г. изменились и подходы к трактовке субинститута оптации: теперь данным способом, традиционно рассматриваемым в испанской доктрине в качестве способа получения приобретённого гражданства, можно получить испанское гражданство по рождению.

Таким образом, в целях признания особой исторической связи испанский законодатель использует институт гражданства: потомкам испанцев в этих целях предоставляется право на выбор испанского гражданства по рождению (оптация), а

иностранцам и их потомкам – приобретённое гражданство путём выдачи свидетельство о натурализации.

В Испании вид и способ получения гражданства оказывает определённое влияние на последующий статус лица, поскольку граждане по рождению обладают особыми привилегиями. Так, в соответствии с Конституцией они могут сохранить своё гражданство в случае приобретения гражданства тех стран, с которыми Испания заключила соглашения о двойном гражданстве (ч. 3 ст. 11), стать опекуном несовершеннолетнего короля (ч. 1 ст. 60). Кроме того, они не могут быть лишены своего гражданства по рождению (ч. 2 ст. 11)¹.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): мат-лы конф. Ч. 1 / под ред. Н. С. Нижника. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. 2589 с.
2. Дорская А. А., Дорский А. Ю. Мемориальные законы как инструмент легитимации власти // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Право. 2020. № 1. С. 223–238.
3. Переживание истории как фактор самоидентификации государств и народов в XXI веке: правовые аспекты: сб. статей / под ред. А. А. Дорской, Н. Д. Петровой, А. В. Сидорова. СПб.: Астерион, 2023. 232 с.
4. Дорская А. А. Переживание истории как фактор самоидентификации государств и народов в XXI веке: правовое измерение. СПб.: Астерион, 2023. 176 с.
5. Вениаминова М. В. Рецепция французских подходов в испанском праве (на примере института гражданства) // Государство и право. 2019. № 3. С. 192–196.
6. Soto Moya M. Derecho de opción a la nacionalidad española en la Ley 20/2022 de Memoria Democrática y su incidencia en la libre circulación de personas // Revista Electrónica De Estudios Internacionales. 2023. № 46. P. 63–90.
7. Álvarez Rodríguez A. La doble nacionalidad // Nociones básicas del Registro Civil y problemas frecuentes en materia de nacionalidad. Madrid, 2015. 949 p.
8. Country Report on Citizenship Law: Spain. Revised and updated January 2015 / R. Rubio Marín, I. Sobrino, A. Martín Pérez, F. J. Moreno Fuentes // EUDO Citizenship Observatory. 2015. № 4. P. 1–47.
9. Вениаминова М. В. Договорное регулирование двойного гражданства в Испании // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 2. С. 199–216.
10. Lete del Río J. M. La Adquisición de la Nacionalidad por Opción // Actualidad Civil. 1994. № 1. P. 27–48.
11. Álvarez Rodríguez A. Guía de la Nacionalidad Española. Madrid: Ministerio de Trabajo e inmigración, 1996. 240 p.

REFERENCES

1. Nizhnik, N. S., ed. (2023). *State and Law: Evolution, Current State, Development Prospects (To the 25th Anniversary of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia)*. Pt. 1. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia publ. (in Russ.).
2. Dorskaya, A. A. & Dorsky, A. Yu. (2020). Memorial Laws as an Instrument of Power Legitimization. In: *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 1, 223–238 (in Russ.).
3. Dorskaya, A. A., Petrova, N. D. & Sidorova, A. V., eds. (2023). *Historical Experience as a Factor in the*

¹ Constitución Española // Boletín Oficial del Estado. 1978. № 311. P. 29313–29424.

- Self-Identification of States and Peoples in the 21st century: Legal Aspects*. St. Petersburg: Asterion publ. (in Russ.).
4. Dorskaya, A. A. (2023). *Historical Experience as a Factor in the Self-Identification of States and Peoples in the 21st century: Legal Dimension*. St. Petersburg: Asterion publ. (in Russ.).
 5. Veniaminova, M. V. (2019). Reception of French Approaches in Spanish Law (On the Example of the Institution of Citizenship). In: *State and Law*, 3, 192–196 (in Russ.).
 6. Soto Moya M. (2023). Derecho de opción a la nacionalidad española en la Ley 20/2022 de Memoria Democrática y su incidencia en la libre circulación de personas. In: *Revista Electrónica De Estudios Internacionales*, 46, 63–90.
 7. Álvarez Rodríguez A. (2015). La doble nacionalidad. In: *Nociones básicas del Registro Civil y problemas frecuentes en materia de nacionalidad*. Madrid.
 8. Rubio Марнн, R., Sobrino, I., Martín Pérez, A. & Moreno Fuentes, F. J. (2015). Country Report on Citizenship Law: Spain. Revised and updated January 2015. In: *EUDO Citizenship Observatory*, 4, 1–47.
 9. Veniaminova, M. V. (2016). Contractual Regulation of Dual Citizenship in Spain. In: *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2, 199–216 (in Russ.).
 10. Lete del Río J. M. (1994). La Adquisición de la Nacionalidad por Opción. In: *Actualidad Civil*, 1, 27–48.
 11. Álvarez Rodríguez A. (1996). Guía de la Nacionalidad Española. Madrid: Ministerio de Trabajo e inmigración.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вениаминова Мария Вальтеровна (г. Москва) – старший преподаватель кафедры конституционного и гражданского права Государственного университета просвещения;
e-mail: maria.veniaminova@gmail.com, esp.it@ya.ru; ORCID: 009-0008-0016-4765

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria W. Veniaminova (Moscow) – Senior Lecturer, Department of Constitutional and Civil Law, Federal State University of Education;
e-mail: maria.veniaminova@gmail.com, esp.it@ya.ru; ORCID: 009-0008-0016-4765

Научная статья
УДК 342.9
DOI: 10.18384/2949-513X-2025-1-33-41

УНИЧТОЖЕНИЕ САНКЦИОННЫХ ТОВАРОВ КАК МЕРА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРЕСЕЧЕНИЯ

Ермолаева Е. В.

*Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: ev.ermolaeva@guppros.ru; ORCID: 0000-0002-2593-4534*

Поступила в редакцию 17.01.2025

После доработки 14.02.2025

Принята к публикации 04.03.2025

Аннотация

Цель. Определить правовую природу уничтожения сельскохозяйственной продукции, ввезённой из стран, которые ввели в отношении российских физических и юридических лиц экономические санкции.

Процедура и методы. Проведён анализ правовых средств применения указанной меры, изучены стадии её реализации, определено её место в системе мер государственного принуждения.

Результаты. Проведённый анализ показал, что уничтожение санкционных товаров является мерой пресечения правонарушения, предусмотренного статьёй 16.3 Кодекса об административных правонарушениях, имеет установленную процедуру и средства реализации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщены и систематизированы знания об уничтожении сельскохозяйственных товаров, запрещённых к ввозу на территорию страны. Данные настоящего исследования будут полезны для дальнейшего изучения института административного принуждения и административного пресечения в частности.

Ключевые слова: меры административной ответственности, меры государственного принуждения, меры пресечения, специальные экономические меры, уничтожение санкционных товаров

Для цитирования:

Ермолаева Е. В. Уничтожение санкционных товаров как мера административного пресечения // Московский юридический журнал. 2025. № 1. С. 33–41. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-1-33-41>.

Original research article

DESTRUCTION OF SANCTIONED GOODS AS AN ADMINISTRATIVE RESTRAINT MEASURE

E. Ermolaeva

*Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation
e-mail: ev.ermolaeva@guppros.ru; ORCID: 0000-0002-2593-4534*

Received by the editorial office 17.01.2025

Revised by the author 14.02.2025

Accepted for publication 04.03.2025

Abstract

Aim. To determine the legal nature of the destruction of agricultural products imported from countries that have imposed economic sanctions on Russian individuals and legal entities.

Methodology. An analysis of the legal means to apply this measure has been carried out, the stages of its implementation have been studied, and its place in the system of state coercion measures has been determined.

Results. The analysis has shown that the destruction of sanctioned goods is a measure of suppression of the offense, it is provided for in Article 16.3 of the Code of Administrative Offenses and it has its own procedure and mechanism of implementation.

Research implications. The theoretical significance consists in the generalization and systematization of knowledge about the destruction of agricultural goods prohibited for importation into the country. The practical significance lies in the possibility of applying the results to further study the institution of administrative coercion and administrative restraint in particular.

Keywords: measures of administrative responsibility, measures of state coercion, preventive measures, special economic measures, destruction of sanctioned goods.

For citation:

Ermolaeva, E. V. (2025). Destruction of Sanctioned Goods as an Administrative Restraint Measure. In: *Moscow Juridical Journal*, 1, С. 33–41. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-1-33-41>.

Введение

В июле 2015 г. был опубликован Указ Президента Российской Федерации № 391, вызвавший широкий общественный резонанс. Указом установлена дополнительная специальная экономическая мера: уничтожение ввезённой в РФ сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, происходящих их стран, которые ввели в отношении российских физических или юридических лиц экономические санкции¹.

Указанная мера применяется с 6 августа 2015 г. Причины, по которым введённая мера стала предметом активного обсуждения, вполне очевидны: уничтожение санкционных товаров применяется незамедлительно при обнаружении подобных товаров без какого-либо судебного разбирательства уполномоченными должностными лицами одного из трёх органов государственной власти.

Множество статей было написано относительно того, что введённая мера нарушает экономические права российских юридических лиц². Ссылаясь на ст. 35

Конституции РФ, авторы напоминали о том, что «никто не может быть лишён своего имущества иначе как по решению суда». Общественные деятели предлагали не уничтожать сельскохозяйственную продукцию, пригодную для потребления, а отдавать её на гуманитарные цели³.

Несмотря на противодействие со стороны участников внешнеторговой деятельности и противоречивые мнения относительно рассматриваемой специальной экономической меры, уничтожение санкционной продукции как механизм противодействия ввозу запрещённых продовольственных товаров применяется уже 10 лет. Официальной статистики относительно объёмов уничтоженной продукции нет. По данным РБК, за первые 5 лет было уничтожено около 36,17 тыс. тонн санкционных сельскохозяйственных товаров⁴.

В данной статье мы проанализируем правовой механизм уничтожения санкци-

// СфераМедиа: [сайт]. URL: https://sfera.fm/news/mnenie-unichtozhenie-sanktsionnykh-produktov-protivorechit-konstitutsionnym-normam_10439 (дата обращения: 05.12.2024).

³ Казаков И., Субботина С. Санкционными продуктами предлагают накормить неимущих // Известия: [сайт]. URL: <https://iz.ru/news/589724> (дата обращения: 05.12.2024).

⁴ Россия за пять лет уничтожила свыше 36 тысяч тонн санкционных товаров // РБК: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5f2be9209a7947c9d08d1296> (дата обращения: 05.12.2024).

¹ Указ Президента РФ от 29.07.2015 № 391 «Об отдельных специальных экономических мерах, применяемых в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

² См.: Мнение: уничтожение санкционных продуктов противоречит конституционным нормам

онного товара и постараемся определить роль и место данной меры в системе мер административного принуждения.

Процедура уничтожения санкционной продукции: нормативное регулирование, стадии, субъекты

Непосредственно сама специальная экономическая мера, как говорилось выше, была введена Указом Президента № 391, а правила её применения утверждены Постановлением Правительства РФ №774¹ (далее – Правила). Положения Правил предусматривают незамедлительное изъятие и уничтожение запрещённого к ввозу товара. Субъектами, уполномоченными принимать решение об изъятии и уничтожении товаров, являются должностные лица 3 ведомств: Федеральной таможенной службы, Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору и Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. Перечни таких должностных лиц утверждены отдельными приказами указанных ведомств. В целях обеспечения законности и объективности при проведении указанного мероприятия предусмотрено присутствие 2 незаинтересованных лиц, а также обязательное ведение видео- и фотосъёмки, материалы которых прилагаются впоследствии к акту об уничтожении.

В целях конкретизации порядка уничтожения санкционной сельскохозяйственной продукции уполномоченные

ведомства (ФТС², Роспотребнадзор³ и

¹ Постановление Правительства РФ от 31.07.2015 № 774 «Об утверждении Правил уничтожения сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, включённых в перечень сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых являются Соединённые Штаты Америки, страны Европейского союза, Канада, Австралия, Королевство Норвегия, Украина, Республика Албания, Черногория, Республика Исландия, Княжество Лихтенштейн, Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Новая Зеландия и которые по 31 декабря 2026 г. запрещены к ввозу в Российскую Федерацию» // СПС Консультант Плюс.

² Приказ ФТС России от 08.12.2017 № 1943 «Об утверждении Порядка действий уполномоченных должностных лиц таможенных органов при изъятии и уничтожении сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, включённых в перечень сельскохозяйственной продукции, продовольствия, страной происхождения которых являются Соединённые Штаты Америки, страны Европейского союза, Канада, Австралия, Королевство Норвегия, Украина, Республика Албания, Черногория, Республика Исландия и Княжество Лихтенштейн и которые по 31 декабря 2018 г. запрещены к ввозу в Российскую Федерацию, утверждённый постановлением Правительства Российской Федерации от 7 августа 2014 г. № 778, а также об утверждении формы и порядка заполнения, учёта и хранения актов (протоколов) о факте изъятия и актов об уничтожении указанных продукции, сырья и продовольствия, форм журналов регистрации таких актов» // СПС Консультант Плюс; Приказ Роспотребнадзора от 19.02.2018 №90 «Об утверждении порядка действий уполномоченных лиц Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека при изъятии и уничтожении запрещённой к ввозу продукции, форм и порядков заполнения, учёта и хранения актов о факте изъятия и актов об уничтожении запрещённой к ввозу продукции, а также формы журнала регистрации таких актов» // СПС Консультант Плюс; Приказ Россельхознадзора от 05.05.2017 №421 «Об утверждении Порядка действий уполномоченных должностных лиц Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору при изъятии и уничтожении запрещённой к ввозу продукции, форм и порядков заполнения, учёта и хранения актов (протоколов) о факте изъятия и актов об уничтожении запрещённой к ввозу продукции, а также формы журнала регистрации таких актов» // СПС Консультант Плюс; сырьё и продовольствия, страной происхождения которых являются Соединённые Штаты Америки, страны Европейского союза, Канада, Австралия, Королевство Норвегия, Украина, Республика Албания, Черногория, Республика Исландия и Княжество Лихтенштейн и которые по 31 декабря 2018 г. запрещены к ввозу в Российскую Федерацию, утверждённый постановлением Правительства Российской Федерации от 7 августа 2014 г. № 778, а также об утверждении формы и порядка заполнения, учёта и хранения актов (протоколов) о факте изъятия и актов об уничтожении указанных продукции, сырья и продовольствия, форм журналов регистрации таких актов» // СПС Консультант Плюс.

³ Приказ Роспотребнадзора от 19.02.2018 № 90 «Об утверждении порядка действий уполномоченных лиц Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека при изъятии и уничтожении запрещённой к ввозу продукции, форм и порядков заполнения, учёта и хранения актов о факте изъятия и актов об унич-

Россельхознадзор¹) разработали соответствующие нормативные акты в форме приказов. Анализ утверждённых регламентов показал, что алгоритм применения рассматриваемой специальной экономической меры, требования к документам, составляемым в процессе её применения, и порядок их оформления примерно схожи.

Процедура уничтожения санкционной продукции состоит из двух стадий: изъятия товара и собственно его уничтожения.

Изъятие товара предполагает физическое изъятие товара и составление акта (протокола) о факте изъятия. Субъектный состав участников данной процедуры различается у разных государственных органов. Так, согласно Приказу ФТС при процедуре изъятия должны присутствовать два уполномоченных должностных лица и два незаинтересованных лица. В регламенте Россельхознадзора предусматривается присутствие двух должностных лиц (одно из которых обязательно должно быть уполномоченным лицом) и двух незаинтересованных лиц. Значительные отличия содержит регламент Роспотребнадзора, который предусматривает участие в процедуре изъятия двух уполномоченных должностных лиц и лица, ответственного за товар. Это может быть не только собственник, но и перевозчик, экспедитор либо лицо, осуществляющее хранение. Об обязательном присутствии незаинтересованных лиц при изъятии продукции в регламенте не упоминается. Их участие становится обязательным на этапе уничтожения товаров, которое производится незамедлительно после оформления акта об изъятии. Это выглядит не вполне логично,

поскольку, во-первых, незаинтересованные лица наверняка привлекаются заранее, до начала процедуры изъятия товара, во-вторых, в случае отказа уполномоченного в отношении товара лица от подписания или получения экземпляра акта об изъятии, незаинтересованные лица как раз могли бы засвидетельствовать факт отказа.

О факте изъятия запрещённой к ввозу продукции составляется акт в двух экземплярах, который подписывается всеми присутствующими лицами. Один экземпляр акта хранится у уполномоченного государственного органа, второй передаётся лицу, осуществляющему перевозку, сопровождение, хранение товара или являющемуся его собственником.

Вторым этапом рассматриваемой процедуры является собственно уничтожение товара. Конкретный способ уничтожения продукции приказами не регламентирован. Общее условие заключается в том, что уничтожение осуществляется любым доступным способом с соблюдением обязательных требований законодательства в области охраны окружающей среды. Как правило, изъятый товар сжигается либо уничтожается посредством раздавливания тяжёлой техникой. На этом этапе уже в безусловном порядке присутствуют два незаинтересованных лица и два должностных лица уполномоченного государственного органа. В процессе уничтожения производится видеозапись, фото- и видеосъёмка, а также составляется акт об уничтожении в двух экземплярах.

Правовая природа процедуры уничтожения санкционных товаров

Что представляет собой уничтожение санкционных товаров с правовой точки зрения? Какое место занимает эта мера в правовом поле? Очевидно, что уничтожение осуществляется против воли владельца либо собственника товара уполномоченными должностными лицами с соблюдением рассмотренной выше процедуры. Следовательно, уничтожение, бесспорно, относится к мерам государственного (ад-

тожении запрещённой к ввозу продукции, а также формы журнала регистрации таких актов» // СПС Консультант Плюс.

¹ Приказ Россельхознадзора от 05.05.2017 №421 «Об утверждении Порядка действий уполномоченных должностных лиц Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору при изъятии и уничтожении запрещённой к ввозу продукции, форм и порядков заполнения, учёта и хранения актов (протоколов) о факте изъятия и актов об уничтожении запрещённой к ввозу продукции, а также формы журнала регистрации таких актов» // СПС Консультант Плюс.

министративного) принуждения. Однако определение места указанной процедуры в системе разнообразных мер принуждения не столь очевидно.

Несмотря на то, что проблемами административного принуждения занималось множество авторов (Д. Н. Бахрах, И. И. Веремеенко, Ю. М. Козлов, А. П. Коренев, А. И. Стахов и другие видные учёные), в настоящее время не сложилось единого мнения относительно классификации мер административного принуждения. Авторы едины в одном: меры принуждения разнообразны и не сводятся исключительно к административному наказанию [1, с. 201]. Так, Д. Н. Бахрах подразделял их на административные взыскания, меры административного пресечения и восстановительные меры [2, с. 34]. Ю. М. Козлов выделял административно-предупредительные меры, административно-пресекательные меры, меры административной ответственности [3, с. 160]. Более развёрнутая классификация предложена Н. Ф. Поповой.

По целевому назначению меры административного принуждения подразделяются на 5 групп: 1) административно-предупредительные; 2) административно-пресекательные; 3) административные наказания; 4) административно-восстановительные; 5) меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении [4, с. 91].

Некоторые участники внешнеторговой деятельности ошибочно причисляют уничтожение товаров к мерам административной ответственности. Этот подход породил ряд споров, которые были рассмотрены в суде не в пользу участников ВЭД.

По одному из дел по административному исковому заявлению общества с ограниченной ответственностью «Урман» о признании недействующими п. 1 Указа № 391 и пп. 2–6 Правил, административный истец, отстаивая свою позицию, указывал в т. ч. на то, что такая мера, как уничтожение санкционной продукции, противоречит Кодексу об административных правонарушениях, поскольку незамедлительное изъятие и уничтожение такой продукции по-

зволяют правоприменителям уничтожать её без соблюдения установленных действующим законодательством РФ административных, судебных и иных процедур¹. По всей видимости, представители компании рассматривали уничтожение санкционных товаров как меру ответственности, предполагающую соблюдение процессуальных правил.

Однако Верховный Суд РФ аргументировал несостоятельность позиции административного истца, указав на то, что рассматриваемая мера принята Президентом РФ в рамках его полномочий, предоставленных Конституцией РФ (ч. 3 ст. 55) и Федеральным законом № 390-ФЗ «О безопасности». Кроме того, Постановлением Правительства РФ предусмотрена специальная процедура уничтожения, описывающая порядок действий уполномоченных субъектов и порядок фиксации результатов процедуры.

Если уничтожение санкционных товаров не является мерой ответственности, то к какому виду государственного принуждения следует отнести уничтожение санкционных товаров? Очевидно, что целью, которую предполагается достичь при изъятии и уничтожении товаров, запрещённых к ввозу на территорию России, является недопущение санкционных товаров на внутренний рынок страны, предотвращение незаконного ввоза таких товаров, а также прекращение оборота незаконно ввезённых товаров на территории страны.

Согласно словарю В. Даля, «пресекать» означает «прекращать», «уничтожать», «останавливать»². Учитывая ранее обозначенную цель уничтожения товаров – прекращение оборота запрещённого к ввозу товара, недопущение поступления такого товара на внутренний рынок страны, – представляется обоснованным отнести рассматриваемую меру к административно-пресекательным, поскольку такие меры

¹ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 21.05.2019 № АПЛ19-137 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 3.

² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III. М., 1955–1956. С. 396.

направлены как раз на прекращение противоправных действий. Однако если прекращение противоправных действий возможно и волевым решением (поведением) самого субъекта, допустившего нарушение, то пресечение – это всегда волевое вмешательство со стороны государства, его уполномоченных должностных лиц [5, с. 50].

Мерами административного пресечения следует считать регулируемые нормами административного права юридические средства и способы принудительного воздействия, имеющие целью незамедлительное прекращение реально и открыто существующей противоправной ситуации на месте её обнаружения путём прямого вмешательства субъекта административной власти, наделённого специальными полномочиями, в деятельность правонарушителя, а также применяемые в целях создания возможности для последующего привлечения правонарушителя к юридической ответственности [6, с. 110].

В одной из современных классификаций меры (методы) административного принуждения делятся на [7, с. 259]:

- 1) административно-наказательные;
- 2) административно-устраняющие;
- 3) административно-прудительные.

Уничтожение санкционных товаров, по всей видимости, следовало бы отнести ко второй группе. Однако, по мнению авторов рассматриваемой позиции, основанием для применения административно-устраняющих мер (мер по восстановлению нарушенного правового положения) может быть совершение так называемых административно-устраняемых нарушений обязательных требований, которые могут быть устранены без привлечения лиц к административной ответственности. Данная позиция не соответствует факту: многие составы административных правонарушений являются формальными, т. е. для квалификации деяния как правонарушения не требуется наличие вредных последствий. Сам факт нарушения обязательных нормативных требований по определению влечёт возбуждение дела об административном правонарушении и вынесение со-

ответствующего постановления. Слабо верится в то, что нарушения требований пожарной безопасности, санитарно-эпидемиологических требований, налоговые правонарушения, нарушения антимонопольного законодательства могут быть устранены лишь выдачей предписания об устранении допущенных нарушений без привлечения виновных лиц к административной ответственности, как утверждают авторы рассматриваемой позиции.

Уничтожение санкционного товара также сопровождается возбуждением дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 16.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях (Несоблюдение запретов и (или) ограничений на ввоз товаров на таможенную территорию Евразийского экономического союза или в Российскую Федерацию и (или) вывоз товаров с таможенной территории Евразийского экономического союза или из Российской Федерации)¹. Именно на пресечение указанного правонарушения и направлена процедура, предусмотренная Указом № 391 и Правилами.

Уяснение указанного факта позволяет избежать ошибок при применении рассматриваемой меры. Так, по одному из дел, точку в котором смог поставить лишь Верховный суд РФ², предприниматель транзитом перемещал санкционную продукцию по территории России. При этом неверно определил код товара по Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД). При этом, если процедуру таможенного транзита предпринимателю открыли без проблем, то после доставки в место прибытия и при решении вопроса о выпуске товара из России таможенные органы выяснили, что предприниматель неверно определил код товара и, следовательно, выданные на то-

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. № 256.

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.04.2018 по делу № 308-КГ17-12587 [Электронный ресурс]. URL: <https://clk.li/|bnv> (дата обращения: 05.12.2024).

вар ветеринарные сертификаты являются действительными.

Указ Президента № 391 (п. 2) содержит несколько условий, при соблюдении которых уничтожение товаров не производится:

1) товар помещается под процедуру транзита и предназначен для третьих стран;

2) наличие подлинных ветеринарных и фитосанитарных сопроводительных документов;

3) соответствие таких документов грузу;

4) у государственных контролирующих органов имеются достаточные основания полагать, что доставка товаров будет завершена в месте, расположенном за пределами территории Российской Федерации.

В рассматриваемой ситуации таможенный орган усмотрел нарушение второго и третьего условия п. 2 Указа № 391 по той причине, что код ТН ВЭД в ветеринарном сертификате не соответствует факту. Таможенный орган изъял товар и уничтожил его.

Верховный Суд РФ в своём решении не согласился с позицией таможни, указав, что ветеринарные сертификаты выдаются на конкретный груз (подтверждают его безопасность), а не на таможенную классификацию в отношении товара. В данной ситуации таможенному органу следовало привлекать предпринимателя к ответственности за неверную классификацию товара, а не изымать и уничтожать товар, поскольку условия п. 2 Указа № 391 предпринимателем не нарушены.

Здесь следует уточнить, что ответственность за неверную классификацию товара предусмотрена ст. 16.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях (недекларирование или недостоверное декларирование товара). Таким образом, если действия участника внешнеторговой деятельности квалифицируются не по ст. 16.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях, то применять уничтожение товара в качестве меры пресечения недопустимо.

Заключение

Проведённое исследование показало, что уничтожение запрещённого к ввозу товара, предусмотренное Указом Президента № 391, является мерой пресечения и имеет следующие правовые характеристики. Во-первых, рассматриваемая мера реализуется перечисленными в Правилах органами исполнительной власти, осуществляющими функции контроля и надзора в установленной сфере деятельности. Более того, действия по изъятию и уничтожению совершают специально уполномоченные должностные лица указанных органов. Во-вторых, реализация рассматриваемой меры сопровождается участием незаинтересованных лиц, что ещё раз подчёркивает её непроцессуальный характер (указанные лица намеренно не называются понятиями). В-третьих, несмотря на то, что уничтожение санкционного товара – это мера непроцессуальная, это не означает, что отсутствует установленный порядок её реализации. Уничтожение запрещённого к ввозу товара – это процедура, состоящая из 2 этапов (изъятия и собственно уничтожения) и предполагающая документирование, а также фото- и видеофиксацию процесса. В-четвёртых, цель рассматриваемой меры – оперативное реагирование на факт правонарушения и непосредственное его прекращение, поэтому изъятие и уничтожение осуществляется незамедлительно при выявлении запрещённой к ввозу продукции. В-пятых, рассматриваемая мера носит не личный, а имущественный характер и направлена на принудительное прекращение противоправных действий по ввозу запрещённой сельскохозяйственной продукции, поэтому участие лица, уполномоченного в отношении товара, является необязательным. Такое участие либо вообще не предусмотрено регламентами государственных органов, либо формулируется в качестве права лица присутствовать при изъятии и уничтожении. В любом случае отсутствие уполномоченного лица, отказ подписать акты о факте изъятия или об уничтожении товара не влияют на закон-

ность процедуры. Обусловлено это также тем, что применение любой меры пресечения, в отличие от применения мер ответственности, связано с отрицательным волеизъявлением конкретного лица и не требует предварительного исследования формы вины, а также наличия вины как обязательного условия применения такой процедуры [8, с. 8]. Более того, учёные допускают применение мер пресечения к добросовестным лицам [9, с. 337], что в рассматриваемой процедуре иногда соответствует факту: лицо, владеющее на праве собственности санкционным товаром, поступившим в оборот, может не знать о незаконности ввоза такого товара на территорию страны.

Наконец, процедура уничтожения запрещённой к ввозу сельскохозяйственной продукции – это мера пресечения правонарушения, предусмотренного ст. 16.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях. Необходимо помнить, что Указом

№ 391 запрещён ввоз санкционных товаров, а не его оборот на территории страны. Данный вывод подтверждается и судебной практикой¹. Однако уполномоченные должностные лица Роспотребнадзора и Россельхознадзора, как правило, выявляют санкционную продукцию, уже находящуюся в обороте на территории России. В таких случаях, как видится, необходимо сначала установить факт незаконного ввоза, как минимум возбудить дело об административном правонарушении, предусмотренном ст. 16.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях (причём обязательно в отношении текущего владельца такого товара), и только потом изымать и уничтожать запрещённый товар.

Указанный подход к пониманию правовой природы уничтожения санкционной продукции способствует упорядочению порядка применения указанной меры и обеспечению принципа законности при её реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Серков П. П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы. М.: ИНФРА-М, 2012. 480 с.
2. Бахрах Д. Н. Советское законодательство об административной ответственности. Пермь, 1969. 344 с.
3. Алевин А. П., Кармолицкий А. А., Козлов Ю. М. Административное право Российской Федерации: учебник. М.: Зерцало-М, 2003. 608 с.
4. Попова Н. Ф. Административное право: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2025. 325 с.
5. Зубков А. С. О понятии и сущности мер административного пресечения // Право и государственность. 2024. № 4. С. 49–53. DOI: 10.70569/2949-5725.2024.5.4.008
6. Кареева-Попелковская К. А. К вопросу о классификации мер административного пресечения в деятельности полиции // Административное и муниципальное право. 2014. № 2. С. 103–118. DOI: 10.7256/1999–2807.2014.2.10661
7. Стахов А. И., Кононов П. И. Административное право России: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2025. 646 с.
8. Агеенкова Г. Т. Меры административного пресечения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982. 23 с.
9. Агапов А. Б. Административная ответственность: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2025. 495 с.

REFERENCES

1. Serkov, P. P. (2012). *Administrative Responsibility in Russian Law: Modern Understanding and New Approaches*. Moscow: INFRA-M publ. (in Russ.).
2. Bahrah, D. N. (1969). *Soviet Legislation on Administrative Responsibility*. Perm (in Russ.).
3. Alekhine, A. P., Karmolitsky, A. A. & Kozlov, Yu. M. (2003). *Administrative Law of the Russian Federation*. Moscow, Zerkalo-M publ. (in Russ.).
4. Popova, N. F. (2025). *Administrative Law*. Moscow, Yurayt publ. (in Russ.).

¹ Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 02.07.2015 по делу № А56-10508/2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://clk.li/sDzE> (дата обращения: 05.12.2024).

5. Zubkov, A. S. (2024). On the Concept and Essence of Administrative Preventive Measures. In: *Law and Statehood*, 4, 49–53. DOI: 10.70569/2949-5725.2024.5.4.008 (in Russ.).
6. Kareeva-Popelkovskaya, K. A. (2014). On the Classification of Administrative Preventive Measures in Police Activities. In: *Administrative and Municipal Law*, 2, 103–118. DOI: 10.7256/1999–2807.2014.2.10661 (in Russ.).
7. Stakhov, A. I. & Kononov, P. I. (2025). *Administrative Law in Russia*. Moscow: Yurayt publ. (in Russ.).
8. Ageenkova, G. T. (1982). *Measures of Administrative Restraint* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
9. Agapov, A. B. (2025). *Administrative Responsibility*. Moscow, Yurayt publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ермолаева Елена Вячеславовна (г. Москва) – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой конституционного и гражданского права юридического факультета Государственного университета просвещения;

e-mail: ev.ermolaeva@guppros.ru; ORCID: 0000-0002-2593-4534

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Ermolaeva (Moscow) – Cand. Sci. (Law), Head of the Department, Department of Constitutional and Civil Law, Federal State University of Education;

e-mail: ev.ermolaeva@guppros.ru; ORCID: 0000-0002-2593-4534

Научная статья
УДК 342.7
DOI: 10.18384/2949-513X-2025-1-42-52

РЕПРОДУКТИВНЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРАКТИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

Макеева Ю. К.

*Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева, г. Москва,
Российская Федерация
e-mail: makiu@inbox.ru; ORCID: 0009-0005-4450-7318*

Поступила в редакцию 22.03.2025

После доработки 10.04.2025

Принята к публикации 24.04.2025

Аннотация

Цель. Анализ подходов учёных и практиков в сфере репродуктивных прав человека, выявление правовой природы данных прав и пределов конституционно-правовой защиты в РФ сквозь призму современной практики Конституционного Суда РФ.

Процедура и методы. Основным методом научного исследования выступил формально-юридический, при помощи которого были проанализированы положения действующих правовых актов в сфере закрепления и реализации репродуктивных прав человека, а также судебная практика их применения. Также были использованы общенаучные методы: анализа, обобщения, логический и др.

Результаты. Сформулированы положения относительно правовой природы репродуктивных прав, особенностей их реализации и защиты с опорой на практику Конституционного Суда РФ.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть полезны в сфере дальнейшего исследования репродуктивных прав и свобод, а также учтены правоприменителями.

Ключевые слова: репродуктивные права, соматические права, Конституционный Суд РФ, защита прав

Для цитирования:

Макеева Ю. К. Репродуктивные права человека сквозь призму практики Конституционного Суда РФ // Московский юридический журнал. 2025. № 1. С. 42–52. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-1-42-52>.

Original research article

REPRODUCTIVE RIGHTS THROUGH THE LENS OF THE PRACTICE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Yu. Makeeva

*V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
e-mail: makiu@inbox.ru; ORCID: 0009-0005-4450-7318*

Received by the editorial office 22.03.2025

Revised by the author 10.04.2025

Accepted for publication 24.04.2025

Abstract

Aim. To analyze approaches of scientists and practitioners in the field of reproductive rights, identification of the legal nature of these rights and the limits of constitutional legal protection in the Russian Federation through the prism of modern practice of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Methodology. The main method of scientific research was the formal-legal method, which was used to analyze the provisions of existing legal acts on the consolidation and implementation of human reproductive rights, as well as the judicial practice of their application. General scientific methods: the method of analysis, generalization, the logical method, etc., were also used in the study.

Results. The study made it possible to formulate provisions regarding the legal nature of reproductive rights, the specifics of their implementation and protection, based on the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Research implication. The results of the study can be useful for further research on reproductive rights and freedoms, as well as for law enforcement agencies.

Keywords: reproductive rights, somatic rights, Constitutional Court of the Russian Federation, protection of rights.

For citation:

Makeeva, Yu. K. (2025). Reproductive Rights Through the Lens of the Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. In: *Moscow Juridical Journal*, 1, 42–52. DOI: 10.18384/2949-513X-2025-1-42-52.

Введение

Репродуктивные права ввиду стремительного развития медицины, биотехнологий и достижений научно-технического прогресса являются в настоящее время одним из активно развивающихся видом прав человека. Данный факт приводит, в свою очередь, к значительному интересу научного сообщества к исследованиям в данной сфере. За последние годы число таких публикаций заметно возросло. В числе работ по данной проблематике можно назвать труды Е. В. Бурмистровой [1], Д. Г. Василевича, С. В. Потапенко, В. В. Гончарова, М. С. Савченко [2], Н. С. Колесова [3], В. И. Крусса [4], М. В. Посадковой [5], А. А. Троицкой [6], А. С. Шатилина [7] и др.

Однако, несмотря на активное научное исследование данного вопроса, в настоящее время остаётся большое количество нерешённых теоретических и практических проблем в сфере закрепления и реализации репродуктивных прав. Не сложилось единого подхода к определению понятия, природы, содержания, субъектного состава и других особенностей данной группы прав.

На конституционном уровне как самостоятельные конституционные права репродуктивные права не закрепляются. Чаще всего они выводятся из других конституционных прав, а их регулирование отнесено на уровень законодателя или уровень исполнительных органов власти.

В настоящем исследовании будет проведён анализ правовой природы, субъектного состава и содержания репродуктивных прав человека сквозь призму позиций Конституционного Суда РФ, перед которым неоднократно данные проблемы уже вставали. В. Д. Зорькин отмечает, что вопросы в этой области новейших прав воспринимаются в общественном сознании наиболее чувствительно, а от конституционной юстиции общество ждёт согласования юридического и этического, в т. ч. в сфере содержания и ограничений репродуктивных прав [8, с. 89].

Данное исследование должно способствовать определению пределов защиты репродуктивных прав в России в настоящий период развития государства.

Понятие, правовая природа и виды репродуктивных прав

Как было отмечено выше, вопрос о природе, содержании, субъектном составе и других особенностях репродуктивных прав является дискуссионным.

В науке достаточно часто встречаются суждения, что репродуктивные права – это права нового поколения. Однако данный тезис представляется частично спорным. Вряд ли, право на продолжение рода или право на репродуктивное самоопределение можно отнести к новым правам. Н. В. Варламова справедливо подчёркивает, что «постоянная пролиферация прав человека – неизбежное и необходимое следствие социального развития. Но стремление обосновать появление принципиально новых видов не способствует лучшему обеспечению прав человека, а скорее отвлекает от реальных проблем, связанных с их реализацией. Именно чёткое понимание природы новых прав человека как прав первого или второго поколения либо выделение в содержании комплексных прав соответствующих притязаний позволяет определить характер обязательств, обеспечивающих их реализацию, необходимые и допустимые ограничения, адекватные средства защиты» [9, с. 555].

Следует отметить, что непосредственно репродуктивные права конституционного закрепления в России не имеют. Анализ мнений учёных и практики международных, иностранных и национальных судов позволяет сделать вывод, что репродуктивные права чаще всего связывают и выводят из права на неприкосновенность частной жизни и из права на охрану здоровья. Так, Конституционный Суд РФ, например, в Постановлении № 6-П от 11.02.2025 г. обозначил, что «использование вспомогательных репродуктивных технологий представляет собой один из способов реализации гарантируемого ст. 41 Конституции Российской Федерации права на охрану здоровья и медицинскую

помощь, которое способствует деторождению и развитию института семьи»¹.

Помимо этого, в науке подчёркивается, что смысловой фон репродуктивных прав в Конституции РФ не просто присутствует, а был заметно усилен в ходе реформирования конституционного текста в 2020 г. (п. ж.¹ ч. 1 ст. 72 «брак союз мужчины и женщины»; ч. 5 ст. 67.¹ «дети являются важнейшим приоритетом государственной политики»; п. «в» ч. 1 ст. 114 к полномочиям правительства отнесено «проведение единой социально-ориентированной политики в области поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей») [10, с. 456]. Данные положения Конституции РФ позволяют учёным и практикам в репродуктивных правах находить конституционные основы и выстраивать линии защиты с помощью конституционно-правовых средств.

Нормативной дефиниции репродуктивных прав граждан на федеральном уровне в России не имеют. В нормативных актах разного уровня чаще встречается термин «репродуктивное здоровье»². Единственным актом на уровне субъекта РФ, где даётся определение репродуктивных прав, является Закон Республики Саха (Якутия), согласно которому под «репродуктивными правами граждан понимаются права на охрану репродуктивного здоровья, принятие и реализацию решения относительно рождения или отказа от рождения детей в браке или вне брака, методов зачатия и рождения детей, их числа, времени и места рождения, интервалов между рождениями, а также на медико-социальную, информационную и консультативную помощь в данной области»³.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.02.2025 № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона "О страховых пенсиях" в связи с жалобой гражданки М. Ю. Щаниковой» // Российская газета. 2025. № 41.

² См.: например: Постановление Правительства РФ от 27.12.2024 № 1940 «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» // СПС Консультант Плюс.

³ Закон Республики Саха (Якутия) от 18.06.2009 № 718-3 № 317-IV «О сохранении репродуктивно-

В науке под репродуктивными правами в широком смысле предлагается понимать не только права, позволяющие появиться на свет новому человеку, но и ряд прав, связанных с восстановлением и поддержанием репродуктивной способности человеческого организма, а также право на искусственное прерывание беременности [2, с. 151].

Таким образом, репродуктивные права – это целый комплекс прав, связанных с продолжением человеческого рода. Чёткого перечня данных прав в настоящее время не существует, более того – это права, которые активно развиваются и тесно связаны с достижениями в сфере науки, медицины и медицинских технологий, поэтому вполне логично предположить, что каталог данных прав может быть расширен в будущем в виду новых научных открытий.

На уровне СНГ была предпринята попытка зафиксировать перечень прав, которые можно отнести к категории репродуктивных. Так, в Модельном законе «Об охране репродуктивных прав и репродуктивного здоровья граждан», принятом в рамках Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, к репродуктивным правам граждан относятся: «право на свободное и ответственное принятие и осуществление решений в репродуктивной сфере (право на репродуктивный выбор); право на охрану репродуктивного здоровья; право на информацию в области охраны репродуктивного здоровья и репродуктивных прав, включая право на информацию о своём репродуктивном здоровье; право на информацию и конфиденциальность информации в репродуктивной сфере; право на лечение бесплодия, в т. ч. с применением современных вспомогательных репродуктивных методов и технологий, разрешённых национальным законодательством; право на планирование семьи; право на безопасное материнство; право на безопасное искусственное прерывание беременности; право на медицинскую стерилизацию; право на донор-

го здоровья населения на территории Республики Саха (Якутия)» // СПС Консультант Плюс.

ство половых клеток; право на криоконсервацию и хранение половых клеток»¹.

Данный перечень на первый взгляд максимально учитывает все виды репродуктивных прав к настоящему времени, однако его следует дополнить естественным правом человека – правом на продолжение рода, которое предопределено самой природой людей. Именно из этого права вытекают и формируются все остальные репродуктивные права. Выделение данного права как самостоятельного личного права признаётся многими учёными [4; 11 и др.]. Конституционный Суд РФ в своей практике также признаёт, что потребность в продолжении рода и осуществлении родительской заботы и воспитании детей – это естественная потребность человека².

Таким образом, если отталкиваться от вышеуказанного перечня прав, то можно прийти к выводу, что в нём присутствуют права естественного происхождения, личные, абсолютные, неразрывно связанные с самой природой человека и автономией его личности (право на продолжение рода, право на репродуктивный выбор (репродуктивное самоопределение)), а есть права, которые возможно отнести к социальным, относительным правам, наличие или отсутствие которых в конкретном государстве тесно связано с уровнем развития самого государства, уровнем здравоохранения, медицины, технологий и др. (право на использование вспомогательных репродуктивных технологий, право на криоконсервацию биологического репродуктивного материала и проч.).

От определения правовой природы отдельных репродуктивных прав, собственно, зависит конституционно признаваемое

¹ Постановление № 41-21 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ «О модельном законе “Об охране репродуктивных прав и репродуктивного здоровья граждан”» (Принято в г. Санкт-Петербурге 28.11.2014) // СПС Консультант Плюс.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2021 № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области» // СПС Консультант Плюс.

мая степень возможного вмешательства государства в их реализацию и обеспечение соответствующими гарантиями¹. Так, например, М. В. Посадкова считает, что «к настоящему времени сформировались условия для обособления репродуктивного права на рождение ребёнка с использованием вспомогательных технологий и его защиты в качестве самостоятельного конституционного права» [5, с. 74]. Учёный подчёркивает, что «вопрос о форме конституционализации (включение в конституционный текст, законодательное закрепление либо признание органом конституционного контроля) хотя и крайне важен для эффективной реализации права, тем не менее вторичен и произведен от достижения научного и общественного консенсуса, фиксирующего связанность нового права с фундаментальными конституционными ценностями автономии, семьи и здоровья» [5, с. 74].

В науке предлагаются и другие классификации репродуктивных прав. Так, С. М. Велиева предлагает в зависимости от поведения субъекта классифицировать репродуктивные права на позитивные, негативные и охранительные. К позитивным репродуктивным правам при этом относятся права, связанные с активным поведением субъектов, направленным на воспроизводство потомства (суррогатное материнство, ЭКО); а к негативным репродуктивным правам – права, связанные с активными и пассивными действиями, совершаемыми с целью лишения возможности к репродукции (медицинская стерилизация, контрацепция, прерывание беременности); к охранительным репродуктивным правам – права, связанные с действиями граждан, государственных органов и учреждений, совершаемыми для обеспечения и нормального функционирования данной сферы общественных отношений (обеспечение безопасных родов, профилактика заболеваний, обеспечение

доступности высокотехнологической медицинской помощи и т. д.) [12, с. 81].

Учёные характеризуют репродуктивные права как комплексные. В репродуктивных правах выделяют дуальную природу: с одной стороны, при реализации репродуктивных прав должна учитываться автономия личности, с другой – вопрос рождения детей имеет и государственное значение, в этой связи обязанности органов государственной власти могут носить как негативный характер (т. е. не вторгаться в автономию личности), так и позитивный (создавать условия для реализации репродуктивных прав).

Таким образом, под репродуктивными правами считаем возможным понимать группу прав, связанных с возможностью человека иметь детей при признании за ним свободного репродуктивного выбора (самоопределения), а также права на охрану репродуктивного здоровья, на медико-социальную информированную и консультативную помощь в этой сфере.

По природе часть репродуктивных прав можно отнести к правам естественным, основным, где государство должно признать право, не вмешиваться в его реализацию и обеспечить его защиту. Вторая часть репродуктивных прав должна быть отнесена к относительным, и к ним принадлежат репродуктивные права, которые находятся в прямой зависимости от возможностей государства и уровня его развитости в репродуктивной сфере.

Субъектный состав носителей репродуктивных прав

Как было отмечено выше, право на естественное продолжение рода должно быть признано государством за всеми гражданами при безусловном принятии репродуктивного выбора человека. Соответственно, признавая данное право в качестве такового, государство не должно вмешиваться в его реализацию и обязано обеспечить его защиту в случаях нарушения.

Интересен в этой связи вопрос о наличии репродуктивных прав у лиц, находя-

¹ Здесь имеются в виду совершенно различные модели государственного регулирования вопросов, связанных с абортами, с количеством детей в семьях и др.

щихся в местах лишения свободы и ограниченных в социальных контактах.

В российской практике известно решение Конституционного Суда РФ по жалобе Н. В. Королева и В. В. Королевой, которые полагали, что запрет на длительные свидания в первые 10 лет для лиц, содержащихся в колониях строго режима, исключает естественно зачатие ребёнка, что при невозможности применения вспомогательных репродуктивных технологий является жестоким и бесчеловечным обращением и наказанием, нарушением права на семейную жизнь, в т. ч. лица, не совершавшего преступлений против общества и государства, и тем самым противоречит Конституции государства.

Конституционный Суд РФ с опорой на ранее принятые решения ЕСПЧ по делу Хорошенко против России¹, и выработанные самим КС РФ позиции о праве осуждённых к лишению свободы на длительные свидания с близкими счёл конституционные права граждан в данной ситуации также нарушенными и обязал законодателя урегулировать данный вопрос, предоставив возможность длительных свиданий². Таким образом, Конституционный Суд РФ фактически признал за лицами, находящимися в метах лишения свободы, право на продолжение рода естественным путём.

Следует отметить, что в мировой практике есть случаи, когда за лицами, содержащимися в исправительных учреждениях, признавалось право на использование вспомогательных репродуктивных тех-

нологий с целью реализации права иметь детей³.

Согласно российскому закону, если речь идёт не о естественном деторождении, то к помощи вспомогательных репродуктивных технологий могут прибегнуть далеко не все.

Ограничения есть как в отношении иностранных граждан, так и в отношении одиноких мужчин, а если речь идёт о суррогатном материнстве, то существуют и обязательные другие условия для субъектов этих правоотношений.

Так ч. 3 ст. 55 ФЗ № 323-ФЗ закрепляет, что «право на применение вспомогательных репродуктивных технологий имеют мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в браке, при наличии обоюдного информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство, а также одинокая женщина при наличии её информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство. Право на применение вспомогательных репродуктивных технологий в виде суррогатного материнства не распространяется на мужчину и женщину, которые не состоят в браке»⁴.

Отдельные положения данного закона попадали в фокус внимания Конституционного Суда РФ с точки зрения наличия в таких нормах дискриминации. Так, приведённые законоположения не относят одинокого мужчину, единолично изъявившего желание стать отцом с использованием вспомогательных репродуктивных технологий, к числу лиц, имеющих безусловное право на их применение, и не указывают его в качестве потенциальной стороны договора о суррогатном материнстве. Конституционность

¹ Постановление ЕСПЧ от 30.06.2015 «Дело «Хорошенко (Khoroshenko) против Российской Федерации» (жалоба № 41418/04). По делу обжалуется ограничение контактов заявителя, отбывающего пожизненное тюремное заключение, с членами семьи. По делу допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 9.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 15.11.2016 № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта "б" части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса РФ в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н. В. Королева и В. В. Королевой» // Официальный интернет-портал правовой информации.

³ Информация о постановлении ЕСПЧ от 04.12.2007 по делу «Диксон (Dickson) против Соединённого Королевства» (жалоба № 44362/04) По делу обжалуется отказ в обеспечении искусственного оплодотворения. По делу допущено нарушение требований ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

⁴ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

такого положения закона косвенно подтверждена Конституционным Судом РФ в Постановлении от 29.06.2021 г. № 30-П. Конституционный Суд РФ, апеллируя к нормам о том, что брак – это союз мужчины и женщины (п. ж.¹ ч. 1 ст. 72 Конституции РФ), к представлениям, сложившимся в российском обществе, о традиционной модели семейных отношений, также предполагающей основанный на принципе добровольности брачный союз мужчины и женщины, вполне оправданным считает правовое регулирование, согласно которому обращение к суррогатному материнству прежде всего допускается для супружеских пар, которые по объективным причинам (состояние здоровья) не могут самостоятельно выполнить репродуктивную функцию¹.

В 2022 г. ст. 55 ФЗ-№ 323 была дополнена ч. 11, которая закрепила, что «один из потенциальных родителей (генетическая мать или генетический отец) или оба потенциальных родителя (генетическая мать и генетический отец) либо одинокая женщина (генетическая мать), которые решили воспользоваться суррогатным материнством, должны иметь гражданство Российской Федерации»². Субъекты законодательной инициативы исходили из того, что «главная задача нашего государства – гарантировано защитить будущее России, наших детей, от внешних и внутренних угроз, а также чётко прогнозировать потенциальные вызовы и риски»³.

В пояснительной записке к законопроекту было подчёркнуто, что одним из наиболее важных факторов высокой степени латентности преступлений против детей в данной сфере является то, что дети, рождённые на территории Российской Федерации в результате применения сур-

рогатного материнства, не приобретают гражданства РФ, поскольку оба лица, являющиеся генетическими родителями ребёнка и записанные родителями в свидетельстве о рождении ребёнка, не являются гражданами Российской Федерации. Часто родители-иностранцы производят государственную регистрацию рождения ребёнка в консульстве государства гражданства и получают свидетельство образца этого государства. Этим объясняется отсутствие оснований для последующего контроля за судьбой этих детей со стороны российских компетентных органов и возможности ведения полноценного статистического учёта случаев нарушения прав таких детей.

Авторы законодательной новеллы привели массу примеров преступлений, связанных с суррогатным материнством, а также печальной судьбы детей, рождённых суррогатными матерями в России для иностранных граждан, в т. ч. дело Парадизо и Кампанели против Италии⁴. Исходя из тяжести преступлений, совершённых в отношении детей, рождённых суррогатными матерями для иностранных граждан и лиц без гражданства, высокой степени латентности указанных преступлений, а также из того, что несовершеннолетние – это наиболее психологически уязвимая и незащищённая группа людей, количества выявленных случаев, авторам законопроекта представляется доказательным и обоснованным введение полного запрета для иностранных граждан и лиц без гражданства прибегать к программам суррогатного материнства на территории Российской Федерации»⁵. Данное нововведение представляется действительно оправданным.

Ещё одним не вполне очевидным ограничением права стать родителями посредством использования суррогатного материнства является требование, согласно

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2021 г. № 30-П // СПС Консультант Плюс.

² Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

³ Проект Федерального закона № 41630-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., внесённая в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 17.12.2021) // СПС Консультант Плюс.

⁴ ECtHR. *Paradiso and Campanelli v. Italy* [GC]. Application no. 25358/12. Judgment of 24 January 2017.

⁵ Проект Федерального закона № 41630-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., внесённая в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 17.12.2021) // СПС консультант Плюс.

которому потенциальными родителями могут быть мужчина и женщина, половые клетки которых использовались для оплодотворения, для которых вынашивание и рождение ребёнка невозможны по медицинским показаниям. Т. е. исключается возможность комбинированного подхода вспомогательных репродуктивных технологий, когда у одного из пары нет возможности по медицинским показаниям предоставить свои половые клетки. Конституционность такого варианта правового регулирования Конституционным Судом РФ под сомнение поставлена не была¹. Однако, по мнению А. А. Троицкой и О. С. Шевченко, в таком подходе законодателя можно увидеть признаки дискриминации по полу и состоянию здоровья [6].

Таким образом, законодатель может вводить различные ограничения в части определения субъектов – носителей репродуктивных прав человека. Для оценки правомерности тех или иных ограничений можно использовать выработанные методы в юриспруденции относительно соразмерности, пропорциональности таких ограничений, в т. ч. в практике Конституционного Суда РФ.

Момент возникновения и прекращения репродуктивных прав

Момент возникновения и прекращения репродуктивных прав, которые мы отнесли к категории относительных и производных от права на охрану здоровья, может быть урегулирован законодателем. Так, например, «медицинская стерилизация как специальное медицинское вмешательство в целях лишения человека способности к воспроизводству потомства или как метод контрацепции может быть проведена только по письменному заявлению гражданина в возрасте старше 35 лет или

гражданина, имеющего не менее 2 детей, а при наличии медицинских показаний и информированного добровольного согласия гражданина – независимо от возраста и наличия детей»; а право на искусственное прерывание беременности связано со сроком такой беременности и может быть выполнено лишь в определённый период².

Момент возникновения права воспользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями может быть связан не только с возрастом, но и с иными факторами, указанными в законе.

Интересный вопрос был поставлен перед Конституционным Судом РФ гражданкой М. Ю. Щанниковой. С одной стороны, репродуктивные права должны признаваться за гражданами при жизни. Однако современная медицина ввиду своего развития ставит вопрос о возможности продолжения рода и после смерти гражданина.

В решении от 11.02.2025 № 6-П Конституционный Суд РФ обращает внимание, что «научно-технический прогресс привёл к разработке и внедрению в сфере медицины вспомогательных репродуктивных технологий ... Накопленный опыт регулирования свидетельствует о том, что в этой сфере не исключается возможность определённого отставания нормативной регламентации от развития соответствующих технологий и связанных с их применением общественных отношений».

Конституционный Суд РФ, оценивая применение в России постмортальной репродукции, которая стала применяться сравнительно недавно и предполагает использование криоконсервированного репродуктивного материала умерших лиц (взятого при их жизни или в первые часы после смерти) с целью зачатия и рождения детей после смерти одного или даже обоих биологических родителей, пришёл к выводу, что в отсутствие прямых запретов в правовом регулировании оно не просто должно признаваться возможным, а и порождает социальные обязанности государ-

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 20.04.2023 № 756-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности части 9 статьи 55 Федерального закона "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" в связи с жалобой граждан Австралии А. К. и Д. К.» // СПС Консультант Плюс.

² Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // СПС Консультант Плюс.

ства перед ребёнком, который был зачат после смерти своего родителя.

Конституционный Суд РФ особо подчёркивает сложность данного вопроса с точки зрения этики, морали и обращает внимание, что законодатели различных стран принципиально по-разному подходят к самой возможности использования половых клеток умерших для зачатия детей (вплоть до полного запрета), а также дифференцированно регулируют отношения с участием детей, рождённых спустя значительное время после смерти лиц, чьи половые клетки использованы для зачатия. Однако в России данные вопросы остаются не урегулированными.

В. В. Саркисян обращает внимание, что «криоконсервация эмбрионов и хранение половых клеток закреплены как в ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ, так и в подзаконных актах Минздрава, вместе с тем посмертная репродукция в Российской Федерации, в отличие от Великобритании, США, Нидерландов, Новой Зеландии, Бельгии, Израиля, Испании и Кыргызстана, законодательно не урегулирована. Право на продолжение рода считается естественным правом человека, поэтому указанные выше правовые порядки признают репродуктивные интересы умерших, но посмертное зачатие допускается только при наличии явного намерения погибшего.

Отечественному законодателю необходимо поставить точку в имеющихся дискуссиях, определить способ выражения воли, продолжительность хранения биоматериалов, правовое положение детей, рождённых таким способом, поскольку уже есть судебная практика, отказывающая в праве на зачатие в случае гибели одного из супругов и допускающая уничтожение эмбрионов» [11, с. 10].

Следующий вопрос, на который следует обратить внимание, связан с возникновением и реализацией репродуктивного права стать родителем посредством использования суррогатного материнства. Важной составляющей здесь является необходимость получения согласия от суррогатной матери быть записанными в качестве родителей ребёнка.

Так Семейный кодекс РФ закрепляет, что «лица, состоящие в браке между собой, если одно из них или оба являются гражданами Российской Федерации на момент заключения договора о вынашивании и рождении ребёнка (договора суррогатного материнства), или одинокая женщина, имеющая гражданство Российской Федерации на момент заключения договора о суррогатном материнстве, давшие своё согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях вынашивания и рождения ребёнка, могут быть записаны родителями ребёнка только с согласия женщины, родившей ребёнка (суррогатной матери)» (ч. 6 ст. 51 СК РФ)¹. В науке подчёркивается, что данная норма периодически (и достаточно настойчиво) оспаривается как неконституционная генетическими родителями – заказчиками, которым было отказано в записи о родительстве и передаче ребёнка суррогатной матерью [13, с. 19].

Так, Конституционный Суд РФ, рассматривая вопросы, связанные с данной моделью правового регулирования, пришёл к выводу, что она является допустимой, хотя и не единственно возможной². Вместе с тем в другом своём решении Конституционный Суд РФ отметил, что данные правовые нормы подлежат применению с учётом разъяснения, содержащегося в п. 31 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей», и позволяют судам в случае, если суррогатная мать отказалась дать согласие на запись родителями генетических родителей рождённого ею ребёнка, учитывая все фактические обстоятельства

¹ Российская газета. 1996. № 17.

² Напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2012 № 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч.П. и Ч.Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» // СПС Консультант Плюс.

конкретного дела, в т. ч. связанные с тем, заключался ли договор о суррогатном материнстве и каковы условия этого договора, являются ли истцы генетическими родителями ребёнка, по каким причинам суррогатная мать не дала согласия на запись истцов в качестве родителей ребёнка, и руководствуясь положениями ст. 3 Конвенции о правах ребёнка, разрешить спор в интересах ребенка¹.

Заключение

В результате проведённого анализа можно сделать вывод, что репродуктивные права неоднородны по своей правовой природе. Часть репродуктивных прав необходимо относить к правам абсолютным и неотчуждаемым, подлежащим гарантированию и защите исходя именно из их естественной природы (право на продолжение рода, право на репродуктивный выбор). Права такого рода учёные и практики связывают с провозглашённым правом на неприкосновенность частной жизни.

Другая составляющая репродуктивных прав также связана с естественными при-

тязаниями человека на продолжение рода или с возможностью иного репродуктивного самоопределения, и, как правило, является производной от права на охрану здоровья. В отношении данных прав государство обладает достаточно большой дискрецией в осуществлении правового регулирования, в т. ч. с учётом его возможностей. Важным является при этом соблюдение базовых принципов недискриминации, соразмерности и пропорциональности ограничения прав.

Конституционный Суд РФ к настоящему времени выработал отдельные значимые позиции по вопросам репродуктивных прав. Как отмечал председатель Конституционного Суда РФ, перед конституционной юстицией в будущем будут ставиться всё новые и новые вопросы, связанные с данным блоком прав [8, с. 89]. Принципиально важно, с учётом мнения научного сообщества и с опорой на практику КС РФ, выработать единые подходы к определению природы репродуктивных прав, их гарантирования государством, степени возможного вмешательства в их реализацию и к их защите.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурмистрова Е. В. Особенности правового регулирования посмертных репродуктивных программ в России // Современное право. 2024. № 4. С. 79–82.
2. Репродуктивные права человека: понятие, правовая природа, сущность / Д. Г. Василевич, С. В. Потапенко, В. В. Гончаров, М. С. Савченко // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 149–152.
3. Колесова Н. С. Права человека и демографические процессы. М.: Норма, ИНФРА-М, 2020. 240 с.
4. Крусс В. И. Медицинское право, конституционное правопользование и соматические притязания // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 4. С. 8–18.
5. Посадкова М. В. Будущее уже здесь: о конституционной природе репродуктивного права на рождение ребёнка с использованием вспомогательных технологий // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 6. С. 72–94.
6. Троицкая А. А., Шевченко О. С. Вспомогательные репродуктивные технологии: неочевидные пределы защиты // Сравнительное конституционное обозрение. 2025. № 1. С. 163–183.
7. Шатилина А. С. Конституционно-правовое измерение репродуктивного здоровья: terra incognita? // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 51–57.
8. Зорькин В. Д. Лекции о праве и государстве. СПб., 2024. 352 с.
9. Варламова Н. В. Права человека: теоретическое обоснование и юридико-догматическая конкретизация. М.: Институт государства и права РАН, 2024. 624 с.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 № 2318-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан С. Д. и С. Т. на нарушение их конституционных прав пунктом 4 статьи 51, пунктом 3 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пунктом 5 статьи 16 Федерального закона "Об актах гражданского состояния", частью 9 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

10. Конституционные права в России: судебная практика и сравнительные материалы: учебное пособие / Е. В. Гриценко, А. В. Должиков, И. А. Дудко и др. М.: Центр конституционных исследований, 2024. 582 с.
11. Саркисян В. В. Постмортемные интересы: правовые основы и виды // Наследственное право. 2024. № 4. С. 9–12.
12. Велиева С. М. Правовое регулирование репродуктивных прав как разновидности соматических прав человека // Современное право. 2024. № 11. С. 80–84.
13. Тарусина Н. Н. Об актуальных вариациях конструкции согласия в семейно-правовой сфере // Семейное и жилищное право. 2024. № 5. С. 18–21.

REFERENCES

1. Burmistrova, E. V. (2024). Legal Regulation Features of Posthumous Reproductive Programs in Russia. In: *Modern Law*, 4, 79–82 (in Russ.).
2. Vasilevich, D. G., Potapenko, S. V., Goncharov, V. V., Savchenko, M. S. (2025). Reproductive Rights: Concept, Legal Nature, and Essence. In: *Law and State: The Theory and Practice*, 1, 149–152 (in Russ.).
3. Kolesova, N. S. (2020). *Human Rights and Demographic Processes*. Moscow, Norma publ., INFRA-M publ. (in Russ.).
4. Kruss, V. I. (2023). Medical Law, Constitutional Exercise, and Somatic Rights. In: *Constitutional and Municipal Law*, 4, 8–18 (in Russ.).
5. Posadkova, M. V. (2022). The Future is Already Here: On the Constitutional Nature of the Reproductive Right to Give Birth Using Assistive Technologies. In: *Comparative Constitutional Review*, 6, 72–94 (in Russ.).
6. Troitskaya, A. A. & Shevchenko, O. S. (2025). Assisted Reproductive Technologies: Non-Obvious Limits of Protection. In: *Comparative Constitutional Review*, 1, 163–183 (in Russ.).
7. Shatilina, A. S. (2021). Constitutional and Legal Dimension of Reproductive Health: Terra Incognita? In: *Constitutional and Municipal Law*, 3, 51–57 (in Russ.).
8. Zorkin, V. D. (2024). *Lectures on Law and the State*. St. Petersburg (in Russ.).
9. Varlamova, N. V. (2024). *Human Rights: Theoretical Justification and Legal and Dogmatic Concretization*. Moscow: Institute of State and Law publ. (in Russ.).
10. Gritsenko, E. V., Dolzhikov, A. V., Dudko, I. A., et al. (2024). *Constitutional Rights in Russia: Judicial Practice and Comparative Materials*. Moscow: Centre for Constitutional Studies publ. (in Russ.).
11. Sargsyan, V. V. (2024). Post-Mortem Interests: Legal Foundations and Types. In: *Inheritance Law*, 4, 9–12 (in Russ.).
12. Veliyeva, S. M. (2024). Legal Regulation of Reproductive Rights as a Kind of Somatic Rights. In: *Modern Law*, 11, 80–84 (in Russ.).
13. Tarusina, N. N. (2024). On Current Construction Variations of the Consent in the Family Legal Sphere. In: *Family and Housing Law*, 5, 18–21 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Макеева Юлия Касимовна (г. Москва) – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права им. Н. В. Витрука Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева;
e-mail: makiu@inbox.ru; ORCID: 0009-0005-4450-7318

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia K. Makeeva (Moscow) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Constitutional Law named after N. V. Vitruk, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev;
e-mail: makiu@inbox.ru; ORCID: 0009-0005-4450-7318

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 347

DOI: 10.18384/2949-513X-2025-1-53-66

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В УПРАВЛЕНИИ НЕДВИЖИМОСТЬЮ: ЦИФРОВОЙ ПРОРЫВ ИЛИ ПРАВОВОЙ ЛАБИРИНТ

Саяпина Т. С.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: tatiana-communicate@yandex.ru; ORCID: 0009-0005-9344-1351

Поступила в редакцию 20.07.2025

После доработки 10.08.2025

Принята к публикации 22.08.2025

Аннотация

Цель. Анализ правовых проблем, возникающих при внедрении искусственного интеллекта в управление недвижимостью, и выработка предложений по их решению в условиях стремительной цифровизации данной сферы.

Процедура и методы. Проведено исследование зарубежного опыта регулирования искусственного интеллекта в странах романо-германской, англосаксонской и традиционной правовых систем. В результате анализа нормативных правовых актов и судебной практики выявлены пробелы в российском законодательстве. Проведена оценка этических и социальных последствий автоматизации управления недвижимостью. В работе использованы методы анализа, синтеза, индукции и дедукции. С целью разработки мер совершенствования правового регулирования применены сравнительно-правовой и системный методы.

Результаты. Установлено, что использование искусственного интеллекта в управлении недвижимостью, несмотря на преимущества (эффективность, снижение затрат), порождает правовые риски: неопределённость ответственности, угрозы дискриминации, конфликты в сфере защиты персональных данных и интеллектуальной собственности. Доказана необходимость формирования комплексного подхода, включающего: чёткое распределение ответственности между разработчиками, операторами и пользователями искусственного интеллекта; обеспечение прозрачности алгоритмов; адаптацию норм о защите персональных данных и авторских прав; учёт социальных последствий автоматизации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Систематизированы ключевые правовые вызовы, связанные с применением искусственного интеллекта в управлении недвижимостью. Предложены конкретные механизмы адаптации зарубежных моделей регулирования к российским условиям. Результаты работы могут быть использованы законодателями для модернизации права, управляющими компаниями – для минимизации рисков, разработчиками искусственного интеллекта – для создания совместимых с использованием правовых норм технологий, а исследователями – для дальнейшего изучения баланса между инновациями и защитой прав. В целом, представленная работа вносит вклад в дискуссию о правовом обеспечении технологических изменений в сфере недвижимости.

© CC BY Саяпина Т. С., 2025.

Ключевые слова: дискриминация алгоритмов, защита персональных данных, интеллектуальная собственность, искусственный интеллект, правовая ответственность, управление недвижимостью, этические нормы

Для цитирования:

Саяпина Т. С. Искусственный интеллект в управлении недвижимостью: цифровой прорыв или правовой лабиринт // Московский юридический журнал. 2025. № 1. С. 53–66. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-1-53-66>.

Original research article

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PROPERTY MANAGEMENT: DIGITAL BREAKTHROUGH OR A LABYRINTH OF LEGAL RIGHTS?

T. Sayapina

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: tatiana-communicate@yandex.ru; ORCID: 0009-0005-9344-1351

Received by the editorial office 20.07.2025

Revised by the author 10.08.2025

Accepted for publication 22.08.2025

Abstract

Aim. To analyze legal problems arising from the introduction of artificial intelligence in property management and to develop proposals for their solution in the context of rapid digitalization of this sphere.

Methodology. A study of foreign experience in regulating artificial intelligence in countries of the Romano-Germanic, Anglo-Saxon and traditional legal systems was conducted. As a result of the analysis of regulatory legal acts and judicial practice, gaps in Russian legislation were identified. An assessment of the ethical and social consequences of automation of real estate management was carried out. When disclosing the research material, analysis, synthesis, induction and deduction were used in the work. In order to develop measures to improve legal regulation, comparative legal and systemic methods were used.

Results. It was found that the use of artificial intelligence in property management, despite the advantages (efficiency, cost reduction), gives rise to legal risks: uncertainty of responsibility, threats of discrimination, conflicts in the field of personal data and intellectual property protection. The need for an integrated approach has been proven, including clear distribution of responsibility between developers, operators and users of artificial intelligence, ensuring transparency of algorithms, adaptation of rules on the protection of personal data and copyright, considering social consequences of automation.

Research implications. The key legal challenges associated with the use of artificial intelligence in real estate management are systematized. Specific mechanisms for adapting foreign regulatory models to Russian conditions are proposed. The results can be used by legislators to modernize the law, by management companies to minimize risks, by developers of artificial intelligence to create technologies compatible with the use of legal norms, and by researchers to further study the balance between innovation and protection of rights. Overall, the presented work contributes to the discussion on the legal framework for technological changes in the real estate sector.

Keywords: algorithm discrimination, personal data protection, intellectual property, artificial intelligence, legal liability, property management, ethical standards

For citation:

Sayapina T. S. (2025). Artificial Intelligence in Property Management: Digital Breakthrough or a Labyrinth of Legal Rights? In: *Moscow Juridical Journal*, 1, 53–66. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-1-53-66>.

Введение

Современный этап технологического развития характеризуется активным внедрением искусственного интеллекта (ИИ) в различные сферы общественной жизни, включая управление недвижимостью. Использование ИИ-алгоритмов для автоматизации рутинных процессов, анализа больших данных и принятия управленческих решений открывает новые возможности для повышения эффективности, снижения затрат и улучшения качества услуг. Однако стремительное развитие этих технологий опережает формирование адекватного правового регулирования, что создаёт значительные риски и правовые коллизии. В условиях цифровой трансформации особую актуальность приобретает исследование проблем, связанных с применением ИИ в управлении недвижимостью, поскольку отсутствие чётких правовых механизмов может привести к нарушению прав собственников, арендаторов и других участников правоотношений.

Важность рассмотрения данной темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, внедрение ИИ в управление недвижимостью затрагивает фундаментальные вопросы ответственности за принимаемые алгоритмами решения, которые не укладываются в традиционные правовые конструкции, основанные на принципах вины и причинной связи. Во-вторых, обработка персональных данных, необходимая для функционирования ИИ-систем, требует соблюдения строгих требований конфиденциальности и защиты информации, что особенно актуально в свете ужесточения законодательства в этой области. В-третьих, использование исторических данных для обучения алгоритмов может привести к воспроизведению и усилению дискриминационных практик, что ставит вопрос о необходимости разработки механизмов предотвращения предвзятости.

Кроме того, применение ИИ в управлении недвижимостью поднимает вопросы интеллектуальной собственности, этики и социальных последствий автоматизации,

таких как сокращение рабочих мест. Эти аспекты требуют комплексного анализа и выработки сбалансированных правовых решений, которые позволят максимально использовать потенциал технологий, минимизируя сопутствующие риски.

В данной статье рассматриваются указанные проблемы с учётом зарубежного опыта и предлагаются пути их решения, что делает исследование значимым как для теории права, так и для практики управления недвижимостью.

Возможность использования технологий ИИ при управлении недвижимостью

С развитием технологий ИИ его применение в различных сферах жизни становится все более распространённым. Управление недвижимостью – одна из областей, где он также нашёл своё применение [1, с. 12].

ИИ в управлении недвижимостью позволяет автоматизировать рутинные процессы: сбор платежей, учёт объектов, планирование ремонтов и реагирование на запросы жильцов, что значительно сокращает временные и финансовые затраты. Алгоритмы ИИ способны анализировать большие объёмы данных, прогнозировать износ коммуникаций, оптимизировать энергопотребление и выявлять потенциальные риски, что повышает эффективность управления и снижает эксплуатационные расходы. Кроме того, умные системы могут персонализировать услуги для арендаторов и собственников, улучшая качество сервиса и повышая удовлетворённость клиентов.

Внедрение ИИ способствует и прозрачности управления недвижимостью, минимизируя человеческий фактор и связанные с ним ошибки или злоупотребления. Технологии машинного обучения помогают точнее оценивать рыночную стоимость объектов, прогнозировать спрос на аренду и выявлять оптимальные условия для сделок, что делает рынок недвижимости более динамичным и предсказуемым. В

долгосрочной перспективе использование ИИ позволяет создавать «умные» жилые и коммерческие пространства, которые адаптируются под потребности пользователей, обеспечивая комфорт, безопасность и устойчивое развитие городской инфраструктуры. Однако внедрение таких технологий сопровождается рядом правовых проблем, которые требуют отдельного научного осмысления [2, с. 118].

Н. А. Епрынцева, А. В. Соколова и А. А. Руднева справедливо обращают внимание на то, что ИИ и машинное обучение позволяют оптимизировать ключевые процессы: оценку объектов, поиск подходящих вариантов для клиентов и управление имуществом. Технологии помогают агентам и владельцам недвижимости работать быстрее и точнее, а потребителям – находить нужные объекты без длительных поисков. Примеры включают чат-боты для обработки запросов, системы распознавания лиц для безопасности и автоматизированные платформы для решения проблем арендаторов (например, *AskPorter*).

По мнению учёных, ИИ устраняет многие недостатки, связанные с человеческим фактором: ошибки в оценке, задержки в решении вопросов и субъективность. Алгоритмы машинного обучения анализируют большие объёмы данных (местоположение, демографию, рыночные тенденции) для прогнозирования стоимости объектов, оптимизации арендной платы и управления рисками. Это особенно важно для инвесторов и управляющих компаний, стремящихся максимизировать прибыль и минимизировать затраты [3, с. 48–49].

При этом А. Д. Власов совершенно справедливо обращает внимание на то, что ИИ, несмотря на мощные вычислительные возможности, принципиально не способен выйти за рамки заложенных в него данных и алгоритмов. Он критикует существующие законодательные и методические ограничения (например, устаревшие методы расчёта кадастровой стоимости), которые делают результаты оценки формальными и не отражающими реальных экономических условий. Ключевая

проблема – отсутствие у ИИ креативного мышления, присущего человеку, что не позволяет ему адаптироваться к нестандартным ситуациям или учитывать перспективные социально-экономические задачи [4, с. 160].

Применение искусственного интеллекта в управлении недвижимостью открывает значительные перспективы: автоматизация рутинных процессов, повышение точности оценки объектов, оптимизация затрат и улучшение качества сервиса за счёт анализа больших данных и прогнозирования. Однако, как отмечают исследователи, внедрение ИИ сталкивается с ключевыми ограничениями: зависимостью от заложенных алгоритмов, отсутствием креативного мышления и несовершенством нормативно-правовой базы, что может исказить результаты. Таким образом, успешная интеграция технологий требует не только технического развития, но и пересмотра методических подходов, а также сохранения роли человека для решения нестандартных задач и адаптации систем к реальным социально-экономическим условиям.

Зарубежный опыт использования технологий ИИ при управлении объектами недвижимости

Исследуя зарубежный опыт, важно обратить внимание на следующие особенности.

В странах **романо-германской правовой системы** (например, в Германии¹, Франции², Испании³) технологии искусственного интеллекта применяются в управлении недвижимостью в рамках строгого нормативного регулирования, ориентированного на защиту прав собственников и персональных данных. ИИ-алгоритмы используются для автоматизации кадастро-

¹ KI in der Immobilienbranche: Wie Künstliche Intelligenz das Geschäft verändert [Электронный ресурс]. URL: <https://clk.li/nlMg> (дата обращения: 15.07.2025).

² Quel est l'impact de l'ia dans le secteur de l'immobilier? [Электронный ресурс]. URL: <https://clk.li/SNCG> (дата обращения: 15.07.2025).

³ Inteligencia artificial en el sector inmobiliario ¿Cómo aplicarla correctamente? [Электронный ресурс]. URL: <https://clk.li/fuGF> (дата обращения: 15.07.2025).

вого учёта, анализа рынка недвижимости и управления многоквартирными домами, при этом их внедрение осуществляется с учётом требований Общего регламента по защите данных граждан Евросоюза (*General Data Protection Regulation, GDPR* от 25 мая 2018 г.¹) и национальных законов о цифровизации. Правовые системы этих стран постепенно адаптируют гражданское и административное законодательство для определения статуса ИИ-решений, сохраняя приоритет человеческого контроля над критически важными процессами.

В **англосаксонской правовой системе** (например, в США², Великобритании³, Канаде⁴) применение ИИ в управлении недвижимостью развивается в условиях гибкого прецедентного права, допускающего более широкое использование алгоритмов для оценки имущества, прогнозирования арендных ставок и автоматизации сделок. Особое внимание уделяется вопросам ответственности за решения, принимаемые ИИ, которые регулируются через судебные прецеденты и отраслевые стандарты, а не жёсткие законодательные рамки. В этих юрисдикциях активно разрабатываются этические кодексы использования ИИ, но при этом сохраняется значительная свобода для инноваций в коммерческом секторе.

В странах с **традиционной системой права** (Япония⁵, Китай⁶, Сингапур⁷ и др.)

¹ General data protection regulation (GDPR) [Электронный ресурс]. URL: <https://clk.li/Mfct> (дата обращения: 15.07.2025).

² How AI is Revolutionizing Property Management: Opportunities and Challenges [Электронный ресурс]. URL: <https://clk.li/GkES> (дата обращения: 15.07.2025).

³ How is AI Used in Property Management? [Электронный ресурс]. URL: <https://clk.li/arhQ> (дата обращения: 15.07.2025).

⁴ Optimize Investment Property Management in Canada Through AI Tools [Электронный ресурс]. URL: <https://clk.li/spil> (дата обращения: 15.07.2025).

⁵ 人が輝くAIの時代：不動産管理業のデジタル変革と人財価値の融合 [Электронный ресурс]. URL: <https://clk.li/gAxx> (дата обращения: 15.07.2025).

⁶ 深圳：人工智能+物业：物业管理从“人管”向“智管”转变 [Электронный ресурс]. URL: <https://zsrbapp.zsnews.cn/home/content/newsContent/242/663306> (дата обращения: 15.07.2025).

⁷ AI Ini Sudah Digunakan Lebih dari 35 Ribu Homeowner di Singapura [Электронный ресурс]. URL: <https://clk.li/EKQN> (дата обращения: 15.07.2025).

внедрение ИИ-технологий в управление недвижимостью сочетает современные цифровые решения с учётом местных правовых обычаев и централизованного государственного регулирования. Здесь ИИ применяется для умного городского планирования, мониторинга состояния зданий и автоматизированного сбора платежей, при этом законодательство часто предусматривает специальные разрешительные процедуры для использования таких систем. Правовое регулирование ориентировано на баланс между технологическим прогрессом и сохранением традиционных механизмов контроля, что приводит к созданию уникальных гибридных моделей управления.

Анализ зарубежного опыта применения ИИ в управлении недвижимостью демонстрирует, что, несмотря на различия правовых систем, все страны сталкиваются с необходимостью поиска баланса между технологическими инновациями и защитой прав субъектов недвижимых отношений, при этом романо-германская система делает акцент на нормативном регулировании и защите персональных данных, англосаксонская – на гибком прецедентном праве и отраслевых стандартах, а традиционная – на сочетании цифровых решений с местными правовыми обычаями и государственным контролем, что в совокупности формирует многообразные, но равноценные подходы к интеграции ИИ в сферу недвижимости, которые могут быть учтены при разработке оптимальной регуляторной модели с учётом национальной правовой специфики.

Проблема ответственности за решения, принимаемые ИИ, при управлении недвижимым имуществом

Одной из ключевых проблем является определение ответственности за решения, принимаемые системами на основе ИИ. Е. А. Перекрестова справедливо обращает внимание на сложность определения правовой природы систем искусственного интеллекта, которые обладают признаками как

объекта, так и субъекта права [5]. С одной стороны, ИИ демонстрирует способность к самообучению и принятию решений, что сближает его с субъектностью, но с другой – отсутствие сознания, эмоций и воли ставит под сомнение возможность наделения его правами, аналогичными человеческим.

Если рассматривать ИИ как объект права, ответственность ложится на владельца, разработчика или пользователя (например, по нормам об источниках повышенной опасности). Если же признать ИИ субъектом, возникает идея о его самостоятельной ответственности, например, через штрафы или «уничтожение» системы. Е. А. Перекрестова критикует последний подход, отмечая, что ИИ, будучи машиной, не обладает волей или ценностями, что делает такую ответственность формальной [5, с. 172].

Современное законодательство не содержит чётких механизмов распределения ответственности между разработчиком алгоритма, владельцем системы, оператором и самим искусственным интеллектом как таковым, особенно когда речь идёт о сложных самообучающихся системах, логика принятия решений которых может быть неочевидной даже для их создателей, что создаёт правовые коллизии в случаях причинения вреда или принятия ошибочных решений, поскольку традиционные нормы гражданского, административного и уголовного права ориентированы на человеческий фактор и не учитывают специфики автономного принятия решений алгоритмами, что требует разработки новых правовых концепций и подходов к регулированию. Соответственно, если, к примеру, алгоритм ИИ неправильно рассчитал стоимость аренды или допустил ошибку при управлении коммунальными услугами, кто будет нести ответственность: разработчик системы, управляющая компания (либо иная организация в сфере управления недвижимостью) или владелец недвижимости?

В России, как и в большинстве стран сегодня, ещё законодательно не предусмотрено чётких правил определения ответственности за действия ИИ. Технологии искусственного интеллекта развиваются

значительно быстрее, чем правовое регулирование, а их сложность и автономность принятия решений не вписываются в традиционные правовые конструкции, основанные на принципах вины и причинной связи, характерных для человеческой деятельности.

Кроме того, отсутствие единого международного подхода (распространяющегося не только на страны ЕС, а именно, универсального мирового) и опасность чрезмерного регулирования могут затормозить инновации. По сути, такая ситуация фактически «заставляет» законодателей действовать осторожно, предпочитая точечные изменения в существующих нормах вместо создания комплексного мирового законодательства (предусматривающего единые подходы к применению ИИ), пока не сформируется устойчивая практика применения ИИ и не станут очевидными оптимальные модели распределения ответственности между разработчиками, операторами и пользователями таких систем.

В конечном счёте в России сейчас это создаёт правовую неопределённость [6, с. 384] и приводит к различным судебным спорам. Например, в Постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа № Ф02-7539/2023 по делу № А58-4021/2023¹ можно выяснить то, что сложность привлечения к ответственности за нарушения с использованием ИИ заключается в необходимости подтверждения отсутствия законных оснований для его применения (например, согласия пользователя), даже если сам факт использования системы нарушает нормы. Другой пример из сферы гражданских правоотношений: исходя из Определения Второго кассационного суда общей юрисдикции № 88-13327/2025² следует, что суды первой и апелляционной инстанции верно обратили внимание на то, что ответственность

¹ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 23.01.2024 № Ф02-7539/2023 по делу № 1А58-4021/2023 // СПС «Консультант Плюс»...

² Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26.06.2025 г. № 88-13327/2025 // СПС Консультант Плюс.

за содержание публикаций возложена на ответчика как учредителя ресурса, несмотря на утверждение о генерации текста искусственным интеллектом.

Тем самым судебная практика восполняет пробелы законодательства о возможности привлечения к ответственности за использование технологий ИИ в рамках различных видов судопроизводства. При этом практика к единообразию в этой части ещё не пришла.

Относительно законодательства: для решения выявленной проблемы требуется разработка новых правовых норм, которые учитывали бы специфику ИИ, распределили бы ответственность между всеми участниками процесса. Традиционные правовые конструкции, основанные на учёте в частности вины и причинно-следственной связи применительно к человеческой деятельности, оказываются неадекватными для регулирования действий автономных систем, способных к самообучению и принятию решений по алгоритмам, не всегда понятным даже их создателям, что создаёт правовые пробелы в вопросах распределения ответственности между разработчиками, операторами, пользователями и самими ИИ-системами. Отсутствие чётких правил может привести как к необоснованному возложению ответственности на одних участников процесса, так и к отсутствию компенсации для пострадавших, что в конечном итоге тормозит развитие и внедрение перспективных технологий, поскольку участники рынка сталкиваются с повышенными правовыми рисками и неопределённостью, требующими создания специальных правовых механизмов, которые бы обеспечивали справедливое распределение ответственности с учётом степени влияния и контроля каждого участника над ИИ-системой, а также характера и предсказуемости её действий.

Применение технологий искусственного интеллекта в управлении недвижимостью обуславливает необходимость последовательной модернизации правового регулирования различных отраслей права – гражданского, административного и уголовного.

Поскольку в процессе управления недвижимостью могут возникать различные правонарушения или преступления, в т. ч. связанные с применением технологий ИИ.

Особого внимания заслуживает адаптация института дисциплинарной ответственности к случаям правонарушений в управлении недвижимостью, совершённых с использованием технологий ИИ. Это связано с тем, что при использовании технологий искусственного интеллекта в управлении недвижимостью дисциплинарные нарушения могут возникать в случаях, когда ответственные сотрудники или управляющие компании ненадлежащим образом осуществляют контроль за работой систем ИИ, например, не проводят регулярный мониторинг их решений, игнорируют очевидные сбои в алгоритмах или сознательно используют заведомо некорректные данные для обучения систем, что приводит к нарушениям прав собственников и арендаторов, несоблюдению сроков выполнения обязательств (ремонтов, расчётов коммунальных платежей) или принятию дискриминационных решений при распределении услуг, при этом ключевая сложность заключается в определении степени вины человека при автоматизированном принятии решений и разграничении ответственности между разработчиками системы, операторами и конечными пользователями.

Таким образом, сложность привлечения к ответственности за решения ИИ заключается в отсутствии законодательных механизмов распределения вины между разработчиками, операторами и пользователями, особенно для самообучающихся систем, что требует адаптации правовых норм с учётом их автономности и потенциального вреда.

Особенности использования технологий ИИ при обработке персональных данных участников управления недвижимым имуществом

Использование ИИ в управлении недвижимостью неизбежно связано с обра-

боткой больших массивов персональных данных, поскольку эффективная работа алгоритмов требует комплексного анализа информации о жильцах – от базовых персональных данных и платёжной истории до поведенческих паттернов (например, частоты обращения за услугами, предпочтений в коммунальных услугах или режима использования помещений), что позволяет системе оптимизировать обслуживание, прогнозировать расходы, выявлять задолженности и персонализировать сервисы.

Однако такая ситуация одновременно создаёт риски нарушения конфиденциальности, особенно если сбор и обработка данных выходят за рамки, предусмотренные законодательством о защите персональных данных, или если отсутствуют прозрачные механизмы получения согласия субъектов данных на такую обработку. Это порождает проблемы в сфере защиты конфиденциальности и соблюдения требований законодательства о персональных данных, что обуславливает необходимость создания специальных правовых механизмов, адаптированных к специфике ИИ и предусматривающих формирование более точного механизма распределения ответственности между всеми участниками процесса.

М. О. Ляшкова верно подчёркивает, что использование искусственного интеллекта для работы с персональными данными создаёт значительные угрозы, включая утечки информации и несанкционированное использование данных. Нейросети, аккумулируя большие объёмы данных, повышают риск их сохранения и повторного применения в нарушение закона, например, для дискриминации по расовым, гендерным или иным признакам (как в случае с алгоритмом Amazon). Эти проблемы усугубляются недостаточной защитой серверов и отсутствием прозрачности в работе ИИ. Текущее правовое регулирование (например, ФЗ «О персональных данных» и КоАП РФ) не учитывает специфики ИИ. Размеры штрафов за утечки данных (до 500 тыс. руб. для юридических лиц) несоизмеримы

потенциальному ущербу, особенно для крупных компаний. В предлагавшемся ранее к принятию законопроект № 502104-8 (ныне Федеральный закон № 420-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»), в котором была заложена градация ответственности в зависимости от масштаба утечки, также отсутствует механизм оценки реального вреда и необходимости воспитания культуры защиты данных среди операторов [7, с. 79].

Кроме того, И. Г. Ильин верно утверждает, что существующее законодательство о защите персональных данных (например, ключевой Федеральный закон № 152) не учитывает специфики обработки данных в NLP, что приводит к конфликту между частными интересами субъектов данных и публичными интересами развития технологий [8, с. 125]. В дополнение к данному мнению Б. А. Окишев верно обращает внимание на то, что текущее законодательство России даже в целом не обеспечивает достаточного баланса между защитой персональных данных и необходимостью их использования для обучения систем искусственного интеллекта [9, с. 72].

Тем самым использование ИИ в управлении недвижимостью, хотя и повышает эффективность обслуживания за счёт анализа персональных данных жильцов, создаёт серьёзные риски нарушения конфиденциальности, особенно при недостаточной прозрачности обработки данных и слабой защите информации. Текущее законодательство, включая ФЗ «О персональных данных» и КоАП РФ, не учитывает специфики ИИ, а размеры штрафов за утечки данных несоизмеримы потенциальному ущербу, что требует разработки специальных правовых механизмов, способных обеспечить баланс между защитой персональных данных и развитием технологий, а также чёткого распределения ответственности между участниками процесса.

Дискриминация алгоритмов ИИ при управлении недвижимостью

Алгоритмы ИИ обучаются на основе данных, которые могут содержать скрытые предубеждения. В рамках своего развития они базируются на применении исторических данных, которые могут неосознанно содержать скрытые предубеждения, например, при анализе информации о предыдущих сделках с недвижимостью, кредитных историях арендаторов или решениях о распределении жилищных ресурсов, где в прошлом могли проявляться дискриминационные практики (расовые, гендерные, возрастные или социально-экономические), и поскольку ИИ выявляет и воспроизводит закономерности, заложенные в этих данных, без понимания их этического контекста, это может привести к систематическому закреплению и даже усилению существующих неравенств, таких как необоснованный отказ в аренде определённым категориям граждан, завышенные требования к залогу или несправедливое распределение коммунальных услуг.

Усложняется ситуация в случае, если исходные данные не были предварительно очищены от предвзятостей, а сам алгоритм не снабжён механизмами корректировки и постоянного мониторинга на предмет дискриминационных решений, что подчёркивает необходимость тщательного аудита как входных данных, так и результатов работы системы на всех этапах её функционирования.

В целом это может привести к дискриминационным решениям, поскольку алгоритмы ИИ, обучаясь на исторических данных, отражающих существовавшие в прошлом предвзятые практики (например, более высокие отказы определённым демографическим группам или завышенные цены для отдельных районов), автоматически воспроизводят и усиливают эти паттерны, воспринимая их как «норму», что проявляется при отборе арендаторов через автоматизированные системы скоринга (где учитываются косвенно дискриминационные факторы вроде почтового индекса или образования).

При динамическом ценообразовании (когда стоимость аренды необоснованно варьируется для разных пользователей на основе их поведенческих данных) и даже при распределении ресурсов общего имущества (очередности ремонта, доступа к услугам и т. д.), причём эти решения часто маскируются под «объективные» алгоритмические выводы, возникает серьёзная проблема, которая затрудняет выявление и оспаривание дискриминации, особенно когда внутренняя логика работы ИИ остаётся так называемым «чёрным ящиком» даже для операторов системы.

Соответственно, если система ИИ при управлении недвижимостью будет принимать дискриминационные решения (например, основанные на расовой, гендерной или возрастной предвзятости), такая ситуация повлечёт за собой правовые риски, включая возможность судебных исков и привлечения к ответственности владельцев или операторов данной технологии.

Для предотвращения дискриминации требуется обеспечить прозрачность работы алгоритмов и регулярно проверять их на наличие предвзятости. Предотвращение дискриминации при использовании алгоритмов ИИ в управлении недвижимостью требует закрепления на законодательном уровне обязанности операторов обеспечивать прозрачность (объяснимость) принимаемых системой решений, включая право субъектов на получение понятного обоснования автоматизированных выводов, касающихся их персональных обстоятельств, а также введения обязательного регулярного аудита алгоритмов независимыми экспертами на предмет выявления скрытых предубеждений с использованием специальных методик тестирования, при этом нормативное регулирование должно чётко определить субъектов ответственности (разработчика, оператора или владельца систем) за проведение таких проверок.

Сегодня важно установить критерии «допустимого отклонения» в работе алгоритмов и предусмотреть санкции за нарушение антидискриминационных требований, включая возможность обжалования

решений ИИ в административном и судебном порядке с возложением бремени доказывания отсутствия предвзятости на владельцев технологии.

Кроме того, поскольку лица, входящие в состав органов управления, зачастую не обладают необходимыми специальными познаниями в сфере технологий ИИ, для этого важно приглашать специалистов и подобные вопросы обязательно решать на общем собрании (в части оплаты их труда, порядка привлечения и прочих нюансов).

Для преодоления недостаточной компетентности членов органов управления в вопросах технологий ИИ можно законодательно закрепить:

1) обязанность привлекать независимых технических экспертов при принятии решений, связанных с внедрением и использованием систем ИИ в управлении недвижимостью;

2) требование о вынесении вопросов, касающихся условий привлечения таких специалистов (включая порядок их отбора, размер вознаграждения и объём полномочий), на рассмотрение общего собрания собственников;

3) прозрачную процедуру согласования соответствующих расходов в смете на содержание общего имущества, что позволит обеспечить баланс между профессиональным подходом к технологическим аспектам и демократическим контролем со стороны владельцев помещений. Особое внимание следует уделить регламентации критериев квалификации привлекаемых экспертов и механизмам их ответственности за предоставленные рекомендации.

Таким образом, использование ИИ в управлении недвижимостью, основанное на исторических данных, может воспроизводить и усиливать скрытые предубеждения (расовые, гендерные, социальные), приводя к дискриминационным решениям, например, несправедливому отбору арендаторов, завышенным ценам или неравному распределению услуг. Поскольку алгоритмы воспринимают такие паттерны как «норму», а их работа часто остаётся «чёрным ящиком», это создаёт правовые

риски, включая судебные иски. Чтобы минимизировать угрозы, необходимо законодательно закрепить: прозрачность решений ИИ (право на объяснение), регулярный аудит алгоритмов независимыми экспертами, чёткие критерии ответственности операторов и механизмы обжалования. Кроме того, для компенсации недостатка знаний у управляющих органов следует обязать привлекать технических специалистов, а ключевые вопросы (выбор экспертов, оплата, полномочия) выносить на общее собрание собственников, обеспечивая баланс между профессиональным подходом и демократическим контролем.

Защита интеллектуальной собственности при использовании технологий ИИ в рамках управления недвижимым имуществом

Разработка и использование ИИ в управлении недвижимостью также связаны с вопросами интеллектуальной собственности. Например, кто является владельцем прав на алгоритм ИИ: разработчик, управляющая компания или владелец недвижимости? Данная ситуация неслучайна. Непосредственно процесс разработки и применения технологий ИИ в сфере управления недвижимостью актуализирует комплекс вопросов интеллектуальной собственности, поскольку создание и эксплуатация алгоритмов ИИ подпадают под действие норм о защите результатов интеллектуальной деятельности.

В данном контексте ключевая проблема заключается в определении правообладателя алгоритма: по общему правилу исключительные права на программный продукт (каковым является ИИ-система) первоначально возникают у его разработчика (ст. 1257 ГК РФ), однако при передаче технологии управляющей компании по договору подряда или лицензионному соглашению объём прав определяется условиями соответствующего контракта – возможны как полная уступка исключительного права, так и предоставление ограниченной лицензии на использование.

Особую сложность представляет ситуация, когда алгоритм адаптируется или дообучается в процессе эксплуатации на данных конкретного объекта недвижимости: в этом случае может возникать производный объект интеллектуальной собственности, права на который требуют отдельного регулирования в договоре между разработчиком и оператором. Владелец недвижимости, как правило, не приобретает прав на сам алгоритм, но может претендовать на защиту своих данных, используемых для обучения системы, что порождает необходимость чёткого разграничения правомочий всех участников процесса в рамках комплексных юридических конструкций, учитывающих как нормы ч. IV ГК РФ, так и специальное законодательство о цифровых технологиях.

Следовательно, применение ИИ в управлении недвижимостью порождает сложные вопросы интеллектуальной собственности, поскольку права на алгоритм изначально принадлежат разработчику (ст. 1257 ГК РФ), но могут передаваться управляющей компании по договору (полностью или частично), тогда как владелец недвижимости, не получая прав на сам алгоритм, может защищать свои данные, использованные для дообучения системы. Особую сложность представляет регулирование прав на модифицированные версии алгоритмов, адаптированные под конкретный объект, что требует чёткого закрепления в договорах разграничения прав между разработчиком, оператором и владельцем недвижимости с учётом норм ГК РФ и законодательства о цифровых технологиях.

Этические и социальные аспекты управления недвижимым имуществом, осуществляемого с использованием технологий ИИ

Нельзя не обратить внимание и на то, что использование технологий ИИ в управлении недвижимостью также затрагивает и этические вопросы. В этой части И. В. Чуксин совершенно верно обращает

внимание на важность этического регулирования применения технологий ИИ в сфере управления недвижимостью [10, с. 130].

В соответствии с Информационным письмом Банка России от 09.07.2025 г. № ИН-016-13/91 «О Кодексе этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке», Банк России представил Кодекс этики для использования искусственного интеллекта на финансовом рынке. Кодекс призван обеспечить ответственное и прозрачное использование ИИ на финансовом рынке, минимизируя риски дискриминации, нарушения конфиденциальности данных и непредсказуемых последствий автоматизированных решений, что создаёт важный прецедент для других отраслей, включая управление недвижимостью.

Закреплённые в нём принципы (обязательность человеческого контроля, обеспечение объяснимости алгоритмов и защита прав пользователей) могут быть адаптированы для регулирования ИИ-систем в жилищной сфере, особенно с учётом активного внедрения технологий анализа данных, автоматизации управления МКД и цифровых платформ для сделок с недвижимостью, где аналогичные риски требуют единых этических и правовых стандартов. Хотя кодекс напрямую не регулирует сферу недвижимости, его положения способны повлиять на формирование отраслевых стандартов и будущих законодательных инициатив в этой области.

При этом также следует отметить, что в этой части есть определённый риск. Автоматизация процессов управления недвижимостью с использованием ИИ фактически приводит к сокращению рабочих мест в управляющих компаниях (например, в сферах бухгалтерии, технического мониторинга или клиентского обслуживания), что может спровоцировать социальное напряжение из-за роста безработицы среди низкоквалифицированных специалистов, однако с правовой точки зрения прямое регулирование этого вопроса через запреты или квоты на автоматизацию

представляется контрпродуктивным, т. к. искусственное сдерживание технологического прогресса снижает экономическую эффективность отрасли.

Вместо этого целесообразно внедрять опосредованные механизмы:

1) закрепление в трудовом законодательстве обязанности работодателей по переподготовке сотрудников в условиях цифровизации (ст. 196 ТК РФ);

2) применение налоговых льгот для организаций, осуществляющих управление объектами недвижимости (и прочих), сохраняющих рабочие места при внедрении ИИ (аналогично ст. 255 НК РФ);

3) развитие программ социальной адаптации через центры занятости;

4) включение в отраслевые стандарты управления недвижимостью требований о поэтапном внедрении автоматизации с учётом социальных последствий.

Данные нововведения смогут сбалансировать процесс между технологической модернизацией и социальной стабильностью без прямого запретительного регулирования, поскольку цифровизация – мировое явление, которое неизбежно распространяется в различные сферы общественных отношений.

Подводя итог вышеизложенному, хотелось бы отметить, что применение технологий искусственного интеллекта в управлении недвижимостью открывает новые возможности, но также сопровождается значительными правовыми вызовами. В целом, для успешного внедрения ИИ в сфере управления недвижимостью необходимо:

1) разработать чёткие правовые нормы, регулирующие ответственность за решения, принимаемые ИИ в сфере управления недвижимостью;

2) обеспечить защиту персональных данных лиц, взаимодействующих с ИИ при управлении недвижимостью, а также соответствие международным стандартам;

3) разработать правовые и организационные меры, направленные на предотвращение дискриминации и предвзятости

алгоритмов ИИ при управлении недвижимым имуществом;

4) урегулировать вопросы интеллектуальной собственности, связанной с применением ИИ в сфере управления недвижимостью;

5) учитывать этические и социальные аспекты использования ИИ при управлении недвижимостью и совершенствовать в этом направлении нормативно-правовые акты.

Только комплексный подход к решению этих проблем позволит максимально эффективно использовать потенциал ИИ в управлении недвижимостью, снижая риски и обеспечивая защиту прав всех участников процесса управления объектами недвижимости.

Заключение

Проведённое исследование позволило сформулировать ряд значимых выводов, отражающих сложность и многогранность проблемы применения искусственного интеллекта в управлении недвижимостью. Центральным выводом является констатация необходимости разработки специализированного правового регулирования, способного учесть уникальные характеристики ИИ-технологий, включая их способность к автономному принятию решений и самообучению.

Существующие правовые конструкции, основанные на принципах вины и причинной связи, оказываются недостаточными для адекватного распределения ответственности между разработчиками, операторами и пользователями систем ИИ. Особую важность приобретает создание механизмов прозрачности и объяснимости алгоритмов, а также регулярного аудита их работы на предмет выявления скрытых предубеждений, что позволит минимизировать риски дискриминации и нарушения прав субъектов недвижимых отношений.

Итак, проведён комплексный анализ проблемы, сочетающий рассмотрение правовых, этических и социальных аспек-

тов внедрения ИИ в сферу управления недвижимостью. В работе не только систематизированы ключевые вызовы (вопросы ответственности, защиты персональных данных и интеллектуальной собственности), но и предложены конкретные пути их решения, включая адаптацию зарубежного опыта к российским реалиям.

Перспективы дальнейших исследований в данной области могут быть связаны с углублённым изучением международного опыта регулирования ИИ, разработкой моделей распределения ответственности с учётом степени автономности систем, а также анализом эффективности предлагаемых правовых механизмов на практике.

Особого внимания заслуживают вопросы баланса между инновациями и защитой прав человека, включая разработку этических стандартов использования ИИ в управлении недвижимостью. Кроме того, актуальным направлением представляется исследование социально-экономических последствий автоматизации, таких как трансформация рынка труда и изменение роли человеческого фактора в управлении. Именно поэтому проведённая работа может послужить основой для данного рода исследований, обозначая ключевые проблемы и задавая вектор для их последующего решения в рамках междисциплинарного подхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дашкин А. В. Применение искусственного интеллекта для автоматизации управления недвижимостью: вызовы и перспективы // *Научный лидер*. 2024. № 46. С. 11–13.
2. Кухалейшвили И. М. Использование современных технологии в коммерческой недвижимости // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2023. Т. 5. № 1. С. 116–121. DOI: 10.36871/ek.up.r.r.2023.01.05.014
3. Епрынцева Н. А., Соколова А. В., Руднева А. А. Искусственный интеллект в сфере недвижимости // *Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах*. 2018. № 4. С. 47–50.
4. Власов А. Д. Искусственный интеллект и креативное мышление в оценке объектов недвижимости России // *Регулирование земельно-имущественных отношений в России: правовое и геопрограммное обеспечение, оценка недвижимости, экология, технологические решения*. 2020. Т. 1. С. 159–164. DOI: 10.33764/2687-041X-2020-1-159-164
5. Перекрестова Е. А. Правовая природа и разграничение ответственности систем искусственного интеллекта // *Журнал Меридиан*. 2020. № 14. С. 171–173.
6. Корбут П. М. Внедрение технологии искусственного интеллекта при управлении объектами недвижимости // *Культура и экология – основы устойчивого развития России. Безальтернативность зеленой стратегии: сб. мат-лов*. Ч. 1. Екатеринбург, 2021. С. 383–387.
7. Ляшкова М. О. Искусственный интеллект и персональные данные // *Научные дискуссии*. 2024. Т. 4. № 4. С. 78–80.
8. Ильин И. Г. Персональные данные в системах искусственного интеллекта: технология обработки естественного языка // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024. Т. 2. № 1. С. 123–140. DOI: 10.21202/jdtl.2024.7
9. Окишев Б. А. Особенности правовой охраны персональных данных, обрабатываемых с использованием технологий искусственного интеллекта // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2024. Т. 20. № 2. С. 70–75. DOI: 10.33693/2541-8025-2024-20-2-70-75
10. Чуксин И. В. Тренды развития искусственного интеллекта в системе управления недвижимостью // *Исследования, технологии, инновации в области землеустройства, кадастровой деятельности и охраны окружающей среды: мат-лы конф.* Волгоград: Волгоградский государственный аграрный университет, 2024. С. 129–133.

REFERENCES

1. Dashkin, A. V. (2024). The Use of Artificial Intelligence to Automate Property Management: Challenges and Prospects. In: *Scientific Leader*, 46, 11–13 (in Russ.).
2. Kikhaleishvili, I. M. (2023). The Use of Modern Technology in Commercial Property. In: *Economics and Management: Problems, Solutions*, 5-1, 116–121. DOI: 10.36871/ek.up.r.r.2023.01.05.014 (in Russ.).

3. Epryntseva, N. A., Sokolova, A. V. & Rudneva, A. A. (2018). Artificial Intelligence in the Property Field. In: *Information Technologies in Construction, Social and Economic Systems*, 4, 47–50 (in Russ.).
4. Vlasov, A. D. (2020). Artificial Intelligence and Creative Thinking in the Property Assessment in Russia. In: *Regulation of Land and Property Relations in Russia: Legal and Geospatial Support, Property Assessment, Ecology, Technological Solutions*, 1, 159–164. DOI: 10.33764/2687–041X–2020–1–159–164 (in Russ.).
5. Perekrstova, E. A. (2020). Legal Nature and Delimitation of Artificial Intelligence Systems Responsibility. In: *Meridian Journal*, 14, 171–173 (in Russ.).
6. Korbut, P. M. (2021). Implementation of Artificial Intelligence into Property Management. In: *Culture and Ecology – The Foundations of Sustainable Development in Russia. No Alternatives to the Green Strategy. Pt. 1*. Yekaterinburg, 383–387 (in Russ.).
7. Lyashkova, M. O. (2024). Artificial Intelligence and Personal Data. In: *Scientific Discussions*, 4-4, 78–80 (in Russ.).
8. Пуйн, И. Г. (2024). Personal Data in Artificial Intelligence Systems: Natural Language Processing Technology. In: *Journal of Digital Technologies and Law*, 2-1, 123–140. DOI: 10.21202/jdtl.2024.7 (in Russ.).
9. Okishev, B. A. (2024). Features of the Legal Protection of Personal Data Processed Using Artificial Intelligence. In: *Economic Problems and Legal Practice*, 20-2, 70–75. DOI: 10.33693/2541-8025-2024-20-2-70-75 (in Russ.).
10. Chuksin, I. V. (2024). Trends in the Development of Artificial Intelligence in the Property Management system. In: *Research, Technology, Innovations in the Field of Land Management, Cadastral Activities and Environmental Protection*. Volgograd: Volgograd State Agrarian University publ., pp. 129–133 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Саяпина Татьяна Сергеевна (г. Москва) – старший преподаватель кафедры конституционного и гражданского права Государственного университета просвещения;
e-mail: tatiana-communicate@yandex.ru; ORCID: 0009-0005-9344-1351

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana S. Sayapina (Moscow) – Senior Lecturer, Department of Constitutional and Civil Law, Federal State University of Education;
e-mail: tatiana-communicate@yandex.ru; ORCID: 0009-0005-9344-1351

Научная статья
УДК 347.44
DOI: 10.18384/2949-513X-2025-1-67-73

УСЛОВИЯ ДОГОВОРА, НАРУШАЮЩИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫЙ БАЛАНС СТОРОН

Фаст О. Ф.

*Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: fastolga@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5799-0138*

Поступила в редакцию 22.03.2025

После доработки 10.04.2025

Принята к публикации 24.04.2025

Аннотация

Цель. Рассмотреть подходы правоприменительной практики и законодателя в определении условий договора, нарушающих баланс имущественных интересов сторон, в зависимости от сферы возникновения договорных связей.

Процедура и методы. В работе использовались формально-юридический метод, метод сравнительно-правового анализа и систематизации. Применение формально-юридического метода позволило определить условия договора, нарушающие имущественный баланс сторон. С помощью методов сравнительно-правового анализа и систематизации выявлены проблемы применения норм гражданского законодательства в данной сфере.

Результаты. Резюмированы основания, по которым необходимо рассматривать условия договора, оценивая уровень возможного соблюдения баланса имущественных интересов сторон. Определено, что для признания условия несправедливым в договорных отношениях с потребителем важной стадией являются действия до заключения договора, т. е. до установления гражданских прав и обязанностей, которые должны быть добросовестными. Отмечено, что слабая позиция в договорном отношении может быть не только у потребителя-гражданина, но и у потребителя – юридического лица (индивидуального предпринимателя) в публичных договорах.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложения и выводы, содержащиеся в данной статье, могут лечь в основу дальнейшего изучения в сфере исследования условий договора, нарушающих баланс имущественных интересов сторон, в зависимости от сферы возникновения договорных связей.

Ключевые слова: несправедливые условия, потребитель, предприниматель, недействительность, публичный договор

Для цитирования:

Фаст О. Ф. Условия договора, нарушающие имущественный баланс сторон // Московский юридический журнал. 2025. № 1. С. 67–73. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-1-67-73>.

Original research article

CONTRACT CONDITIONS THAT VIOLATE THE PARTIES' EQUITY

O. Fast

*Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation
e-mail: fastolga@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5799-0138*

Received by the editorial office 22.03.2025

Revised by the author 10.04.2025

Accepted for publication 24.04.2025

Abstract

Aim. The article demonstrates different approaches of law enforcement practice and the legislator to the definition of contract terms that violate the balance of the parties' property interests, depending on the scope of the contractual relations. It shows the lack of a uniform approach in the terminology and definition of such terms.

Methodology. The study used the formal-legal method, the method of comparative legal analysis, and systematization. The use of the formal-legal method made it possible to identify contract terms that violate the property balance of the parties. The use of the method of comparative legal analysis and systematization allowed us to identify problems in the application of civil legislation in this area.

Results. The law enforcement officer summarized the grounds for considering the terms of the contract, assessing the level of possible compliance with the balance of the parties' property interests. It is worth noting that in order to recognize a condition as unfair in a contractual relationship with a consumer, it is important to consider the actions taken before the contract is concluded, namely, before the establishment of civil rights and obligations, which must be conducted in good faith. It is noted that a consumer's weak position in a contractual relationship may not only be that of an individual consumer, but also that of a consumer who is a legal entity (an individual entrepreneur) in public contracts.

Research implication. The proposals and conclusions contained in this article can serve as a basis for further research on the conditions of a contract that violate the balance of the parties' property interests, depending on the scope of the contractual relationship.

Keywords: unfair conditions, consumer, entrepreneur, invalidity, public contract

For citation:

Fast, O. F. (2025). Contract Conditions that Violate the Parties' Equity. In: *Moscow Juridical Journal*, 1, 67–73. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-1-67-73>.

Введение

В современных условиях развития России важнейшее значение имеет право выражения свободы во взаимоотношениях в рамках, предоставленных законом. В реализации всесторонних отношений между гражданами, юридическими лицами и государственными институтами. Чем больше свободы договора, тем меньше барьеров, препятствий в злоупотреблениях правом, например, в переговорных стадиях формирования договорных обязательств. «...Важное значение имеет реализация принципа справедливости при защите прав и свобод граждан, организаций в сфере экономической деятельности. Безусловно, это касается и таких аспектов, как правовая защищённость совершаемых сделок» [1, с. 63].

Чем больше диспозитивности, свободы, тем больше правовой распушенности (в форме злоупотреблений). В таких случаях важен механизм контроля, например, через оценочные понятия [2, с. 97], которые законодатель использует, формируя правила норм широкого спектра действия.

Такая практика известна зарубежному законодательству, например, ст. 36 Закона № 2 «Об управлении рынком, о порядке и условиях заключения договоров»¹ (Закон «Об управлении рынком»), ст. 246 Гражданского кодекса Нидерландов², французский Гражданский кодекс при последнем реформировании гражданского законодательства позволяют суду признать любые несправедливые, недобросовестные условия договора, давая преимущество более слабой стороне правоотношений [3].

Долгое время как следствие признания условий договора несправедливыми применялось сочетание ст.ст. 10 и 168 или 169 Гражданского кодекса РФ³ (ГК

¹ Норвежский LOV-2009-01-09-2: Lov om kontroll med markedsføring og avtalevilkår mv. (markedsføringsloven) (konsolidert versjon av 2015) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/15945> (дата обращения: 15.12.2024).

² Burgerlijk Wetboek Boek 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0002656/2024-01-01> (дата обращения: 15.12.2024).

³ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 07.07.2025) // СЗ РФ.

РФ) без дополнительной аргументации относительно указания на конкретные обстоятельства, противоречащие закону, правопорядку, в случаях, когда при оценке содержания условий договора судье было очевидно, что занижена цена договора, или был очевиден факт сговора сторон договора против других контрагентов соглашения (*ex post* судебный контроль).

В настоящий период такой подход может быть применён, когда других механизмов восстановить нарушение имущественного баланса сторон законодателем не предусмотрено. Можно встретить сочетание таких норм на практике, например в правоотношениях лизинга, когда одна из сторон на основании условий договора приобретает более выгодное имущественное положение при расторжении договора, чем она бы имела при надлежащем исполнении договорных обязательств¹. Если несправедливое условие не будет влиять на надлежащее исполнение обязательств и достижение сторонами желаемого правового результата, то можно говорить, что признание только несправедливого условия недействительным, а не всего соглашения на основании норм о недействительности сделки, на наш взгляд, оздоравливает соглашение [1], и можно говорить ещё об одном способе конвалидации сделки.

В зависимости от специфики сферы и области возникновения договорных отношений признание условий несправедливыми могут иметь свои особенности.

Разберём подробнее некоторые аспекты оценки условий договора как несправедливых или как иных условий, нарушающих баланс имущественных интересов сторон.

Несправедливые условия и иные условия, нарушающие баланс имущественных интересов сторон

«Несправедливые» условия в практике также обозначаются как «недобросовест-

1994. № 32. Ст. 3301.

¹ Пункт 28 «Обзора судебной практики по спорам, связанным с договором финансовой аренды (лизинга)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.10.2021) // СПС Консультант Плюс.

ные», «обременительные» [4, с. 18], «ухудшающие» и «недопустимые». Источником такого разнообразия служит отсутствие единого понимания дефиниции «несправедливые условия». В пленуме Высшего арбитражного суда несправедливые условия трактуются как синоним обременительных условий. В догме права обосновывается наличие недобросовестного поведения контрагента, иницилирующего подобные условия для собственного правового превосходства, следовательно, такие условия называются *недобросовестные*. Всё же отмечается не тождественность понятий «недобросовестность» и «несправедливость», т. к. первое относят к поведению контрагентов, а второе – к оценке самого происходящего [5].

В Законе «О защите прав потребителей»² говорится о недопустимых условиях, но упор сделан на ущемлении прав потребителя. Закон прямо перечисляет недопустимые условия, а последние изменения³ устанавливают запреты на действия продавца навязывать дополнительные товары, работы и услуги в условиях договора без выражения на это воли потребителя (недопустимые условия).

Современное реформированное гражданское законодательство внедрило в нормы права критерии оценки условий договора для признания их несправедливыми⁴. Правоприменитель резюмировал основания, по которым необходимо исследовать условия договора, оценивая уровень возможности соблюдения баланса имущественных интересов сторон, к которым будут относиться «явно обременительные для её контрагента и существенным образом нарушающие баланс интересов сторон

² Закон Российской Федерации от 07.02.1992 г. № 2300-1 (в ред. 07.07. 2025) «О защите прав потребителей». Ст. 16 // РГ РФ. 1992. 7 апр.

³ Федеральный закон от 07.04.2025 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в статью 16 Закона Российской Федерации "О защите прав потребителей"» // СПС Консультант Плюс.

⁴ Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

(несправедливые договорные условия)», а «контрагент был поставлен в положение, затрудняющее согласование иного содержания отдельных условий договора (т. е. оказался слабой стороной договора)»¹.

Исследователи помимо обременительного характера и невозможности участия в формировании условия указывают дополнительный признак невыгодности таких условий для одной из сторон, приводящий к чрезмерному дисбалансу имущественного положения сторон [6, с. 134], причиняющего вред другой стороне [7, с. 65].

Обобщаются вопросы, относительного характера которых возникают условия, влекущие дисбаланс сторон, к ним относятся: ущемление в правах контрагента договора (например, односторонний отказ от договора или одностороннее изменение условий договора); наложение дополнительных обязанностей, не свойственных существу договорных отношений; завышение (занижение) цены соглашения или манипуляции с объёмом ответственности (необоснованное увеличение, уменьшение или освобождение от ответственности); затруднение изменений условий и пр. [8, с. 145]; досрочное исполнение обязательств с согласия кредитора и с дополнительным денежным возмещением (кредитные отношения); заведомо нереальные сроки исполнения обязательств [9, с. 246].

Один из механизмов борьбы с несправедливыми условиями содержится в ст. 428 ГК РФ, когда сторона, которая не могла участвовать в формировании условий и присоединилась к несправедливым условиям, имеет право признать их таковыми в судебном порядке. Проблема применения этой нормы: достаточно ли только факта присоединения, без участия в переговорах, или необходимо наличие также факта установления более слабого положения стороны по отношению к стороне, формировавшей условия договора, когда сторона была вынуждена заключить данный договор путём присоединения и у неё не было воз-

можностей заключить договор с другими. Например, получение кредита на развитие бизнеса. Будут ли считаться заключение договора с несправедливыми условиями и их оспаривание слабой стороной, если бизнесмен мог заключить кредитный договор с другим банком?

Правоприменительная практика указывает на пороки условий типового договора, который формирует одна из сторон в предпринимательских отношениях. Впоследствии такие условия признаются несправедливыми при установлении в судебном порядке нарушения имущественного баланса интересов и тем самым злоупотребления такой стороной в виде заведомого получения имущественных благ, которые ему не причитались бы при надлежащем исполнении договора, а вторая сторона не имела возможности выразить свою волю при формировании условий договора².

Несправедливые условия в договорных отношениях с гражданами

В правоотношениях с гражданами-потребителями несправедливым условиям свойственны свои характерные черты. Условия договора, ограничивающие права потребителя и ущемляющие его интересы, рассматриваются как несправедливые и признаются недействительными³. Например, уменьшение гарантийного срока, минимальный срок которого установлен законом⁴, ущемляет права потребителя⁵.

² Обзор судебной практики по спорам, связанным с договором финансовой аренды (лизинга), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.10.2021. Пункт 28 // СПС Консультант Плюс.

³ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей» // СПС Консультант Плюс.

⁴ Федеральный закон от 30.12.2004 г. № 214-ФЗ (в ред. от 24.06.2025 г.) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 1 (Ч. I). Ст. 40.

⁵ Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.10.2024). П. 4 // СПС Консультант Плюс.

¹ Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и её пределах» // СПС Консультант Плюс.

Конституционный Суд РФ¹ высказал позицию и охарактеризовал добросовестное поведение стороны, формирующей условия договора с потребителем (гражданином) услуг связи, интернета и телевидения. Сторона, осуществляющая предпринимательскую деятельность в отношениях с потребителями, не должна исполнять свои обязанности по информированию граждан-потребителей для видимости, в частности, таким образом, когда у потребителя, при отсутствии соответствующей информации могут сложиться ложные представления о предстоящих правоотношениях. На волю потребителя могут повлиять: невозможность ознакомиться с содержанием условий из-за мелкого шрифта или указание условий на оборотной стороне соглашения; разведение информации для потребителя, необходимой для формирования его воли, в разных дополнительных соглашениях к договору; предоставление за потребителя галочек в подготовленных формах соглашения и т. п.

Конституционный Суд РФ установил дополнительные основания признания недобросовестного поведения управляющих организаций по отношению к жителям многоквартирных домов (далее МКД) при взимании платы за услуги связи, телевидения, интернета: в платёжном документе плата за дополнительные услуги должна быть представлена отдельно от коммунальных платежей и других платежей обслуживания общего имущества МКД.

Организации связи должны иметь доказательства своего добросовестного поведения в доведении информации до потребителя. Оно может выражаться: в размещении соглашения об услугах связи в общедоступных местах МКД, отправлении соглашения на электронную почту каждому жителю МКД и т. п. Надлежащие действия при формировании условий договора с потребителями – соответствующим

образом информирование, открытое донесение информации до потребителя – будут свидетельствовать о добросовестном поведении со стороны лица, оказывающего услуги и, соответственно, отсутствии обременяющих условий для потребителя, т. к. при соответствующем информировании потребитель может выразить несогласие в пользовании услугами и отказаться от них.

Стоит отметить, что для признания условия несправедливым в договорных отношениях с потребителем важной стадией является действие до заключения договора, т. е. до установления гражданских прав и обязанностей [10, с. 79].

Несправедливые условия признаются ничтожными, вне зависимости от заявления потребителя о признании их таковыми², например, не допускается запрет на замену выгодоприобретателя в части неисполненного обязательства по выплате страхового возмещения, установленного в договоре страхования имущества гражданина-потребителя³.

Могут быть и другие последствия несправедливых условий договора с потребителем-гражданином, например, изменение и расторжение договора на основании п. 2 ст. 428 ГК РФ. На такие обстоятельства указывает Верховный Суд относительно договорных конструкций добровольного страхования имущества граждан⁴.

Иные последствия защиты ущемлённой стороны могут выражаться в толковании договора в пользу стороны, не участвовавшей в формировании условий – *contra proferentem*⁵, или толкование условий та-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2024 № 34-П «По делу о проверке конституционности статей 426, 428 и 438 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. А. Яша» // СПС Консультант Плюс.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 № 19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества». Пункт 17 // СПС Консультант Плюс.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 № 19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества». Пункт 25 // СПС Консультант Плюс.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 № 19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества». Пункт 12 // СПС Консультант Плюс.

⁵ Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и её пределах». Пункт 11 // СПС Консультант Плюс.

ким образом, чтобы не давать другой стороне извлекать преимущество из её недобросовестного и незаконного поведения¹.

Несправедливые условия в публичных договорах

В публичных договорах судебной практикой установлена ничтожность условий соглашения, ухудшающих положение потребителей. И стоит отметить, в публичных соглашениях потребителем может быть не только гражданин, использующий товары, работы и услуги для личных целей, но и юридическое лицо, индивидуальный предприниматель, например, при оказании услуг универсальной связи (пп. 30 ст. 2, ст. 44 Федерального закона № 126-ФЗ «О связи»)². Под ухудшающими условиями понимаются те условия, которые не учитывают, умаляют установленные законом права потребителей, когда контрагент не имел возможности принимать участие в формировании такого условия.

Заключение

Различное наименование условий, нарушающих баланс сторон, по сути, ведут к единым правовым последствиям и указывают на преимущество стороны, предлагающей условие договора, и ущемление правовой позиции другой стороны, чем нарушают имущественный баланс сторон

и дают возможность ущемлённой стороне защитить себя средствами, имеющимися в законодательстве.

Условия соглашений в предпринимательских отношениях, которые дают больше правовых преимуществ, чем сторона могла бы рассчитывать при обычном течении существования обязательства, признаются несправедливыми. Слабая позиция в договорном отношении может быть не только у потребителя-гражданина, но и у потребителя – юридического лица (индивидуального предпринимателя) в публичных договорах.

Для признания условия несправедливым в договорных отношениях с потребителем важной стадией являются действия до заключения договора, до установления гражданских прав и обязанностей, которые должны быть добросовестными.

Прослеживается строгий подход законодателя к стороне, которая формирует условия для договора присоединения или иных договорных отношений, где контрагент был лишён возможности принимать участие в формировании условий, под угрозой их оспаривания или одностороннего изменения или расторжения договора, что является превентивной мерой от злоупотреблений относительно лица, не имеющего возможности выразить свою волю путём обсуждения условий соглашения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фаст О. Ф. Оздоровление сделок с пороками их совершения // Московский юридический журнал. 2024. № 3. С. 62–69. DOI: 10.18384/2949-513X-2024-3-62-69
2. Саввин А. О. Свобода договора в Российской Федерации: правовые аспекты и проблемы // Интерактивные науки. 2023. № 9. С. 96–97. DOI: 10.21661/Г-561141
3. Будылин С. Реформа французского ГК: Сводка ключевых новелл [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3Pqfgk> (дата обращения: 15.12.2024).
4. Баскаков К. И. Проблемы недействительности отдельных условий договора в контексте защиты слабой стороны гражданского правоотношения // Отечественная юриспруденция. 2021. № 3. С. 18–21.
5. Корецкий Д. А. Проблемы разграничения категорий «справедливость» и «добросовестность» в гражданском праве // Конституционно-правовое регулирование общественных отношений: теория, методология, практика / под ред. О. А. Ашуркова и др. Воронеж, 2018. С. 392–396.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора». Пункт 43 // СПС Консультант Плюс.

² Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) «О связи» // СЗРФ. 2003. № 28. Ст. 2895.

6. Тужилова-Орданская Е. М., Федулina Е. В. Несправедливые договорные условия в гражданском праве России и зарубежных стран // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 130–135.
7. Горупа Т. А., Чугунова Т. И., Шалаева Т. З. Законодательство о защите прав потребителей государств постсоветского пространства: компаративное исследование // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2024. Т. 21. № 3. С. 59–69. DOI: 10.24147/1990-5173.2024.21(3)
8. Корецкий Д. А. Несправедливые условия в доктрине и их проявление в лицензионных соглашениях // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 142–148. DOI: 10.22394/2074-7306-2022-1-1-142-148
9. Качалин А. П. Проблемы защиты предпринимателя как слабой стороны договора от навязывания несправедливых договорных условий // Аграрное и земельное право. 2024. № 4. С. 245–247.
10. Прохорко Т. Н. Недобросовестное поведение при ведении переговоров при заключении договора // Exjure. 2022. № 4. С. 77–89. DOI: 10.17072/2619-0648-2022-4-77-89

REFERENCES

1. Fast, O. F. (2024). Improvement of Transactions with the Defects on Their Commission. In: *Moscow Juridical Journal*, 3, 62–69. DOI: 10.18384/2949-513X-2024-3-62-69 (in Russ.).
2. Savvin, A. O. (2023). Freedom of Contract in the Russian Federation: Legal Aspects and Problems. In: *Interactive Science*, 9, 96–97. DOI: 10.21661/I-561141 (in Russ.).
3. Budylin, S. *Reform of the French Civil Code: Summary of Key Short Stories*. URL: <https://clck.ru/3Pqfgk> (accessed: 15.12.2024) (in Russ.).
4. Baskakov, K. I. (2021). Problems of Invalidity of Certain Terms of the Contract in the Context of Protecting the Weak Side of Civil Law. In: *Legal Science*, 3, 18–21 (in Russ.).
5. Koretsky, D. A. (2018). Problems of Delimitation of the Categories “Justice” and “Integrity” in Civil Law. In: Ashurkov, O. A. et. al, eds. *Constitutional and Legal Regulation of Public Relations: Theory, Methodology, Practice*. Voronezh, pp. 392–396 (in Russ.).
6. Tuzhilova-Ordanskaya, E. M. & Fedulina, E. V. (2020). Unfair Contractual Conditions in Civil Law of Russia and Foreign Countries. In: *Juridical Journal of Samara University*, 6-1, 130–135 (in Russ.).
7. Gorupa, T. A., Chugunova, T. I. & Shalaeva, T. Z. (2024). Legislation on Consumers’ Rights Protection of the States of the Post-Soviet Space: Comparative Research. In: *Herald of Omsk University. Series: Law*, 21-3, 59–69. DOI: 10.24147/1990-5173.2024.21(3) (in Russ.).
8. Koretsky, D. A. (2022). Unfair Conditions in the Doctrine and Their Manifestation in Licensing Agreements. In: *North Caucasus Legal Vestnik*, 1, 142–148. DOI: 10.22394/2074-7306-2022-1-1-142-148 (in Russ.).
9. Kachalin, A. P. (2024). Issues in Protection of Entrepreneurs as a Weak Party to the contract from Imposing Unfair Contractual Conditions. In: *Agrarian and Land Law*, 4, 245–247 (in Russ.).
10. Prokhorko, T. N. (2022). Unfair Conduct in Negotiating a Contract. In: *Exjure*, 4, 77–89. DOI: 10.17072/2619-0648-2022-4-77-89 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фаст Ольга Фёдоровна (г. Москва) – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и гражданского права Государственного университета просвещения;
e-mail: fastolga@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5799-0138

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga F. Fast (Moscow) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Constitutional and Civil Law, Federal State Educational Institution;
e-mail: fastolga@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5799-0138

Научная статья

УДК 343

DOI: 10.18384/2949-513X-2025-1-74-82

О ВОЗМОЖНОСТЯХ И ПЕРСПЕКТИВАХ СОЗДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ БОРЬБЫ С СОВРЕМЕННОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ

Зарубина К. А.*, **Чапчиков С. Ю.**

¹Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: kris1996z@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2725-6906

Поступила в редакцию 28.12.2024

После доработки 20.01.2025

Принята к публикации 17.02.2025

Аннотация

Цель. Анализ современной международной системы противодействия профессиональной киберпреступности и разработка предложений по её модернизации с учётом угроз и вызовов современности.

Процедура и методы. В работе использовались сравнительно-правовой, исторический и системный методы, а также методы анализа, синтеза и обобщения.

Результаты. Определено, что профессиональная киберпреступность сегодня представляет реальную угрозу для безопасности государства и характеризуется трансграничностью, что обуславливает консолидацию усилий всего международного сообщества для противодействия этому опасному явлению. Установлены риски противодействия таким преступлениям, предложены меры по совершенствованию данной системы с учётом имеющегося опыта международного сотрудничества в этой сфере.

Теоретическая и/или практическая значимость. Сформулированы конкретные предложения по модернизации системы мер противодействия профессиональной киберпреступности. Обобщён новый теоретический материал по исследуемой теме.

Ключевые слова: киберпреступность, международная система, мировое сообщество, противодействие, профессиональная киберпреступность.

Благодарности. Исследование подготовлено в рамках выполнения госзадания «Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности» (FENM-2025-0010). Регистрационный номер 1024031900131-7-5.5.1.

Для цитирования:

Зарубина К. А., Чапчиков С. Ю. О возможностях и перспективах создания международной системы борьбы с современной профессиональной киберпреступностью // Московский юридический журнал. 2025. № 1. С. 74–82. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-1-74-82>.

Original research article

ON THE POSSIBILITIES AND PROSPECTS OF CREATING AN INTERNATIONAL FRAMEWORK AGAINST MODERN PROFESSIONAL CYBERCRIME

K. Zarubina*, S. Chapchikov

South-West State University, Kursk, Russian Federation

**Corresponding author, e-mail: kris1996z@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2725-6906*

Received by the editorial office 28.12.2024

Revised by the author 20.01.2025

Accepted for publication 17.02.2025

Abstract

Aim. To analyze both modern international framework against professional cybercrime and the development of proposals for its modernization, considering modern threats and challenges.

Methodology. Comparative, legal, historical, and systematic methods, analysis, synthesis, and generalization were used in the work.

Results. It is determined that professional cybercrime today poses a real threat to the interests of society and the state and is characterized by cross-border activity, which leads to the consolidation of efforts by the entire international community to counter this criminal phenomenon. Despite certain risks, measures have been proposed to counter such crimes, considering the existing experience of international cooperation in this area.

Research implications. Proposals have been formulated to modernize the framework against professional cybercrime. At the theoretical level, the new material on the topic under study has been summarized.

Keywords: cybercrime, international system, global community, counteraction, professional cybercrime

Acknowledgements. was prepared within the framework of the implementation of state assignment "Legal Measures to Ensure Strategic Priorities to Counter Threats to National Security" (FENM-2025-0010). Registration number 1024031900131-7-5.5.1.

For citation:

Zarubina, K.A. & Chapchikov, S. Yu. (2025). On The Possibilities and Prospects of Creating an International Framework Against Modern Professional Cybercrime. In: *Moscow Juridical Journal*, 1, C. 74–82. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-1-74-82>.

Введение

Современная виртуальная среда развивается чрезвычайно высокими темпами. В киберпространство в настоящее время переместилась большая часть денежных транзакций, наличные денежные средства постепенно выходят из оборота, а безналичные, напротив, всё активнее используются как юридическими, так и физическими лицами. Цифровая среда сегодня позволяет удалённо оплатить товары и услуги, перевести денежные средства на счёт другого пользователя практически любого онлайн-сервиса, заказать достав-

ку продуктов питания, получить заработную плату и мн. др. Согласно последним статистическим данным, представленным Центральным банком РФ, доля безналичных платежей в розничном обороте в России по итогам 2024 г. составила 85,8%, а на 1 апреля 2025 г. в системе быстрых платежей было совершено 28,7 млрд операций на 143,3 трлн рублей¹. Как видим, большая часть населения страны ввиду удобства предпочитает использовать именно без-

¹ Национальная платёжная система обеспечивает безналичные расчёты и платежи граждан и юридических лиц // Банк России: [сайт]. URL: <https://www.cbr.ru/PSystem> (дата обращения: 10.10.2024).

наличные денежные средства, ставшие неотъемлемой частью современной национальной платёжной системы.

Профессиональная киберпреступность сегодня

Однако перемещение платёжных операций в «виртуальное» пространство создаёт определённые риски для граждан ввиду недостаточно высокой степени защищённости экономических отношений в киберсреде, в то время как преступники (особенно преступники-профессионалы, имеющие необходимые криминальные умения и навыки, а также цель «заработка» на совершении преступлений) получают дополнительные возможности для ведения преступной деятельности в киберпространстве или с использованием кибертехнологий. На высокую степень опасности современной корыстной профессиональной киберпреступности как разновидности преступной деятельности, осуществляемой в киберпространстве и характеризующейся наличием у преступников соответствующих криминальных знаний, умений, навыков, специализации и восприятия ими совершения преступлений как средства для получения постоянного дохода, указывает множество обстоятельств, что находит своё непосредственное отражение в отечественных документах стратегического планирования.

В Доктрине информационной безопасности РФ¹ устанавливается, что к современным информационным угрозам России относится использование трансграничного оборота информации для достижения криминальных целей в ущерб стратегической стабильности. В п. 14 данного нормативного правового акта определяется, что в настоящее время в Российском государстве возрастают масштабы компьютерной преступности, в первую очередь в кредитно-финансовой сфере, а методы и средства

совершения таких преступных посягательств становятся всё изощрённее².

Стратегия национальной безопасности РФ³ также определяет, что «быстрое развитие информационно-коммуникационных технологий сопровождается повышением вероятности возникновения угроз безопасности граждан, общества и государства», уточняя, что совершение преступлений с использованием таких технологий характеризуется в современности высокой анонимностью, что создаёт дополнительные угрозы национальной безопасности страны, а также благосостоянию её граждан, в т. ч. в сфере цифровой экономики (п. 57).

Развитие современного отечественного законодательства в сфере противодействия киберпреступности, всё чаще характеризующейся криминальным профессионализмом, также указывает на высокие темпы развития данного криминального явления и значительную опасность такой преступной деятельности для граждан, общества и государства. В качестве примера укажем на принятие Федерального закона № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴, в котором устанавливаются организацион-

¹ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 10.10.2024).

² Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 10.10.2024).

³ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 10.04.2024).

⁴ Федеральный закон 01.04.2025 № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от [Электронный документ]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51783> (дата обращения: 10.10.2024).

но-правовые механизмы противодействия правонарушениям с использованием интернет-технологий, в т. ч. преступным посягательствам интернет-мошенников, чья деятельность в настоящее время характеризуется исходя из специфики их криминального поведения именно как профессиональная преступная.

Как видим, и документы стратегического планирования, и законодательные новеллы в сопряжении с материалами современной судебной практики¹ указывают на особую распространённость в настоящее время не просто киберпреступности, а «промысла» профессиональных преступников, «орудующих» в киберпространстве или с использованием кибертехнологий [7, с. 53–56]. Однако указанная разновидность преступности является сложным криминальным явлением, отличающимся не только динамичностью развития, постоянным совершенствованием форм и методов преступной деятельности, её высокой интеллектуальностью, технологичностью, анонимностью и латентностью, но и трансграничностью [2, с. 56–64].

Главной особенностью цифрового пространства, в котором «промышляют» такие преступники, как раз и является отсутствие государственных границ, зачастую, скрывающих деятельность «традиционных» правонарушителей. Киберпространство существует вне территорий государств и позволяет совершать преступления, находясь на значительном удалении от жертвы преступления – в другом регионе, стране или даже континенте. Как справедливо отмечают К. Н. Евдокимов и К. В. Хобонкова, «киберпреступники, являясь частью технического “андеграунда” мирового сообщества, не разделяют себя по национальному признаку» и распространяют свою криминальную «активность» на разные

регионы [3, с. 90–95], что также повышает степень опасности преступной деятельности такого рода.

В качестве примера укажем на деятельность так называемых мошеннических телефонных колл-центров, «атакующих» россиян звонками, сообщениями и вирусными программами с территории Украины. По утверждению депутата Государственной Думы РФ А. И. Немкина, за день из каждого такого колл-центра совершается до 10 тыс. звонков, что подвергает российских граждан и их сбережения реальной опасности². Однако трансграничность подобного рода преступной деятельности, имеющей все признаки проявления криминального профессионализма (от наличия преступной специализации до извлечения постоянного дохода от совершения данных посягательств), значительно осложняет процесс противодействия такого рода преступной деятельности и обуславливает необходимость разработки мер пресечения совершения таких преступлений не только на уровне отдельно взятого государства, но и на наднациональном уровне.

Правовая регламентация противодействия профессиональной киберпреступности на международном уровне

Усилиями отдельных государств, по верному утверждению современных исследователей, уже неоднократно предпринимались попытки разработки и принятия универсального нормативно-правового акта, положения которого позволяли бы организовывать противодействие как профессиональной, так и «традиционной» киберпреступности, в т. ч. за счёт международного сотрудничества [4, с. 305–310]. Так, Конвенцией о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185³

¹ См.: Приговор № 1-352/2014 от 08.08.2014 (Самарская область) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tiO9I4eFimQW> (дата обращения: 27.07.2024); Приговор № 1-617/2023 от 05.09.2023 по делу № 1-617/2023, С. городской суд (Республика Коми) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/e82eh3iuUxbK> (дата обращения: 27.09.2024).

² В ГД рассказали о мошеннических украинских колл-центрах, атакующих россиян // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20240706/ukraina-1957808640.html> (дата обращения: 10.10.2024).

³ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября

(Будапешт), ратифицированной государствами-членами Совета Европы и некоторыми иными странами, предусматривается, к примеру, выполнение каждой стороной обязательства о принятии законодательных и иных мер, необходимых для того, чтобы квалифицировать в качестве преступления, согласно её внутригосударственному праву, любое вмешательство в функционирование компьютерной системы с мошенническим или бесчестным намерением неправомерного извлечения экономической выгоды для себя или для иного лица (ст. 8).

Особо в сфере организационно-правового противодействия киберпреступности на наднациональном уровне выделяется Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности¹, в котором унифицировано понятие *information crime* (информационное преступление), а в качестве основных направлений сотрудничества государств определены противодействие информационной преступности, совершенствование международно-правовой базы и практических механизмов взаимодействия сторон в обеспечении международной информационной безопасности, создание условий для взаимодействия национальных компетентных органов в целях реализации данного соглашения и др. Указанное соглашение Российской Федерацией не ратифицировано.

Среди международных нормативных правовых актов также выделим Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий².

2001 г.) // Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/4089723> (дата обращения: 10.10.2024).

¹ Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 16.06.2009 (Шанхай) [Электронный ресурс]. URL: <https://cis-legislation.com/document.fwx?rgn=28340> (дата обращения: 10.10.2024).

² Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий от 28.09.2018 (ратифицировано Федеральным законом от 01.07.2021 № 237-ФЗ) [Электронный ре-

сурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/351210645?marker=7DSOKD> (дата обращения: 10.10.2024).

Данным нормативным правовым актом стороны признают в соответствии с национальным законодательством в качестве уголовно наказуемых такие деяния, как «хищение имущества путём изменения информации, обрабатываемой в компьютерной системе, хранящейся на машинных носителях или передаваемой по сетям передачи данных, либо путём введения в компьютерную систему ложной информации, либо сопряжённое с несанкционированным доступом к охраняемой законом компьютерной информации». Среди форм международного сотрудничества определены: обмен информацией, исполнение соответствующих запросов по предупреждению, выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию таких преступлений, планирование и проведение скоординированных мероприятий и операций по предупреждению, выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений в сфере информационных технологий и другие формы.

Кроме того, укажем на одну из последних законодательных новелл, регулирующих отношения в данной сфере, – Конвенцию Организации Объединённых Наций против киберпреступности³ (Конвенция ООН), разработанную по инициативе России [5, с. 65–69] и принятую резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеей (церемония подписания Конвенции ООН была проведена в Социалистической Республике Вьетнам в 2025 г.). Конвенция нацелена на борьбу с киберхищениями, кибермошенничествами, отмыванием доходов от противоправных деяний в «виртуальном пространстве». В документе также содержатся положения о закреплении

сурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/351210645?marker=7DSOKD> (дата обращения: 10.10.2024).

³ Конвенция Организации Объединённых Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определёнными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьёзным преступлениям [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243> (дата обращения: 10.10.2024).

цифрового суверенитета государств над своим информационным пространством, определены направления международного взаимодействия между компетентными ведомствами в данной области.

Безусловно, рассмотренные выше и иные попытки правовой регламентации системы отношений по противодействию киберпреступности, предпринимаемые усилиями международного сообщества, направлены на борьбу с её разными проявлениями (от кибертерроризма до профессиональных киберхищений). Однако комплексно проблема борьбы с профессиональными киберпреступниками по-прежнему не решена. Указанные международные соглашения, во-первых, ратифицированы не всеми государствами, во-вторых, охватывают не все аспекты противодействия именно профессиональной киберпреступности как одному из наиболее опасных видов преступной деятельности такого рода. И, в-третьих, данные организационно-правовые механизмы не в полной мере отвечают высокотехнологичному «оснащению» профессионального мира киберпреступников, зачастую, опережающего темпы научно-технического прогресса в цифровой сфере. Вместе с этим, считаем, что решение данной проблемы должно быть предложено и разработано именно на международном уровне, поскольку профессиональная киберпреступность является современной криминальной угрозой для всего мирового сообщества.

Полагаем, что помимо ратификации большей частью государств Конвенции ООН против киберпреступности, направленной на противодействие киберпреступности в целом и профессиональной киберпреступности в частности, на международном уровне для решения обозначенной проблемы также необходимо разработать следующие вопросы:

– обязать поставщиков серверов и услуг своевременно и в полном объёме уведомлять соответствующие национальные органы государственной власти и их структуры обо всех уязвимых местах ки-

берпространства, а также принимать эффективные меры по их устранению, собирать и хранить до востребования в целях обеспечения международной кибербезопасности персональные данные о пользователях с их предварительным обязательным уведомлением;

– запретить передачу персональных данных пользователей третьим лицам, их раскрытие, изменение или удаление, за исключением предоставления необходимой информации уполномоченным органам государственной власти, которые занимаются охраной кибербезопасности страны;

– установить обязательную верификацию пользователей для доступа к сети Интернет;

– ускорить работу по согласованию национально-правовых систем в вопросе выработки единых международных стандартов криминализации профессиональных киберпреступлений;

– регламентировать процедурные аспекты борьбы с профессиональной киберпреступностью, в частности, уточнить вопросы территориальной подсудности при проведении расследований таких преступлений, осуществления следственных действий в отношении иностранных граждан, являющихся потерпевшими, свидетелями, обвиняемыми по таким составам преступлений, проведения соответствующих криминалистических экспертиз и т. п.;

– создать в рамках международного сотрудничества единую базу обмена информацией между интернет-провайдерами, операторами сотовой связи и соответствующими правоохранительными органами государств в целях оперативного фиксирования «цифровых следов» преступлений, обнаружения и идентификации профессиональных киберпреступников и пресечения их общественно опасной деятельности в условиях трансграничности указанного вида преступности.

Указанный перечень мер может быть расширен и более детально разработан с учётом меняющихся цифровых вызовов современности и новых угроз, создаваемых криминальным сообществом

киберпрофессионалов. Однако при всём положительном эффекте создания коллективной системы противодействия профессиональной киберпреступности к разработке подобного рода международных организационно-правовых механизмов стоит подходить осторожно, поскольку в данном случае, по верному утверждению отдельных исследователей, в угоду защиты кибербезопасности мирового сообщества могут быть нарушены принципы обеспечения национальной безопасности и суверенности отдельно взятых государств [6, с. 28–41]. В качестве примера укажем на п. «b» ст. 32 Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации ЕТС № 185 (Будапешт), в котором, по справедливому утверждению О. И. Лепёшкиной, создаётся правовая возможность для нарушения суверенитета государств-участников посредством закрепления положения о возможности трансграничного доступа к компьютерным данным, хранящимся в другом государстве, без его согласия [7, с. 82–91]. Ввиду этого Российская Федерация, подписав данный НПА, была вынуждена отозвать подпись в связи с имеющимися разногласиями относительно указанных условий [8, с. 60–71; 9, с. 83–89]. Кроме того, определённые опасения вызывает современная международная политическая риторика, препятствующая «нормальному» диалогу государств в решении общих для мирового сообщества проблем, в числе которых и противостояние трансграничным криминальным угрозам, таким как профессиональная киберпреступность.

Однако, соглашаясь с мнением А. А. Цримова, отметим, что для формирования действительно эффективной системы противодействия киберпреступности в целом и её разновидности профессиональной киберпреступности в частности необходимо реализовать соответствующие меры борьбы с данным криминальным явлением по нескольким направлениям: совершенствование правовой базы, технических мер, организационной работы уполномоченных структур, а также в общем

международного сотрудничества в рассматриваемой сфере [10, с. 146–150]. При этом гармонизация национально-правовых систем в области борьбы с киберпреступностью (в т. ч. и профессиональной) является необходимым условием противодействия таким преступлениям [11, с. 317–322].

Заключение

Таким образом, процесс сдерживания профессиональной киберпреступности имеет сложный и дискретный характер, как ввиду специфики криминальной деятельности такого рода, так и вследствие влияния общей международной обстановки и новых для обеспечения национальной безопасности государств вызовов, создающих дополнительные риски. Между тем трансграничность профессиональной киберпреступности как важнейшая характеристика указанного вида преступной деятельности в условиях современности обуславливает разработку и принятие на международном уровне программных, стратегических актов правового регулирования соответствующего круга отношений.

Несмотря на то, что ООН в данном вопросе (посредством разработки и рассмотрения в декабре 2024 г. Конвенции по борьбе с киберпреступностью) возьмёт на себя координирующую роль, проблема противодействия именно профессиональной криминальной деятельности киберпреступников по-прежнему актуальна. Вследствие этого полагаем, что для решения обозначенной проблемы необходимы не только ратификация Конвенции ООН большинством современных государств, но и дальнейшее международное сотрудничество в данной отрасли.

С целью решения указанной проблемы предложено:

- 1) усилить взаимодействие между поставщиками серверов и услуг и уполномоченными национальными органами государственной власти (в т. ч. создать в рамках международного сотрудничества единую базу обмена информацией между интернет-провайдерами, операторами со-

товой связи и соответствующими уполномоченными правоохранительными органами); запретить передачу персональных данных пользователей третьим лицам, их раскрытие, изменение или удаление;

2) установить обязательную верификацию пользователей для доступа к сети Интернет;

3) ускорить работу по согласованию национально-правовых систем в вопросе вы-

работки единых международных стандартов криминализации профессиональных киберпреступлений;

4) уточнить вопросы территориальной подсудности при проведении расследований профессиональных киберпреступлений, имеющих признаки трансграничности, осуществлении соответствующих следственных действий и криминалистических экспертиз.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аккаева Х. А. Киберпреступления: криминологический анализ // *Право и управление*. 2025. № 1. С. 317–322.
2. Астахова Е. А. Перспективы противодействия использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2025. № 1. С. 56–64.
3. Горелик И. Б. Роль международных организаций в процессе противодействия киберпреступности // *Международное право*. 2022. № 3. С. 28–41.
4. Горелик И. Б. Формирование международно-правовой системы противодействия киберпреступности: от терминологии до проекта универсальной конвенции // *Международное право*. 2022. № 4. С. 60–71.
5. Евдокимов К. Н., Хобонкова К. В. К проблеме совершенствования международного сотрудничества в сфере противодействия киберпреступности // *Сибирский юридический вестник*. 2022. № 3. С. 90–95.
6. Кобец П. Н. Совершенствование межгосударственного сотрудничества в сфере информационной безопасности: основа противодействия международной киберпреступности // *Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина*. 2023. № 1. С. 83–89.
7. Лакомов А. С. Киберпреступность: современные тенденции // *Академическая мысль*. 2019. № 2. С. 53–56.
8. Лепешкина О. И. Киберпреступность как угроза национальной безопасности // *Теоретическая и прикладная юриспруденция*. 2022. № 2. С. 65–69.
9. Лепешкина О. И. Международное сотрудничество государств СНГ по противодействию киберпреступности // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2023. Т. 17. № 4. С. 82–91.
10. Цримов А. А. Отражение киберпреступлений в российском и международном правовом поле // *Право и управление*. 2023. № 2. С. 146–150.
11. Шестак В. А., Чеботарь А. С. Будапештская конвенция как основополагающий механизм противодействия киберпреступности: новации и перспективы международно-правового регулирования // *Образование и право*. 2023. № 8. С. 305–310.

REFERENCES

1. Akkaeva, H. A. (2025). Cybercrime: Criminological Analysis. In: *Law and Management*, 1, 317–322 (in Russ.).
2. Astakhova, E. A. (2025). Prospects to Counteract the Use of Information and Communication Technologies for Criminal Purposes. In: *Legal Policy and Legal Life*, 1, 56–64 (in Russ.).
3. Gorelik, I. B. (2022). The Role of International Organizations in Counteraction to Cybercrime. In: *International Law*, 3, 28–41 (in Russ.).
4. Gorelik, I. B. (2022). Formation of the International Legal System for Combating Cybercrime: From Terminology to a Universal Convention Draft. In: *International Law*, 4, 60–71 (in Russ.).
5. Evdokimov, K. N. & Khobonkova, K. V. (2022). On the Problem of Improving International Cooperation in Combating Cybercrime. In: *Siberian Law Herald*, 3, 90–95 (in Russ.).
6. Kobets, P. N. (2023). Improving Interstate Cooperation in Information Security: Basis to Combat International Cybercrime. In: *Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*, 1, 83–89 (in Russ.).

7. Lakomov, A. S. (2019). Cybercrime: Modern Trends. In: *Academic Thought*, 2, 53–56 (in Russ.).
8. Lepeshkina, O. I. (2022). Cybercrime as a Threat to National Security. In: *Theoretical and Applied Law*, 2, 65–69 (in Russ.).
9. Lepeshkina, O. I. (2023). International Cooperation of the CIS States in Combating Cybercrime. In: *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, 17-4, 82–91 (in Russ.).
10. Ttrimov, A. A. (2023). Cybercrime Reflections in the Russian and International Legal Field. In: *Law and Management*, 2, 146–150 (in Russ.).
11. Shestak, V. A. & Chebotar, A. S. (2023). The Budapest Convention as a Fundamental Mechanism to Combat Cybercrime: Innovations and Prospects for International Legal Regulation. In: *Education and Law*, 8, 305–310 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зарубина Кристина Александровна (г. Курск) – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юго-Западного государственного университета;

e-mail: kris1996z@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2725-6906;

Чапчиков Сергей Юрьевич (г. Курск) – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Юго-Западного государственного университета;

e-mail: tgpKSTU@yandex.ru; ORCID: 0009-0008-1785-1019

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kristina A. Zarubina (Kursk) – Cand. Sci. (History), Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, South-West State University;

e-mail: kris1996z@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2725-6906

Sergey Yu. Chapchikov (Kursk) – Dr. Sci. (Law), Prof., Department of Theory and History of State and Law, South-West State University;

e-mail: tgpKSTU@yandex.ru; ORCID: 0009-0008-1785-1019

Научная статья

УДК 343.222.1

DOI: 10.18384/2949-513X-2025-1-83-93

ЧЕТЫРЁХУРОВНЕВАЯ ГРАДАЦИЯ ВИНЫ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Кораблёва С. Ю.

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: sukorableva@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7071-3597

Поступила в редакцию 16.01.2025

После доработки 08.02.2025

Принята к публикации 26.02.2025

Аннотация

Цель. Обосновать нецелесообразность упрощения российской теории вины за счёт отказа от некоторых из её видов, в т. ч. по отношению к доминирующим в УК РФ формальным составам.

Процедура и методы. В основу исследования положен комплексный анализ уголовного законодательства, правоприменительной практики и концепций о критериях разделения вины на виды. Был использован статистический анализ, позволяющий оценить частоту указания на вид вины в приговорах по делам об убийствах и причинении смерти по неосторожности. Применён ценностный (аксиологический) подход для обоснования практического значения выделения косвенного умысла и легкомыслия.

Результаты. Обосновывается, что в науке уголовного права нецелесообразно ориентироваться на простые для квалификации случаи, даже если они составляют большинство дел. Задача науки – детальность в описании изучаемой проблемы, выделение всех возможных в реальности оттенков вины. Сделан вывод, что для удовлетворения потребностей правоприменительной практики в реализации теоретических конструкций гораздо более эффективным является не удаление «лишних» видов вины с переходом, по сути, к объективному вменению, а активное взаимодействие науки и практики, например, через институт *amicus curiae* («друзья суда»).

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложения и выводы, содержащиеся в данной статье, могут лечь в основу дальнейшего уточнения критериев разделения вины на виды, а также возможностей практического внедрения института *amicus curiae*.

Ключевые слова: административный подход, виды вины, косвенный умысел, легкомыслие, субъективное вменение, субъективные признаки, формы вины

Для цитирования:

Кораблёва С. Ю. Четырёхуровневая градация вины: уголовно-правовая доктрина и судебная практика // Московский юридический журнал. 2025. № 1. С. 83–93. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-1-83-93>.

Original research article

FOUR-LEVEL MENS REA SCALE: CRIMINAL LAW DOCTRINE AND JUDICIAL PRACTICE

S. Korableva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation
e-mail: sukorableva@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7071-3597

© CC BY Кораблёва С. Ю., 2025.

Received by the editorial office 16.01.2025

Revised by the author 08.02.2025

Accepted for publication 26.02.2025

Abstract

Aim. To justify inappropriateness of simplifying the Russian doctrine of fault elements by abandoning some of mens rea types, including in relation to the crimes where the consequences are not considered mandatory (formal compositions) that dominate the Criminal Code of the Russian Federation.

Methodology. The study is based on a comprehensive analysis of criminal legislation, judicial practice and concepts of the criteria for dividing mens rea into four types. Statistical analysis was used to assess the frequency of indicating the type of mental state in court verdicts handed down for homicide. An axiological approach was used to substantiate the need for the existence of dolus eventualis and recklessness.

Results. It is substantiated that in the theory of criminal law it is unacceptable to focus on easily understandable criminal acts, even if they constitute the majority of cases. The task of science is a detailed description of the issue under study, identifying all possible types of mens rea. It is concluded that for the courts to more easily use complex theoretical constructions to justify their decisions, it is much more effective not to remove “unnecessary” types of mens rea with a transition, in essence, to “punishment for consequences”, but to make science and practice actively interact through the amicus curiae.

Research implications. The proposals and conclusions contained in this article may form the basis for further clarification of the criteria for dividing mens rea, as well as the possibilities for the practical implementation of the amicus curiae institution.

Keywords: administrative approach, types of mens rea, dolus eventualis, recklessness, mens rea, fault elements, mental state

For citation:

Korableva, S. Yu. (2025). Four-Level Mens Rea Scale: Criminal Law Doctrine and Judicial Practice. In: *Moscow Juridical Journal*, C. 83–93. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-1-83-93>.

Введение

Законодатель в ст.ст. 25 и 26 УК РФ предлагает различать 4 вида вины: 2 вида умысла и 2 вида неосторожности. Однако никакие иные положения уголовного законодательства не свидетельствуют о необходимости четырёхуровневой градации. Форма вины (деление на умысел и неосторожность) служит отграничением преступных деяний от непроступных, а также влияет на категорию преступлений, определение рецидива, возможность отмены условного осуждения и т. д. В отличие от формы, вид вины с точки зрения законодателя в лучшем случае должен учитываться при индивидуализации наказания.

Анализ правоприменительной практики по делам об убийстве (где особенно различимы преступные деяния от заказного убийства до защиты от посягательства, и, как следствие, оттенки умысла) однозначно

свидетельствует, что правоприменительная практика не склонна уделять внимание разным видам умысла. Были проанализированы приговоры, вынесенные за 6 месяцев (январь–июнь) 2024 г. по ст. 105 УК РФ «Убийство» по первой инстанции районными судами РФ. Всего на сайтах судов удалось найти 3 022 решения; в выборку было включено 1 994 приговора (исключены постановления о применении принудительных мер медицинского характера и иные, где вопросы вины не поднимались по формальным причинам). Только в 3% из них упоминался косвенный умысел, причём в основном в контексте цитирования постановления Пленума Верховного Суда о невозможности покушения на убийство с косвенным умыслом. В остальных решениях вид вины не назывался (табл. 1).

Аналогичная ситуация имеет место и в отношении видов неосторожно-

сти. Всего на сайтах судов удалось найти 563 решения, вынесенных за 6 месяцев (январь–июнь) 2024 г. по ст. 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности» по первой инстанции районными судами РФ; в выборку было включено 112 приговоров (исключены постановления о примирении с потерпевшим и иные решения, где вопросы вины не поднимались по формальным причинам). Только в 5% из них констатировалось легкомыслие. В большинстве решений суд оперировал термином «небрежность» (табл. 1).

Верховный суд РФ также не ориентирует суды на работу с оттенками умысла и неосторожности. В своих постановлениях о судебной практике по конкретным уголовным делам Пленум избегает употребления терминов, связанных с видами вины. Например, косвенный умысел упоминается исключительно в п. 2 Постановления от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»¹, а виды неосторожности лишь в п. 84 Постановления от 18 мая 2023 г. № 11

Таблица 1 / Table 1

Виды умысла и неосторожности в судебных решениях / Types of intent and negligence in court verdicts

Ст. 105 УК РФ «Убийство»		Ст. 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности»	
Судом констатировался прямой умысел	246 приговоров (12%)	Судом констатировалось легкомыслие	5 приговоров (5%)
В приговоре упоминался косвенный умысел	64 приговора (3%)	Судом констатировалась небрежность	83 приговора (74%)
В т. ч. судом констатировался косвенный умысел	40 приговоров (2%)		
Вид вины в приговоре не раскрывался	1 684 приговора (85%)	Вид вины в приговоре не раскрывался	24 приговора (21%)
Итого:	1 994 приговора (100%)	Итого:	112 приговоров (100%)

Источник: составлено автором.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3. С. 2.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 7. С. 21.

вины?», на наш взгляд, необходимо искать не в области уголовного права, а в социологических исследованиях. Индивид размышляет в рамках определённого социального пространства, которое ориентирует и определяет его мысль [2, р. 674]. Как разъясняет в своём научном обзоре эту идею М. Л. Панарина: «Академический учёный изучает реальность через призму теорий, которых он придерживается; политик рассматривает действительность с точки зрения своих идеологических, партийных установок; эмпирик видит реальность "через лупу" специальных методик» [3, с. 106]. На основе анализа ключевых зарубежных и российских социологических исследований, она поясняет, что для учёного важна «неизведанность» проблемы, он не стремится к сложности и непонятности словесного выражения главных постулатов, но стремление к полноте и максимальной осведомлённости относительно изучаемой проблемы автоматически усложняет положения любой научной теории.

Эмпирики стараются дать ответ на конкретный вопрос, поставленный заказчиком, однако значение имеет результативность методов, а не их «правильность и научность» в целом. Оценка поставленной задачи как способ достижения общего социального блага также часто находится вне поля их интереса. Это может делать полученный результат полезным лишь для самого заказчика.

Ещё больше ситуация усугубляется, когда речь идёт о деятельности государственного аппарата. Реальность рассматривается чиновниками через призму необходимости эффективного исполнения государственных функций. Негативной составляющей административного подхода является стремление к упрощению: чем проще социальные практики, тем более отзывчивы они к управлению и манипуляциям. Упрощение приводит к потребности в схематичности – стремлению прописать всё в нормативных документах, закрепить все стадии проекта, запротokolировать все этапы независимо от ситуации, местных условий и особенностей. Этот подход может быть полезным лишь до тех пор, пока не нарушается есте-

ственное многообразие реальной жизни [3, с. 107–109].

Применительно к теории уголовно-правовой вины эта мысль может быть выражена следующим образом: учёный старается максимально точно описать естественное многообразие всех оттенков вины и постоянно задаётся критическими вопросами, учёный-практик имеет целью создать методики установления данных оттенков вины, а государственный аппарат в лице суда и следствия – упростить осуждение, сделать его максимально предсказуемым. Так что ответ на вопрос «Насколько сложная теория вины нам нужна?» зависит от отвечающего. Строго говоря, правоприменительной практике принцип вины вообще не нужен. Объективное вменение гораздо проще и даёт однотипный предсказуемый результат.

Другой вопрос, что такой результат не соответствует пониманию общественного блага. Основная цель любой системы уголовной юстиции – превенция. Наказание как элемент кары или восстановления социальной справедливости – это констатация неудачи в достижении первой цели. Неиндивидуализированные жестокие наказания также не соответствуют пониманию общественного блага, поскольку в конечном итоге порождают сочувствие общества к преступникам, являются причиной переполнения мест лишения свободы и чрезмерной нагрузки на органы исполнения наказания. Для общества характерно стремление к справедливости: «Уголовный закон и уголовное правосудие не могут выполнять своего назначения как регуляторов общественных отношений и результативных средств противодействия преступлениям, если они не пронизаны идеей справедливости, воплотившей в себе передовую человеческую мораль и верность (соответствие) истине» [4, с. 189].

Классическое определение справедливости выражается одной фразой – *suum cuique* (всякому своё или каждому по его заслугам). На этом древнем постулате основывается вся тщательно продуманная система права, и, как показывает опыт, именно он обеспечивает её устойчивость. Поэтому, на наш

взгляд, не правоприменительная практика должна ставить перед учёными задачу упрощения создаваемых ими концепций и методов исследования реальности, а академическая среда должна задавать цели развития системы правосудия, исходя из многообразия и сложности социальных отношений, а также предлагать методы познания объективной реальности, в частности, вины. В этом отношении крайне важно сочетать объективную сложность любой научной концепции с созданием прикладных инструментов её реализации. Не упрощать теорию вины до объективного вменения, а работать над возможностями и пределами познания её оттенков.

Проблемы реализации концепции четырёхуровневой вины

Реализация научной концепции – это всегда сложный процесс, требующий налаженного взаимодействия между теорией и практикой. Можно с сожалением утверждать, что на сегодняшний день даже в отношении таких классических материальных составов, как убийство, ни российской теорией, ни тем более практикой не выработано прикладных правил отграничения прямо- и косвенноумышленных деяний. Например, С. В. Дубовиченко считает, что «обычно желание в прямом умысле связывают со стремлением к определённым общественно опасным последствиям, которые могут выступать в качестве а) конечной цели; б) *промежуточного этапа* на пути к достижению конечной цели; в) средства достижения цели; г) *неизбежного сопутствующего элемента* деяния» [5, с. 86]. А раскрывая содержание второго вида умысла, автор указывает, что «Если в прямом умысле субъект относится к последствию как к нужному событию, то в косвенном последствии выступает не как цель, не как средство для достижения другой цели, а как *побочный* результат преступной деятельности» [5, с. 91].

Такое толкование оттенков умысла представляется крайне подробным, но при этом ставит неразрешимый вопрос, кото-

рый препятствует использованию данных критериев на практике: как отличить побочный результат (в косвенном умысле) от сопутствующего (в прямом умысле)? Причём речь не идёт о сложных теоретических конструкциях, типа, ситуаций, когда киллер подкладывает взрывное устройство под сиденье автомобиля, зная, что жертва всегда ездит с водителем и охранником. Речь идёт о совершенно простых и распространённых в практике случаях, когда мать сознательно недостаточно ухаживает за своим ребёнком, в результате чего он погибает. Цель у такой матери – избавиться от излишней загруженности, связанной с заботой о ребёнке. Она не стремится к лишению его жизни, не совершает никакой «работы» для этого и однозначно предпочла бы иное решение «проблемы». Но и ухаживать за ним должным образом она не намерена. На наш взгляд, это хрестоматийный пример косвенного умысла – «не желала, но сознательно допускала или относилась безразлично». «Преступное последствие включается в волевой акт субъекта следующим образом: а) оно учитывается при принятии решения действовать, б) оно охватывается планом действий субъекта, в) оно сознательно вызывается деянием субъекта. И нежелаемое может быть волимым» [6, с. 104].

Однако вопрос о том, является ли смерть ребёнка здесь побочным результатом желания матери не заботиться о ребёнке или же сопутствующим элементом /промежуточным этапом движения к цели избавиться от нагрузки, имеет скорее философский характер и потому не может быть точно разрешён. Ситуация усугубляется тем, что доступные для познания признаки, включённые автором в содержание 2 видов умысла, крайне неоднородны.

Результат при косвенном умысле относится не к деянию, а ни много ни мало к *преступной деятельности*. При прямом же умысле это сопутствующий элемент *деяния* или промежуточный этап на пути к достижению *цели*. Граница между прямым и косвенным умыслами проведена так, что на долю косвенного умысла не остаётся

почти ничего. При такой асимметрии действительно встаёт вопрос о том, есть ли вообще необходимость в выделении косвенного умысла.

В. В. Питецкий предлагает схожие критерии, хотя и в иной комбинации. В одной из своих работ он предложил один из самых известных примеров сужения границ косвенного умысла: «То обстоятельство, что преступные последствия не являются конечной целью действий, не меняет вид умысла: он останется именно прямым. Различные *психологические оттенки волевого отношения к наступившим последствиям не имеют значения* и не трансформируют прямой умысел в косвенный. Например, мужчина, задумав жениться на своей любовнице, может испытывать искреннее чувство жалости к убитой им с этой целью жене» [7, с. 49]. Но любопытно, что далее он утверждает, если «... Н. похищает один из узлов дорогостоящего механизма, тем самым приводя его в частичную непригодность, с целью использовать похищенное в домашнем хозяйстве... вопрос о виде умысла по отношению к краже не возникает – он является прямым... В отношении повреждения чужого имущества такого вывода сделать нельзя, *поскольку оно для Н. было не целью, а побочным результатом совершения кражи, однако этот результат Н. осознавал как неизбежный. Налицо – косвенный умысел*» [7, с. 50]. Но если исходить из этой логики, то убийство жены ради почки для любовницы – это пример косвенного умысла, что представляется не только запутывающим, но и весьма сомнительным допущением.

Безусловно, на уровне всей психической деятельности и особенностей функционирования мозга конкретного человека действительно есть разница в оттенках вины обвиняемых, один из которых убивает жену ради любовницы, а другой уничтожает ценный прибор ради хищения его части. Однако это различие лежит исключительно в плоскости криминальности (опасности) совершенных деяний. Что же касается непосредственно отношения виновных к последствиям, то здесь разница, на наш

взгляд, далеко не настолько очевидна, чтобы провести чёткую границу между прямым и косвенным умыслом.

Отсутствие практических критериев для различения оттенков вины приводит к тому, что «нередко с завидной лёгкостью, без достаточных, а часто и безо всяких оснований, отдельным составам приписывается как прямой, так и косвенный умысел» [8, с. 31]. Казалось бы, что это не является существенной проблемой для правоприменительной практики, т. к. влияние вида умысла на квалификацию крайне ограничено. Речь обычно о 2 частных правилах: о невозможности покушения на преступление с косвенным умыслом и о необходимости квалификации преступлений с косвенным умыслом в зависимости от наступивших последствий.

Однако отсутствие чётко определённых границ косвенного умысла ставит вопрос о том, где кончается умысел и начинается неосторожность. Этот вопрос является ключевым для справедливого разрешения дела – санкции статей об умышленном и неосторожном причинении вреда жизни и здоровью кардинально различаются по тяжести, а большинство деяний и вовсе уголовно наказуемы, только если совершаются умышленно.

Нехватка удобных прикладных инструментов различения видов умысла приводит к крайне любопытному результату. Практика, в тех редких случаях, когда доходит дело до различения видов умысла, продолжает делать то, за что подвергалась критике самых авторитетных учёных ещё два десятилетия назад. Так, в одном из решений ещё прошлого века высший суд расценил прицельный выстрел с близкого расстояния из обрез в шею продавщицы магазина как убийство с косвенным умыслом, поскольку основной целью подсудимого было облегчить завладение ценностями¹. Спустя два десятилетия суд повторил то, что было

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 13.05.1998 г. (Суд присяжных обоснованно признал лицо виновным в убийстве с косвенным умыслом) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 12. С. 9.

однозначно истолковано учёными как ошибка, усмотрев «косвенный умысел там, где, в общем-то, достаточно очевиден прямой» [9, с. 48]. Возможно, дело в том, что те выводы, которые достаточно очевидны одним, совершенно не столь же очевидны другим, особенно если они оперируют иными критериями. Так что в своём решении кассационный суд полностью согласился с тем, что направленность действий Д. (накинул удавку на шею потерпевшего и удерживал до тех пор, пока последний не перестал подавать признаков жизни) свидетельствует о косвенном умысле обвиняемого на убийство, т. к. к смерти потерпевшего он относился безразлично¹.

Вероятно, суд проигнорировал достаточно сложную мысль о том, что «лицо при совершении преступления с прямым умыслом может и не желать некоторых его последствий. Такого желания может не быть, в частности, при предвидении в некоторых случаях неизбежности их наступления» [10, с. 96]. Вместо этого он использовал термин «безразлично» в том смысле, что Д. не имел плана на убийство и действовал импульсивно, в споре. «Безразлично» – бессодержательный бытовой термин, который может быть интерпретирован диаметрально противоположно (достаточно сравнить: «ему была безразлична смерть соседа, т. к. они не были знакомы» и «он безразлично наблюдал за тем, как потерпевший истекает кровью»).

Эффективно оперировать такими терминами, а также оценочными критериями «побочный результат», «промежуточный результат», «основной результат», «абстрактное предвидение», «риск», «реальное предвидение» возможно только если они имеют чётко определённое, устоявшееся содержание. Разграничение, например, спланированного и импульсивного преступления намного проще и потому наглядней для индивидуализации наказания. Критиковать суды за такой подход достаточно сложно. Это, в свою очередь, приводит к тому, что популярной становится

точка зрения о необходимости отказа от «излишних» оттенков вины, которые якобы слишком сложны и потому не используются практикой надлежащим образом, не влияют на квалификацию, зато создают заметный разрыв между теоретическими концепциями и их применением.

Научно-теоретическое и практическое значение четырёхуровневой градации вины

В качестве обоснования необходимости упрощения теории вины за счёт уменьшения её видов обычно приводятся доводы, связанные как раз со сложностью и недостаточной конкретностью терминологии теории вины: «Не очень убедительными являются доводы о том, что предвидение при легкомыслии отличается от предвидения при косвенном умысле меньшей степенью определённости, а именно: если при косвенном умысле виновный предвидит реальную возможность наступления общественно опасных последствий, то при легкомыслии эта возможность предвидится как абстрактная, т. е. отвлечённая от данной конкретной ситуации. Позволим с этим не согласиться. ...О каком абстрактном предвидении можно говорить, когда водитель очень даже осознанно понимает возможное действительное развитие причинной связи между нарушением правил и вполне даже возможным наступлением общественно опасных последствий? Получается, что косвенный умысел и преступное легкомыслие в подобных случаях практически совпадают и имеющиеся между ними различия настолько несущественные, что впору говорить, что, по существу, это одна и та же форма вины... По нашему мнению, признаемся, очень субъективному и неочевидному, предпочтение всё-таки надо отдать преступному легкомыслию» [8, с. 32].

Любопытно, что «жертвой» таких рассуждений становится не только косвенный умысел, как в вышеприведённом утверждении, но и легкомыслие. Так, Д. А. Корецкий и Е. С. Стешич утверждают, что, «поражая

¹ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15.02.2022 по делу № 77-759/2022.

ножом любую часть человеческого тела, разве не предполагает виновный, что может повредить ткани, кровеносные сосуды, железы, лимфоузлы, нервные окончания, занести инфекцию, вызвать кровопотерю или болевой шок, причинить ещё десятки последствий, приводящих к смерти? Совершенно очевидно, что не предвидеть этого может лишь невменяемый. Отдающее отчёт в своих действиях и могущее ими управлять лицо предвидит все последствия, причём безразлично относится к возможности их наступления. А, следовательно, в случае причинения смерти, должно нести ответственность за убийство с косвенным умыслом» [11, с. 38].

Можно отметить, что в этом утверждении за критерий разграничения не только видов умысла, но и форм вины в целом взято двухуровневое предвидение последствий объективно опасных действий: спланированные действия предлагается рассматривать как желанные и потому свидетельствующие о прямом умысле, а импульсивные – как о косвенном. При таком упрощении для легкомыслия не остаётся места.

На этом примере можно совершенно однозначно утверждать, что попытки упрощения теории вины не приводят к уменьшению числа теоретических разногласий. Сама суть науки – это постоянное совершенствование теории посредством критики тех или иных её положений. Более того, смещение фокуса с диспутов о том, что есть косвенный умысел, на дискуссии о том, какой именно вид вины является лишним, ничуть не способствует совершенствованию правоприменительной практики и не позволяет науке уголовного права защититься от обвинений в недостаточно практическом подходе.

Вторая проблема заключается в том, что упрощённый подход не может быть справедлив. Осознание способа деяния как основы последствий некорректно заменять на объективное предвидение. Конечно, любой вменяемый человек, совершая любой поступок, и не важно, один это удар ножом в ногу, нарушение правил дорожного движения, не менее 16 ударов табуретом по голове

или даже просто ходьба по улице в снегопад не может не предвидеть каких-то негативных последствий. Но при прочих равных условиях даже «один удар ножом в ногу» сильно отличается от «не менее 16 ударов табуретом по голове» с точки зрения осознания лицом опасности избранного способа поведения. На бытовом уровне все эти деяния воспринимаются очень по-разному, поэтому их уравнивание будет оставлять ощущение несправедливости.

Если утрировать, то наиболее практический подход к вине – это исключение вины, сопутствующей ей доктрины *non bis in idem* (принципа недопустимости двойного наказания за одно деяние) и переход к объективному вменению. Такой подход не требует анализа намерений лица, его мотивов, целей и их соотношения с наступившими последствиями. Принцип вины является серьёзным препятствием для замены «живого» правоприменителя судьёй-роботом, т. к. различению оттенков психического отношения лица искусственный интеллект вряд ли можно научить, и уж точно этот вопрос не входит в содержание критерия «несложный спор», который на сегодняшний день является ключевым даже для самых смелых рассуждений о цифровом правосудии [12, с. 136; 13, с. 90–92].

Однако насколько общество действительно заинтересовано в «практическом подходе»? Кто выиграет от максимального упрощения судопроизводства, кроме правоприменительных органов, да и то в очень незначительной степени? Человеческое общество движется в сторону усложнения своей деятельности, именно это называется прогрессом, а не наоборот. Поэтому, на наш взгляд, ответ на вопрос о том, насколько сложная теория вины нам нужна и не стоит ли её наконец упростить под потребности правоприменительной практики, в т. ч. устранив «ненужные» виды вины, абсолютно некорректен. Упрощение вплоть до применения искусственного интеллекта целесообразно для процессуальных действий типа подачи документов в суд и схожих малозначительных дел [14, р. 278–281], но не для теории уголовного права.

Заключение

Теория уголовного права должна не ориентироваться на быстрое разрешение однотипных дел, а быть готовой ответить на сложные вопросы, которые периодически возникают в правоприменительной практике. Например, как квалифицировать утопление лица, если обвиняемый утверждает, что потерпевший к этому моменту уже был мёртв, без простого утверждения о том, что данное заявление не принимается во внимание¹. Либо как квалифицировать с использованием субъективного, а не объективного вменения так называемый «переходящий умысел», когда лицо планировало убить одного с особой жестокостью, а фактически убило другого².

В связи с этим удачным видится не упрощение теории вины, а, наоборот, необходимость обращения к уголовно-правовой доктрине при принятии решений по наиболее сложным и спорным практическим ситуациям. И не только путём обращения к правовой позиции Верховного суда. Подход Верховного Суда к применению норм права «являет собой официальный выбор одного из возможных толкований уголовного закона» [15, с. 185]. Однако, во-первых, крайне вероятно «отсутствие по объективным причинам официально озвученной позиции Верховного Суда РФ по тому или иному вопросу толкования или применения уголовного закон» [15, с. 186]. А во-вторых, «суд – особый орган государства, поставленный Конституцией как бы вне структуры государственной власти и защищающий только те её интересы, которые строго соответствуют Основному закону страны. Из этого вытекает крайне важное уголовно-политическое следствие, суть которого состоит в наличии права суда на собственную независимую оценку всех принимаемых государством решений в области борьбы с преступностью» [16, с. 63]. Такая независимая оценка немислима без

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.06.2022 г. № 35-УД22-8-А1.

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.02.2024 г. № 58-УД24-1-А5.

обращения к обширной теоретической базе научных исследований, и, как вариант, обращения к *amicus curiae* («друзьям суда»).

Институт *amicus curiae*, возникший ещё в римском праве, постепенно получил широкое распространение как в международных судах, так и в большинстве национальных юрисдикций [17, р. 83–102]. Так, Международный уголовный суд прибегал к этой практике, закреплённой в ст. 103(1) Правил процедуры и доказывания МУС, когда разрешал вопрос территориальной юрисдикции по ситуации в Палестине и для этого рассмотрел представления 43 государств, организаций и учёных, участвовавших в качестве *amicus curiae*³.

Правореализационная юридическая техника уголовных судов зарубежных стран (Великобритании, США, ФРГ, Сингапура и т. д.) включает ссылки на авторитетные научные труды и заключения «друзей суда» в обоснование принятого решения. Аналогичная возможность закреплялась и п. 2 §36 регламента Конституционного Суда РФ⁴. И хотя решением от 28 января 2021 г. Конституционный Суд РФ исключил из своего регламента указание на «инициативные научные заключения»⁵, в своём комментарии представители Суда заверили, что авторитетные академические исследования будут и далее приниматься к учёту⁶. Подобный подход целесообразно распространить и на суды общей юрисдикции, что поспособствует как развитию теории уголовного права, так и совершенствованию правоприменительной практики.

³ Questions and Answers on the Decision on the International Criminal Court's territorial jurisdiction in the Situation in Palestine // ICC: [сайт]. URL: <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/itemsDocuments/palestine/210215-palestine-q-a-eng.pdf> (дата обращения: 05.12.2024).

⁴ Регламент Конституционного Суда Российской Федерации (принят Решением Конституционного Суда РФ от 01.03.1995 г. № 2-1/6) // СПС Консультант Плюс.

⁵ Решение Конституционного Суда РФ от 28.01.2021 // СПС Консультант Плюс.

⁶ Конституционный суд остался без друзей. КС решил отказаться от практики *amicus curiae* // Коммерсант: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4673415> (дата обращения: 05.12.2024).

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов А. Г. Общественная опасность как элемент умысла в уголовном праве: трудности реализации при установлении вины // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 2 (41). С. 259–268. DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2020.2/2814
2. Mills C. W. Language, logic, and culture // *American Sociological Review*. 1939. Vol. IV. No. 5. P. 670–680. DOI: 10.2307/2083575
3. Панарина М. Л. Подходы к изучению социальной реальности в исследовании качества государственных услуг // *Социология власти*. 2009. № 3. С. 105–111.
4. Сидоров Б. В. Принцип справедливости: его место в системе принципов и норм уголовного права и вопросы совершенствования уголовного права // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 4. С. 189–194.
5. Дубовиченко С. В. Волевые моменты умысла // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2010. № 73. С. 83–93.
6. Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона и её установление. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1974. 243 с.
7. Питецкий В. Сужение понятия косвенного умысла влечёт ужесточение уголовной репрессии // *Российская юстиция*. 1999. № 5. С. 49–50.
8. Гладких В. И. Приглашение к дискуссии: все ли нас устраивает в современных формах вины и практике их применения? // *Российский следователь*. 2016. № 3. С. 27–33.
9. Яни П. Сложные вопросы субъективной стороны преступления // *Российская юстиция*. 2002. № 12. С. 47–49.
10. Филимонов В. Д. Проблема степени вины в уголовном праве // *Уголовное право*. 2017. № 3. С. 92–99.
11. Корецкий Д., Стешич Е. Анализ причинно-следственной связи при разграничении неосторожности и косвенного умысла // *Уголовное право*. 2014. № 4. С. 37–41.
12. Кожокарь И. П., Русакова Е. П. Правореализационная юридическая техника и цифровое правосудие // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 1 (59). С. 121–141. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-59-121-141
13. Марковичева Е. В. Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства // *Правосудие*. 2020. Т. 2. № 3. С. 86–99. DOI: 10.37399/2686-9241.2020.3.86-99
14. Susskind R. *Online courts and the future of justice*. Oxford: Oxford University Press, 2019. 368 p. DOI: 10.1093/oso/9780198838364.001.0001
15. Пудовочкин Ю. Е. Бабаев М. М. Противоречия судебно-уголовной политики // *Правоприменение*. 2022. Т. 6. № 1. С. 174–190. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).174-190
16. Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Динамизм и стабильность судебной практики // *Журнал российского права*. 2019. № 7. С. 56–64. DOI: 10.12737/jrl.2019.7.5
17. Farber S. *The Amicus Curiae Phenomenon. Theory, Causes and the Significance of Third Party Interventions*. Cham: Springer Nature Switzerland, 2024. 330 p. DOI: 10.1007/978-3-031-67225-5

REFERENCES

1. Ivanov, A. G. (2020). Public Danger as an Element of Intent in Criminal Law: Difficulties of Implementation in Revealing Mens Rea. In: *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2, 259–268. DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2020.2/2814 (in Russ.).
2. Mills, C. W. (1939). Language, Logic, and Culture. In: *American Sociological Review*, IV (5), 670–680. DOI: 10.2307/2083575.
3. Panarina, M. L. (2009). Approaches to Study Social Reality When Analyzing the Quality of Public Services. In: *Sociology of Power*, 3, 105–111 (in Russ.).
4. Sidorov, B. V. (2016). The Principle of Justice: Its Place in the System of Principles and Norms of Criminal Law, and Issues on Improving Criminal Law. In: *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 4, 189–194 (in Russ.).
5. Dubovichenko, S. V. (2010). Strong-Willed Moments of Intent. In: *Vestnik of Volzhsky University after V. N. Tatishchev*, 73, 83–93 (in Russ.).
6. Dage, P. S. & Kotov, D. P. (1974). *Subjective Side and Its Identification*. Voronezh: Voronezh University publ. (in Russ.).
7. Pitetsky, V. (1999). Narrowing the Concept of Indirect Intent Entails Toughening Criminal Repression.

- In: *Russian Justice*, 5, 49–50 (in Russ.).
8. Gladkikh, V. I. (2016). Invitation to Discussion: Are We Satisfied with Modern Forms of Guilt and the Practice of Their Use? In: *Russian Investigator*, 3, 27–33 (in Russ.).
 9. Yani, P. (2002). Complex Issues of the Subjective Side of the Crime. In: *Russian Justice*, 12, 47–49 (in Russ.).
 10. Filimonov, V. D. (2017). The Problem of the Guilt Degree in Criminal Law. In: *Criminal Law*, 3, 92–99 (in Russ.).
 11. Koretsky, D. & Steshich, E. (2014). Analysis of Causal Relationship When Distinguishing Negligence and Indirect Intent. In: *Criminal Law*, 4, 37–41 (in Russ.).
 12. Kozhokar, I. P. & Rusakova, E. P. (2023). Legal Technology and Digital Justice. In: *Perm University Herald. Juridical Sciences*, 1, 121–141. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-59-121-141 (in Russ.).
 13. Markovicheva, E. V. (2020). Digital Transformation of Russian Criminal Proceedings. In: *Justice*, 2 (3), 86–99. DOI: 10.37399/2686-9241.2020.3.86-99 (in Russ.).
 14. Susskind, R. (2019). *Online Courts and the Future of Justice*. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/oso/9780198838364.001.0001.
 15. Pudovochkin, Yu. E. & Babaev, M. M. (2022). Contradictions of Judicial and Criminal Policy. In: *Law Enforcement Review*, 6 (1), 174–190. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).174-190 (in Russ.).
 16. Pudovochkin, Yu. E. & Babaev, M. M. (2019). Dynamism and Stability of Judicial Practice. In: *Journal of Russian Law*, 7, 56–64. DOI: 10.12737/jrl.2019.7.5 (in Russ.).
 17. Farber, S. (2024). *The Amicus Curiae Phenomenon. Theory, Causes and the Significance of Third Party Interventions*. Cham: Springer Nature Switzerland. DOI: 10.1007/978-3-031-67225-5.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кораблёва Светлана Юрьевна (г. Москва) – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета;

e-mail: sukorableva@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7071-3597

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana Yu. Korableva (Moscow) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Criminal Law, Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University;

e-mail: sukorableva@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7071-3597

Научная статья
УДК 348.98
DOI: 10.18384/2949-513X-2025-1-94-102

«ГОРЯЧИЕ» ЭЛЕКТРОННЫЕ ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ

Смушкин А. Б.

*Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация
e-mail: skif32@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1619-8325*

Поступила в редакцию 14.02.2025

После доработки 12.03.2025

Принята к публикации 24.03.2025

Аннотация

Цель. Выявить группы электронных цифровых следов, подлежащих безотлагательному выявлению и исследованию.

Процедура и методы. В работе использованы материалистическая диалектика как всеобщий метод, а также общенаучные методы – анализа, синтеза, моделирования, экстраполяции и др.

Результаты. Определена группа следов в киберпространстве, которой предлагается присвоить условное наименование «горячие электронные цифровые следы», предложена авторская трактовка данной категории. В ходе анализа указанного вида следов предложена авторская дифференциация их на волатильные и актуальные.

Теоретическая и/или практическая значимость. Введена авторская трактовка «горячих цифровых следов», что имеет большое теоретическое значение для цифровой криминалистики. Подробно рассмотренные отдельные виды волатильных и актуальных следов с практической точки зрения способствуют более точному направлению работы следователей и специалистов, сохранению максимального доказательного потенциала обнаруженных объектов.

Ключевые слова: актуальные следы, виртуальные следы, волатильные следы, горячие следы, расследование по горячим следам, следы в киберпространстве, электронные цифровые следы

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-00312.

Для цитирования:

Смушкин А. Б. «Горячие» электронные цифровые следы // Московский юридический журнал. 2025. № 1. С. 94–102. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-1-94-102>.

Original research article

DIGITAL FOOTPRINTS NOTICED “HOT ON THE HEELS”

A. Smushkin

*Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation
e-mail: skif32@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1619-8325*

Received by the editorial office 14.02.2025

Revised by the author 12.03.2025

Accepted for publication 24.03.2025

Abstract

Aim. To identify groups of electronic digital footprints to be immediately identified and investigated.

Methodology. The main method of scientific research was formal-legal, with the help of which the provisions of existing legal acts in the field of consolidation and implementation of reproductive human rights, as well as judicial practice of their application, were analyzed. General scientific methods, such as analysis, generalization, logical method, etc., were also used.

Results. A group of traces in cyberspace has been identified, which is proposed to be given the conditional name “digital footprints noticed “hot on the heels” and an author’s interpretation of this category has been proposed. During the analysis of these types of traces, the author’s differentiation of them into volatile and relevant ones was proposed.

Research implication. The author’s interpretation of the “digital footprints noticed “hot on the heels” has been introduced, which is of great theoretical importance for digital forensics. The detailed consideration of certain types of volatile and relevant traces, from a practical point of view, contribute to a more accurate direction of work of investigators and specialists, preserving the maximum evidence potential of the discovered objects.

Keywords: actual footprints, virtual footprints, volatile footprints, digital footprints noticed “hot on the heels”, digital footprints noticed “without delay” investigation, traces in cyberspace, electronic digital footprints

Acknowledgements. The study was funded by the Russian Science Foundation grant no. 24-28-00312.

For citation:

Smushkin, A. B. (2025). Digital Footprints Noticed “Hot on the Heels.” In: *Moscow Juridical Journal*, 1, 94–102. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-1-94-102>.

Введение

Идея выделения отдельного типа следов в компьютерных устройствах, наряду с идеальными и материальными следами, возникла в криминалистике уже достаточно давно. Первые публикации появились ещё в начале нулевых годов этого века [1; 2]. Однако до настоящего момента нет чёткой дефиниции данной категории следов и даже по вопросу их наименования отсутствует единое мнение – встречаются и *следы технического характера* [3, с. 53, 64, 67], и *компьютерно-технические* [4], и *бинарные* [5], и *виртуальные* [6; 7; 8], и *цифровые* [9; 10], и *информационные* [11], и *электронные* [12], и *электронно-цифровые* [13]. М. М. Менжега вообще использует термин «следы использования компьютерной техники», под которым понимает чрезвычайно широкую категорию, что делает невозможным их отнесение к одной из определённых групп следов (материальных, идеальных или виртуальных). Следы такого рода, по его мнению, могут принимать самые разнообразные формы: от распечатанного на бумаге текста до информации в инфракрасных лучах, а также

мысленные образы, оставшиеся в памяти очевидца после наблюдения изображения на экране компьютера [14, с. 17].

Не вдаваясь в дискуссию, отметим, что категорией, объединяющей электронные, квантовые и иные виды следов в современных и перспективных информационно-технологических устройствах, являются «виртуальные следы». Основываясь на определении В. А. Мещерякова, можно охарактеризовать виртуальные среды как «взаимосвязанный комплекс материально зафиксированной информации как результат специально организованного выборочного отражения фрагментов окружающей действительности в искусственной среде и знаний о формализованной модели, положенной в основу создания этой инцидентной среды отражения» [8, с. 108].

С учётом малого распространения (на момент подготовки публикации) квантовых, генетических, оптических и иных перспективных компьютерных устройств, необходимо отдельно остановиться, прежде всего, на электронном цифровом виде следов.

Непосредственно электронные цифровые следы – это «следы отражения совер-

шения любых действий (включения, создания, открывания, активации, внесения изменений, удаления) в информационном пространстве именно электронных информационно-технологических устройств, их систем и сетей» [15, с. 93].

Концепция горячих электронных цифровых следов

Отдельно остановимся на таком типе следов, который подлежит безотлагательному исследованию в связи с возможностью организации установления местонахождения злоумышленника, как «горячие следы».

В материальном пространстве при поиске следов в ходе осмотра места происшествия необходимо обращать внимание на эти «горячие следы». Под ними обычно понимаются «хорошо сохранившиеся следы совершения преступления, которое было совершено сравнительно недавно» [16, с. 734]. Условно к горячим следам можно отнести также следы с крайне малым идентификационным периодом.

В киберпространстве можно выделить аналогичную категорию «горячих» электронных цифровых следов, т. е. следов, подлежащих исследованию в неотложном режиме и позволяющих установить местонахождение злоумышленника в киберпространстве с привязкой к материальному пространству, а в некоторых случаях и обнаружить, и задержать его.

«Горячие» электронные цифровые следы могут включать в себя информацию из различных источников: социальных сетей, систем геопозиционирования и т. д. Значение этих следов обусловлено возможностью и перспективностью использования их именно в «в моменте».

Выделим 2 основные группы горячих электронных цифровых следов, которые условно назовём «волатильными» и «актуальными».

Волатильные следы имеют свойство быстрой модификации или уничтожения, вследствие чего подлежат скорейшему безотлагательному выявлению и исследованию.

В первую очередь, это следы в оперативной памяти. Оперативной памятью сейчас обладают не только компьютерные, но и другие информационно-технологические и периферийные устройства компьютерной системы или сети. В оперативную память подгружаются элементы программ и иные, необходимые для быстрой работы программ, данные, обрабатываемые процессором.

Оперативная память носит энергозависимый характер. При выключении или перезагрузке устройства все следы в этой памяти стираются. Это обуславливает необходимость скорейшего извлечения информации (снятия дампа памяти). Кроме того, следователь должен оценить безопасность энергоснабжения устройства и в случае снижающегося энергозапаса подключить к источнику питания или переносному аккумулятору. В оперативной памяти может быть обнаружена криминалистически релевантная информация о задачах, процессах, открытых файлах, ключах шифрования и т. д.

Далее – это *кэш-память* устройства. Кэш – это высокоскоростное буферное хранилище, один из уровней памяти, содержащее необходимую информацию, к которой происходит частое обращение. Кэш может быть системным (системных служб), пользовательским (кэш приложений), браузерным кэшем, *daily*-кэшем (у мобильных устройств на основе операционной системы *Android*). Следы в памяти кэша могут быть очищены пользователем вручную с помощью запуска программ, а также автоматически запланированным действием программы. В данной буферной памяти могут быть обнаружены криминалистически значимые следы в виде текстовых файлов, медиафайлов и др.

К рассматриваемой категории следов можно отнести также иные, носящие временный характер следы в памяти электронной системы информационно-технологических устройств. Так, значительный объём электронных цифровых следов может быть обнаружен во временных файлах, расположенных в папках *Temp*,

Temporary Internet Files и аналогичных. Их волатильность обусловлена возможностью как «ручной» чистки, так и планового программного запуска обслуживающего оптимизирующего программного комплекса, чистящего временные файлы, закрывающего фоновые приложения и т. д. Поскольку неизвестно установлено ли обслуживание при перезагрузке (включении) компьютера, либо просто с определённой периодичностью (возможно, достаточно короткой), то оптимальным представляется безотлагательное, аналогично снятию дампа оперативной памяти, копирование и исследование данной информации.

Временные файлы создают некоторые программы для ускорения работы, что даёт возможность в ходе расследования исследовать автоматически сохранённые тексты, этапы работы конкретных программ, приложений и т. д.

Следует также отдельно выделить категорию *временных меток*. Временные метки – это метки, фиксирующие совершения тех или иных действий пользователя. Они могут помочь установить хронологию действий пользователя в системе, что будет иметь высокое криминалистическое значение.

Логи (log-файлы) – файлы, в которых ведётся запись журналов работ, конкретных программ, действий пользователей в киберпространстве сети или изолированного устройства и т. д. Логирование подключений может вестись даже на серверах VPN.

Выделяют следующие виды логов:

– *системные* – из них может быть получена информация об основных событиях операционной системы;

– *логи веб-сервера* – могут быть изучены факты регистрации обращений к сайту;

– *логи почтовых служб* – в них фиксируются все активности, связанные с использованием электронной почты, что может иметь высокое криминалистическое значение для фиксации времени направления/получения электронных писем, их адресата и т. д.;

– *логи FTP сервера* – содержат информацию о каждом подключении;

– *логи баз данных* – могут содержать криминалистические значимые сведения о всех транзакциях, запросах и предупреждениях в системах управления базы данных;

– *логи авторизации и аутентификации* – фиксируют процессы входа/выхода, восстановление доступа, и т. д. Криминалистическое значение этой информации заключается в подтверждении или опровержении попыток подбора пароля, попыток взлома системы, входа в неустановленное место, хронологию входа в определённую программу или выхода из неё и т. д.¹

Важность криминалистического исследования журналов работ из log-файлов выделяют многие зарубежные учёные [17; 18; 19; 20].

Можно также выделить и такие волатильные следы, как *исчезающая переписка в мессенджерах*. В настоящее время почти каждый мессенджер содержит расширенный функционал в области сохранения конфиденциальности переписки. Большинство современных мессенджеров имеет опцию временных или исчезающих сообщений. Конечно, имеются экспертные методы восстановления переписки в чатах мессенджеров, использующих даже протоколы *Signal*. Однако в целях более оперативного реагирования, снижения тактического риска, оптимального использования данных горячих следов рекомендуется уделять им повышенное внимание – фиксировать с помощью протоколов осмотра фотографирования, снимков экрана (скриншотов).

Активные на момент начала осмотра *сетевые соединения* могут либо быть разорваны другой стороной или модератором, либо отключиться при обычном выключении компьютера. Следовательно, они также носят волатильный характер и подлежат исследованию в первоочередном режиме. Активные сетевые соединения могут быть изучены и зафиксированы с помощью программных комплексов. К отечественным разработкам в сфере сетевой криминалистики, позволяющим фиксиро-

¹ Может иметь значение для подтверждения / опровержения цифрового алиби.

вать и анализировать сетевой трафик, относятся: *PT Network Attack Discovery (NAD)* от *Positive Technologies*, *ViPNet Coordinator KB* от «Инфотекс», *EtherSensor* от *Microolap*, *NTA* от «Центра кибербезопасности», *Solar NTA* от компании «Солар», Гарда от *NDR*, *Kaspersky Anti Targeted Attack (KATA)*, *ATHENA* от *AVSOFT*, «Стетоскоп» и др.¹.

Достаточно большое значение будут иметь также сессионные данные и файлы *cookies*. Эти файлы могут содержать идентификационную информацию, аутентификационные данные, историю действий пользователя, информацию о персональных настройках, статистику пользователя и т. п. Сами файлы создаются системой для ускоренного доступа к сайту с помощью «привязки» к их информации, а не постоянного сбора её заново.

В. В. Худяков и А. А. Ананьев указывают на существование следующих видов *cookie*-файлов:

1) *временные* – такие файлы являются безопасными, т. к. удаляются при выходе пользователя с конкретного сайта;

2) *постоянные* – такие *cookie* остаются на компьютере до того момента, пока их не удалят вручную;

3) *сторонние* или *супер-cookie* – такие *cookie* записываются сторонними доменами более высокого уровня;

4) *evercookie* или *зомби-cookie* – являются самыми опасными из остальных видов *cookie*-файлов, т. к. удалить их практически невозможно [21, с. 244].

Следует отметить, что последние варианты *cookies* могут быть почищены пользователем, однако они имеют функционал восстановления за счёт информации, хранящейся в сети Интернет [22, с. 185–186].

Зарубежные учёные указывают, что принятие или отказ от принятия постоянных файлов *cookie* может также быть связано с

психологией пользователя и его личными предпочтениями [23].

Сессионные данные вообще хранятся на сервере только в течение работы пользователя на определённом ресурсе и после завершения сеанса удаляются. Они используются для отслеживания активности пользователя в рамках сессии и обеспечивают более персонализированный опыт.

Следующая группа горячих электронных цифровых следов имеет повышенное значение именно «в моменте». Условно назовём их «актуальными». К данной группе относятся следы, которые требуют незамедлительной реакции следствия, поскольку отсрочка может привести к потере актуальности этих следов и тактическому риску недостижения планируемого результата, основанного на них следственного действия.

Например, данные геопозиционирования лица имеют несомненное актуальное значение. Геопозиционирование можно проводить как с помощью триангуляции (запросы с трёх вышек сотовой связи с отслеживанием времени отклика и вычислением географических координат), так и с помощью следственных действий, предусмотренных ст. 186.1 УПК РФ «Получение информации о соединениях абонентов абонентских устройств» (информация об обслуживающей станции или месте компьютерного устройства в сети). Однако при наличии в компьютерном устройстве активного модуля *GPS* ГЛОНАСС актуальную информацию о местонахождении можно получить быстрее и точнее.

Так, по уголовному делу о трансграничной перевозке наркотиков было установлено, что наркотические средства из Испании в Россию перемещались на автомобиле, оснащённом *gps*-треккером для слежения, что было эффективно использовано в ходе расследования и доказывания в суде².

¹ См.: NTA: обзор лучших российских решений для анализа сетевого трафика // Лаборатория Касперского: [сайт]. URL: https://www.securitylab.ru/blog/personal/paragraph/354348.php?utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения: 15.12.2024).

² Приговор Псковского областного суда от 28.02.2017 по делу № 2-1/2017 (2-4/2016;) [Электронный ресурс]. URL: <https://actofact.ru/case-60OS0000-2-1-2017-2-4-2016-2016-04-18-2-0/> (дата обращения: 15.12.2024).

Некоторые авторы вообще предлагают ввести новое следственное действие «Получение информации о географических координатах». Так, Х. Х. Рамалданов предлагает следующую редакцию указанной нормы: «Получение информации о географических координатах места нахождения (геолокации) абонента, транспортного средства и (или) абонентского устройства» – следующего содержания:

«1. При наличии достаточных оснований полагать, что информация о географических координатах места нахождения абонента, транспортного средства и (или) абонентского устройства имеет значение для уголовного дела, получение следователем указанной информации допускается на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном статьёй 165 настоящего Кодекса.

2. Получение информации о географических координатах места нахождения (геолокации) абонента, транспортного средства и (или) абонентского устройства производится в порядке, установленном статьёй 186.1 настоящего Кодекса, с изъятиями, предусмотренными настоящей статьёй.

3. Следователь осматривает представленные сведения, содержащие информацию о географических координатах места нахождения (геолокации) абонента, транспортного средства и (или) абонентского устройства, в порядке предусмотренном ч. 5 ст. 186.1 настоящего Кодекса с указанием географических координат места нахождения (геолокации) абонента, транспортного средства и (или) абонентского устройства и другие данные» [24, с. 276].

Подобные следы могут оставаться как в сотовых мобильных телефонах, так и в иных электронных устройствах (смарт-часах, трекерах, системах спутникового мониторинга и контроля АвтоГраф, современных сигнализациях с установкой в автомобиле соответствующего модуля, навигаторах, E-Call системах современных автомобилей и т. д.). Оперативное, в первую очередь, дистанционное исследование этих следов позволит застать объект на

месте, а излишняя отсрочка, наоборот, позволит объекту скрыться. При этом выявление основных реперных точек и направления движения позволит прогнозировать траекторию движения заподозренных лиц и итоговую точку маршрута.

Следующая группа следов – это *перехваченный трафик*, «живые сетевые пакеты». Они требуют безотлагательной дешифровки и использования в расследовании. В некоторых случаях с помощью перехваченного трафика можно предотвратить само совершение преступления, с подменой отдельных элементов программного кода определить по отклику IP-адрес преступника и т. д., что, например, может способствовать деанонимизации пользователя Даркнета.

Данные из чатов мессенджеров, онлайн-игр, иных компьютерных приложений могут не только использоваться для доказывания при ретроспективном познании события преступления, но и требовать незамедлительного реагирования в онлайн-режиме. Через подобные чаты могут не только обсуждаться планы преступления, но и координироваться действия группы преступников, отдаваться команды и указания. Сведения о перехваченных данных в ходе снятия информации с технических каналов связи, получения компьютерной информации, контроля записи переговоров, наложения ареста на электронное сообщение и т. д. могут послужить предпосылкой предупреждения или пресечения преступления. Так, по делу № 1-26/2024, рассмотренному Судебной коллегией по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации 9 апреля 2025 г., именно переписка в мессенджере «Т...» использовалась для организации пропаганды террористической деятельности¹.

¹ Кассационное определение от 09.04.2025 г. по делу № 1-26/2024 Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации // СудАкт: [сайт]. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/oUP7xbhniM1x/?vsrf-txt=мессенджеры&vsrf-case_doc=&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&_id=1751258942506 (дата обращения: 15.12.2024).

В условиях активного взаимодействия можно выявить и исследовать также запросы в поисковые системы маркетплейсов, онлайн-покупки, интерактивные действия.

Технологии анализа горячих электронных цифровых следов должны включать современные методы обработки больших данных и выявления скрытых закономерностей. Скорость анализа также будет иметь большое практическое значение при оперативном реагировании на события преступления. С учётом характеристики электронных цифровых следов при исследовании информационно-технологического устройства нужно обязательно использовать устройство, блокирующее запись (*write breakers*). Сама информация также должна исследоваться не на ориги-

нальном устройстве, а после снятия образа (клона) диска.

Заключение

Таким образом, концепция горячих электронных цифровых следов непосредственно подчёркивает важность крайне аккуратного, но при этом оперативно-го исследования электронных объектов. Понимание их природы, качество работы, квалификация специалистов являются ключевыми факторами их эффективного использования. Горячие электронные цифровые следы могут оптимизировать работу следователя или специалиста, определить очерёдность исследования следов, обнаружить и идентифицировать подозреваемого и установив временные рамки событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яковлев А. Н. Теоретические и методические основы экспертного исследования документов на машинных носителях информации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 436 с.
2. Мещеряков В. А. Механизм следообразования при совершении преступлений в сфере компьютерной информации // Известия Тульского государственного университета. Современные проблемы законодательства России, юридических наук и правоохранительной деятельности. 2000. № 3. С. 167.
3. Федотов Н. Н. Форензика – компьютерная криминалистика. М.: Юридический Мир, 2007. 481 с.
4. Лыткин Н. Н., Гаврилин Ю. В. Использование компьютерно-технических следов при установлении события преступления // Известия Тульского государственного университета. Серия: Актуальные проблемы юридических наук. 2006. № 15. С. 44–50.
5. Милашев В. А. Проблемы тактики поиска, фиксации и изъятия следов при неправомерном доступе к компьютерной информации в сетях ЭВМ // Актуальные вопросы теории и практики раскрытия, расследования и предупреждения преступлений: тезисы конференции. Тула, 2004. С. 34–39.
6. Черкасов В. Н., Нехорошев А. Б. «Виртуальные следы» в «кибернетическом пространстве» // Судебная экспертиза: сборник научных статей. Вып. 2. Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2003. С. 127–130.
7. Агibalов В. Ю. Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2012. 148 с.
8. Мещеряков В. А. Теоретические основы механизма следообразования в цифровой криминалистике. М.: Проспект, 2022. 176 с.
9. Толстоуцкий В. Ю. Закономерности криминалистической теории отражения, присущие субъективному этапу // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Право. 2008. № 2. С. 203–209.
10. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности / Е. Р. Россинская, А. И. Семикаленова, И. А. Рядовский, Т. А. Сааков. М.: Проспект, 2022. 254 с.
11. Камалова Г. Г. Криминалистическая методика расследования преступлений в сфере компьютерных технологий // Криминалистика: курс лекций по криминалистике для бакалавров / под ред. М. К. Каминского, А. М. Каминского. Ижевск, 2012. С. 257–279.
12. Ищенко Е. П. Криминалистика: главные направления развития // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2012. № 1. С. 201–209.
13. Иванов В. Ю. К вопросу о классификации электронно-цифровых следов // Национальная без-

- опасность / *Nota Bene*. 2020. № 3. С. 64–71.
14. Менжега М. М. Криминалистические проблемы расследования создания, использования и распространения вредоносных программ для ЭВМ: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Саратов, 2005. 22 с.
 15. Смушкин А. Б. Цифровизация криминалистической деятельности. М.: КноРусс. 2024. 208 с.
 16. Мордюк А. В., Ковригина В. А. Понятие и общие положения методики расследования преступлений «по горячим следам» // *Аллея науки*. 2020. Т. 1. № 5. С. 734–740.
 17. Surina He, Ying Cui, A systematic review of the use of log-based process data in computer-based assessments // *Computers & Education*. 2025. Vol. 228. P. 105245.
 18. A multi-source log semantic analysis-based attack investigation approach / Yubo Song, Kanghui Wang, Xin Sun, Zhongyuan Qin, Hua Dai, Weiwei Chen, Bang Lv, Jiaqi Chen // *Computers & Security*. 2025. Vol. 150. P. 104303.
 19. Fehrer T., Moder L., Röglinger M. An interactive approach for group-based event log exploration // *Information Systems*. 2025. Vol. 134. P. 102575.
 20. Fageeri S. O., Ahmad R. An Efficient Log File Analysis Algorithm Using Binary-based Data Structure // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 129. P. 518–526.
 21. Худяков В. В., Ананьев А. А. Цифровые следы // *Криминологический журнал*. 2023. № 4. С. 243–246.
 22. Чернышев Е. Форма жизни № 4: Как остаться человеком в эпоху рассвета искусственного интеллекта. М.: Альпина Паблишер, 2022. 484 с.
 23. Papenmeier F., Halama J., Reichert C. Accepting cookies: Nudging, deceptive patterns and personal preference // *Computers in Human Behavior*. 2025. Vol. 168. P. 108641.
 24. Рамалданов Х. Х. Влияние информационных технологий на процесс доказывания в уголовном судопроизводстве // *Пробелы в российском законодательстве*. 2023. Т. 16. № 7. С. 273–279.

REFERENCES

1. Yakovlev, A. N. (2000). *Theoretical and Methodological Foundations of the Expert Study of Documents on Machine-Readable Media*: [dissertation]. Saratov (in Russ.).
2. Meshcheryakov, V. A. (2000). Mechanism of Trace Formation in the Commission of Crimes in the Field of Computer Information. In: *Bulletin of Tula State University. Modern Problems of Russian Legislation, Legal Sciences and Law Enforcement*, 3, 167 (in Russ.).
3. Fedotov, N. N. (2007). *Forenzika – Computer Forensics*. Moscow, Legal world publ. (in Russ.).
4. Lytkin, N. N. & Gavrilin, Yu. V. (2006). The Use of Computer Technical Traces in Establishing the Crime Event. In: *Bulletin of Tula State University. Series: Actual Problems of Legal Sciences*, 15, 44–50 (in Russ.).
5. Milashev, V. A. (2004). Problems of Tactics for Searching, Fixing and Removing Traces in Case of Illegal Access to Computer Information in Computer Networks. In: *Current Issues of the Theory and Practice of Disclosure, Investigation and Prevention of Crimes*. Tula, pp. 34–39 (in Russ.).
6. Cherkasov, V. N. & Nekhoroshev, A. B. (2003). “Digital Footprints” in the “Cybernetic Space.” In: *Forensic Examination. Iss. 2*. Saratov: Saratov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 127–130 (in Russ.).
7. Agibalov, V. Yu. (2012). *Digital Footprints in Forensics and Criminal Proceedings*. Moscow: Yurlitinform publ. (in Russ.).
8. Meshcheryakov, V. A. (2022). *Theoretical Foundations of the Mechanism of Trace Formation in Digital Forensics*. Moscow: Prospect publ. (in Russ.).
9. Tolstolutsy, V. Yu. (2008). Patterns of the Forensic Theory of Reflection Inherent in the Subjective Stage. In: *Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Series: Law*, 2, 203–209 (in Russ.).
10. Rossinskaya, E. R., Semikalenova, A. I., Ryadovsky, I. A. & Saakov, T. A. (2022). *Theory of Information and Computer Support of Forensic Activities*. Moscow, Prospect publ. (in Russ.).
11. Kamalova, G. G. (2012). Forensic Methodology for Investigating Crimes in the Field of Computer Technology. In: Kaminsky, M. K. & Kaminsky, A. M., eds. *Forensics: Course of Lectures on Forensics for Bachelors*. Izhevsk, pp. 257–279 (in Russ.).
12. Ishchenko, E. P. (2012). Forensics: The Main Directions of Development. In: *Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 1, 201–209 (in Russ.).
13. Ivanov, V. Yu. (2020). On the Classification of Electronic Digital Footprints. In: *National Security / Nota Bene*, 3, 64–71 (in Russ.).

14. Menzhega, M. M. (2005). *Forensic Problems of Investigating the Creation, Use and Distribution of Malware for Computers*: [dissertation]. Saratov (in Russ.).
15. Smushkin, A. B. (2024). *Digitalization of Forensic Activities*. Moscow, KnoRuss publ. (in Russ.).
16. Mordyuk, A. V. & Kovrigina, V. A. (2020). The Concept and General Provisions of the Methodology for Investigating Crimes “Hot on the Heels.” In: *Alley of Science*, 1-5, 734–740 (in Russ.).
17. Surina He & Ying Cui. (2025). A Systematic Review of the Use of Log-Based Process Data in Computer-Based Assessments. In: *Computers & Education*, 228, 105245.
18. Yubo Song, Kanghui Wang, Xin Sun, Zhongyuan Qin, Hua Dai, Weiwei Chen, Bang Lv, Jiaqi Chen. (2025). A Multi-Source Log Semantic Analysis-Based Attack Investigation Approach. In: *Computers & Security*, 150, 104303.
19. Fehrer, T., Moder, L. & Röglinger, M. (2025). An Interactive Approach for Group-Based Event Log Exploration. In: *Information Systems*, 134, 102575.
20. Fageeri, S. O. & Ahmad, R. (2014). An Efficient Log File Analysis Algorithm Using Binary-based Data Structure. In: *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 129, 518–526.
21. Khudyakov, V. V. & Ananyev, A. A. (2023). Digital Traces. In: *Criminological Journal*, 4, 243–246 (in Russ.).
22. Chernyshev, E. (2022). *Life form No. 4: How to Remain Human in the Era of the Dawn of Artificial Intelligence*. Moscow, Alpina Publisher publ. (in Russ.).
23. Papenmeier, F., Halama, J. & Reichert, C. (2025). Accepting Cookies: Nudging, Deceptive Patterns and Personal Preference. In: *Computers in Human Behavior*, 168, 108641.
24. Ramaldanov, Kh. Kh. (2023). Influence of Information Technologies on the Process of Evidence in Criminal Proceedings. In: *Gaps in Russian Legislation*, 16-7, 273–279 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смушкин Александр Борисович (г. Саратов) – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник проектного офиса научных программ и исследований, доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии;
e-mail: skif32@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1619-8325

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander B. Smushkin (Saratov) – Cand. Sci. (Law), Senior Researcher, Project Office of Scientific Programs and Research, Assoc. Prof., Department of Criminology, Saratov State Law Academy;
e-mail: skif32@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1619-8325

РЕЦЕНЗИИ

НА ПУТИ К ГРАЖДАНСКОМУ КОДЕКСУ КНР. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЛИ ЯО. ЭТАПЫ КОДИФИКАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В КИТАЕ: МОНОГРАФИЯ. М.: ПРОСПЕКТ, 2026. 136 С.

Глотов С. А.

*Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
e-mail: Glotov_rgsu@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2312-292X*

Для цитирования:

Глотов С. А. На пути к Гражданскому кодексу КНР. Рецензия на книгу: Ли Яо. Этапы кодификации гражданского права в Китае: монография. М.: Проспект, 2026. 136 с. // Московский юридический журнал. 2025. № 1. С. 103–108.

TOWARDS THE PRC'S CIVIL CODE. BOOK REVIEW: LI YAO. STAGES OF CIVIL LAW CODIFICATION IN CHINA. MOSCOW, PROSPECT PUBL., 2026. 136 P.

S. Glotov

*The Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
e-mail: Glotov_rgsu@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2312-292X*

For citation:

Glotov, S. A. (2025). Towards the PRC'S Civil Code. Book Review: Li Yao. Stages of Civil Law Codification in China. Moscow: Prospect publ., 2026. 136 p. In: *Moscow Juridical Journal*, 1, 103–108.

В предисловии к монографии доктор юридических наук, сотрудник Института верховенства права за рубежом при Восточно-китайском университете политических наук и права Ли Яо (с. 3–4) обращает внимание на то, что в Древнем Китае кодификация гражданского права не проводилась, и все нормы гражданского права были закреплены в уголовном законодательстве, и преобладание уголовного права длительное время являлось особенностью правового развития Китая, тем более, что первый по-настоящему кодифицированный документ гражданского права появился в Китае совсем недавно – в январе 2021 г. Он был принят после длительного и тщательного обсуждения Всекитайским Собранием Народных Представителей – парламентом КНР¹.

Однако это не означает, что все эти годы и даже столетия Китай жил без гражданского права. Делались попытки внедрения (заимствования) отдельных норм гражданского права из западной теории и практики гражданского права, советского опыта, гражданских кодексов РСФСР и СССР 1922 и 1964 гг., трудов известных учёных (Е. Б. Пашуканис, П. И. Стучка, Д. М. Генкин, С. Н. Братусь, С. С. Алексеев и др.)

«Хотя после долголетних колебаний на счёт советского пути развития, – пишет Ли Яо, – Китай избрал свой собственный, стоит вспомнить процесс кодификации граждан-

¹ Гражданский кодекс Китайской Народной Республики. М.: Проспект, 2025. 368 с.

ского права и, в частности, учёные предлагали советы для подготовки кодекса, ведь даже сегодня, когда теория гражданского права высоко развита, советская правовая доктрина продолжает оказывать своё влияние, к которому следует подходить рационально» (с. 3–4).

Это действительно во многом подтверждается достигнутыми высокими результатами в экономическом и социальном развитии страны. Китай готовится стать страной № 1 на мировой арене, опережая США и другие страны в экономическом росте, как в своё время СССР¹. Решению стоящих перед КНР задач способствует ст. 1 Гражданского Кодекса КНР. В ней говорится, что Кодекс принят не только в целях охраны и защиты гражданских прав и законных интересов субъектов гражданского права, регулирования супружеских правоотношений, но и в целях «охраны общественного и экономического порядков, соответствия развивающимся потребностям социализма».

КНР по-прежнему демонстрирует высокие темпы экономического роста (5,2% в 2023 г. и 4,8% в 2024 г.), является ведущей мировой торговой державой, обходя ЕС и США. По уровню технологической сложности экономика Китая вошла в число мировых лидеров, а китайские экспортеры готовы к глобальной конкуренции по всей линейке готовых промышленных изделий. В 2020 – первой половине 2024 г. Китай направил за рубеж более 220 млрд долл. инвестиций (в т.ч. в США, Великобританию, Бразилию, Индонезию, Францию, Саудовскую Аравию и другие страны). Коммулятивные кредиты и помощь КНР третьим странам составляют почти 1,5 трлн долл., что сделало его одним из крупнейших мировых финансовых доноров.

В целом кодификация гражданского законодательства была и остаётся для Китая давней и значимой теоретической и практической проблемой, тем более, что жизнь во всех её проявлениях не стоит на месте и требует постоянного доурегулирования самой системы частного права.

Изучая процесс формирования гражданского права до образования КНР (до 1949 г.), автор монографии обращает внимание на то, что в древнекитайском обществе «этикет» (Ли – ключевая категория китайской философии) был частью традиционной китайской культуры и одной из основных ценностей складывающейся правовой системы. Китайская философия и сейчас оказывает влияние на развитие современного законодательства КНР. Своего рода «концепция этикета» основывается на конфуцианстве, вытекает из традиций и обычаев поведения большой массы людей, подразумевает благожелательность, правдивость и нравственное поведение, что влияет на разрешение споров и судебных исков с учётом справедливости. «Этикет» позволял более эффективно регулировать отношения, как между конкретными людьми, так и между государством и его поданными. Было принято считать, что закон развивался из этикета.

Правовая система Древнего Китая испытывала мощное влияние политико-правовой концепции легизма², ядром традиционной китайской концепции права является уголовное право, основная функция которого – наказывать и предупреждать глупых. В мышлении древних право было политикой императора, а то, что составляло правовую систему Древнего Китая, было в основном уголовным и административным правом. Насильственный характер объяснялся тем, что уголовное право возникло в результате племенных войн на протяжении веков, существовало

¹ Россия и мир: экономика и внешняя политика. ежегодный прогноз / отв. ред. И. Я. Кобринская, Г. М. Мацуавариани. М.: ИМЭМО РАН, 2024. 213 с.; Союз Советских Социалистических республик. 1917–1967: энциклопедический справочник / ред. кол. Б. А. Введенский и др. Г.М. Мацуавариани. 1967. Т. XIV. С. 4, 7, 207–266.

² Легизм – философская школа в Китае, сформировавшаяся в IV–III вв. до н. э., известная также как «Школа законников». Основной идеей школы было равенство всех перед Законом и Сыном Неба, следствием чего являлась идея раздачи титулов не по рождению, а по реальным заслугам.

множество уголовных наказаний, некоторые из которых были очень жестокими и сильно отличались от современной концепции правовой культуры.

Практиковалась, например, жестокая форма смертной казни, при которой заключённому отсекали конечности, либо татуировка на лице заключённого и отправка его в отдалённые места (с. 6–7).

Считается, что первым, сравнительно систематизированным кодифицированным законом Древнего Китая является «Книга законов», созданная в период правления Ли Куэй – китайского государственного деятеля и законодателя времени государства Вэй. Затем принимались такие правовые акты, как «Закон Цинь», «Закон девяти снов», «Закон Северной Ци», «Свод законов династии Тан», «Свод уголовных законов династии Сун», «Законы Великой династии Мин» с комментариями, «Юридический Кодекс Великой Кзин», имеющие ярко выраженную уголовно-правовую направленность (за деловые и гражданские деяния устанавливаются личные наказания, гражданские споры криминализировались).

Например, согласно Своду законов династии Тан (книга 26), просрочка долга в нарушение договорённости от 1 до 30 п.и. до 20 дней наказывались 20 ударами бамбуковыми палками, до 40 дней – 40 ударами бамбуковыми палками, более 40 дней – 60 ударами бамбуковыми палками и т. д.¹

В период феодального государства правители ставили государственную власть выше прав частных лиц в сочетании с мелким крестьянским хозяйством, отсутствием материальной базы, необходимой для развития частного права, поэтому древнекитайский свод законов сформировался как сочетание всех законов, гражданское и уголовное право не были разделены по стилю и структуре. Внедрение системы

«частного права» в Китае началось после опиумных войн. Вторжение иностранного капитала стало взращивать зародыш капиталистических отношений производства в китайской феодальной системе. С одной стороны, оно превратило Китай в полуфеодальную, полукOLONиальную страну и ликвидировало основы самодостаточного натурального хозяйства, с другой – позволило произрасти зародышу товарных отношений и объективно способствовало медленному развитию товарного хозяйства.

В этот период западные правовые системы и правовые доктрины постепенно распространялись в Китае и начался процесс конфликта и интеграции двух правовых культур (с. 9–10).

Изменению опыта заимствования западных законов в конце правления династии Цин (1835–1908) посвящён §2 Главы 1 монографии Ли Яо, а вопросам разработки Гражданского кодекса Китайской Республики (начало XX в.) – §3 Главы 1, в котором речь идёт в т. ч. об опубликованном в 1925 г. «Проекте Гражданского кодекса Китайской Республики», содержащем 1522 статьи (с. 11–17), характерным уже для капиталистического строя.

При обсуждении обязательного, вещного, семейного и наследственного права данный проект так и не был принят, хотя им во многом стали руководствоваться китайские суды. На концепцию проекта Гражданского кодекса Китайской Республики серьёзное влияние оказали «три принципа» (национализм, народовластие, народное благосостояние) выдающегося китайского революционера Сунь Ят Сена (с. 15–16), провозглашённые ещё в 1910 г., ставшие знаменем прогрессивных сил Китая в борьбе за национальное освобождение страны от империалистического гнёта и феодальных пережитков, создания Китайской Демократической Республики. Проект отражал сочетание достигнутых на тот момент социальных достижений капиталистического мира с традиционными китайскими духовными ценностями (культурой), ограничивал абсолютную свободу

¹ Ван Чжан Хуа. Революции и кодификация китайского права // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. № 3. С. 42; Гао Миньсюань. Зарождение, становление и развитие, совершенствование уголовного законодательства в КНР / под ред. Н. А. Сидоровой, И. А. Васильевой. М.: Проспект, 2025. 568 с.

права собственности, устанавливал систему семейной собственности на основе семьи как единицы (китайская традиция), признавал договор собственности между мужем и женой, право наследования жены и дочери и т. д.¹

Работа над проектом продолжалась и дальше, а в декабре 1930 г. Законодательная палата Нанкинского национального правительства заявила о завершении работы над ним. Он вообрал в себя положения Германского и Швейцарского гражданского уложений, некоторые положения гражданско-правовых актов Франции, Японии и РСФСР, а также проектов гражданских кодексов династии Цин. По утверждению Ли Яо, деятельность по разработке законодательства приблизила законы к модернизации. Стоит отметить, что в то же время, когда Нанкинское правительство изучало западное право, теоретические идеи Советского Союза после Октябрьской революции также были внедрены в Китай, что оказало влияние на законодательство, разрабатываемое Коммунистической партией Китая (с. 17).

Подробно данную проблематику автор освещает в §4 Главы 2 «Триумф большевизма и начало изучения советского опыта в Китае» (с. 18–27), обращая внимание на заслуги Ли Дачжао, Дай Цзитао и других китайских учёных в изучении советского опыта революционного строительства, в т. ч. в области правового регулирования труда, семейно-брачных, земельных и иных отношений, закреплённых в Гражданском Кодексе РСФСР 1922 г. Осуществляются первые шаги созданной в 1921 г. Коммунистической партии Китая по переносу советского опыта на «китайскую почву» (разработка проекта Программы КПК, «наброска» трудового законодательства, «положения о браке», законы о земле). Ли Яо приходит к выводам, что законодательство Китайской Советской Республики, установленное в

ряде базовых районов, контролируемых КПК, было ориентировано на «решение главной задачи революционной войны»: земельное законодательство ставило своей целью свержение феодальной системы землевладения и удовлетворение интересов крестьянства, трудовое законодательство выступало за ликвидацию эксплуатации трудящихся и защиту их законных прав и интересов, брачное законодательство было направлено непосредственно против феодальной и отсталой брачно-семейной системы, чтобы освободить женщин. «Вышеуказанные законодательные документы были почти копией советского законодательства, и можно сказать, что эти законодательные документы сыграли важную роль в строительстве базовых районов. Хотя Нанкинское национальное правительство, созданное в 1927 г., применяло Гражданский кодекс Китайской Республики и не признавало Гражданский кодекс Советской Республики, трудный и мучительный процесс понимания и изучения пролетарского законодательства заложил основу законодательной практики после образования КНР» (с. 26–27).

В последующих главах (2–4) монографии Ли Яо даёт достаточно подробную характеристику первой кодификации гражданского права после образования КНР (1949–1958 гг.), второй кодификации гражданского права (1962–1964 гг.), третьей (1979–1986 гг.), четвёртой и пятой кодификаций (1991–1991 гг.) (с. 28–112).

Автор анализирует предпосылки и содержание кодификации, возникающие теоретические и законодательные разногласия, место и роль советских учёных и законодателей в становлении и развитии гражданского права КНР, современный опыт регулирования гражданско-правовых отношений в стране с огромным населением, динамично развивающимся народным хозяйством.

Представляют интерес многие положения обсуждаемой проблематики, в т. ч., например, вехи дискуссии о гражданском и хозяйственном праве (с. 58–63) периода с августа 1979 г., когда Институт права

¹ Мао Цзюньцзю. Модернизация китайского гражданского права и интеграция китайского и западных правовых культур // Китайская юриспруденция. 2020. № 8. С. 109.

Китайской академии общественных наук провёл симпозиум по проблемам гражданского и хозяйственного законодательства, создания в ноябре 1979 г. Комиссии по правовым вопросам Постоянного комитета Всекитайского Собрания Народных Представителей (группа по разработке гражданского законодательства принятых 12 апреля 1981 г. Четвёртой сессией ВСНП Шестого созыва Общих положений гражданского права Китайской Народной Республики с их вступлением в силу с 1 января 1987 г. В ст. 2 данных Общих положений говорится: «Гражданские права в КНР регулируют имущественные и личные отношения между гражданами, между юридическими лицами, между государством и юридическими лицами с равным субъектным составом».

В Главе VI монографии «Продолжающиеся дискуссии о равноправных субъектах», а также в Послесловии (с. 112–134) Ли Яо высказывает ряд интересных положений о становлении и развитии гражданского общества в Китае, в т.ч. приходит к выводу, что «в истории России и Китая своды законов, гражданские кодексы, а также проекты включали в себя иностранные теории и нормы гражданского права, перенесённые из других стран; и теоретические дискуссии также находились под влиянием иностранных правовых концепций: «исторически все страны, осуществлявшие правовое заимствование, включая Китай, не являются исключением, но только нужно стремиться формировать правовую систему с учётом местных особенностей, тогда этот процесс будет хорошим процессом» (с. 133–134).

Сегодня КНР имеет один из самых современных гражданских кодексов в мире. Он принят 28 мая 2020 г. на Третьей сессии ВСНП Тринадцатого созыва, вступил в силу с 1 января 2021 г., содержит 7 разделов, 84 главы и 1260 статей. Этому предшествовало 4 проекта Гражданского кодекса, и только пятый стал завершающей вехой «цивилистического процесса в Китае», как считает один из авторов перевода ГК КНР доктор юридических наук, профессор

Института сравнительного правоведения при Китайском политико-правовом университете Ван Чжихуа¹.

Во вступительном слове к изданному издательством «Проспект» ГК КНР Ван Чжихуа пишет: «В 1950–1960 гг. в Китае широко заимствовались советское право, в т.ч. широко изучались модели систематизации гражданского законодательства СССР и РСФСР. Но начиная с 1980 г., в КНР начался поворот на Запад. Вступивший в силу Гражданский кодекс Китая основан на образцах кодификации гражданского законодательства стран континентального права, однако влияние советского гражданского права всё равно остаётся очевидным, особенно в сфере отношений собственности и в вопросе влияния публичного права».

В целом, монография Ли Яо интересна для прочтения и изучения студентам, аспирантам, преподавателям юридических вузов и факультетов, всем тем, кто сегодня активно интересуется китайской правовой проблематикой.

Интересны для изучения и такие вышедшие в издательстве «Проспект» книги:

1. Дацишек В. Г. Изучение истории Китая в Российской империи. М.: Проспект, 2023. 192 с.
2. Основы коммерческого права Китайской Народной Республики: учебное пособие / отв. ред. В. Ф. Попандопуло, О. А. Макарова. М.: Проспект, 2019. 208 с.
3. Теория и практика российско-китайских отношений / отв. ред. А. Н. Чумаков, Ли Хай. М.: Проспект, 2022. 352 с.
4. Ван Гуанлуй. Правовое регулирование недобросовестной конкуренции в сфере финансовых платформ Китая и России: сравнительный анализ. М.: Проспект, 2024. 224 с.
5. Ван Лиман. Личное право: учебник. М.: Проспект, 2023. 304 с.

¹ Гражданский кодекс Китайской Народной Республики / вступ. сл. Ван Чжихуа. М.: Проспект, 2025. С. 4; Ван Чжихуа. Путь кодификации гражданского законодательства в Китае // Lex roggica. 2020. № 3. С. 135–139; Ван Чжихуа. Революции и кодификация гражданского законодательства // Вестник СПГУ. Право. 2018. Т. 9. Вып. 3. С. 422–432.

6. Избранные нормативно-правовые акты Китайской Народной Республики в области цифровизации / пер. с кит. Ли Яо. М.: Проспект, 2025. 136 с. и др.

Пожелаем читателям журнала успешного изучения китайского права, в т. ч. Гражданского Кодекса КНР.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Глотов Сергей Александрович (г. Москва) – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела правопедания Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии наук;

e-mail: Glotov_rgsu@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2312-292X

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Glotov (Moscow) – Dr. Sci. (Law), Prof., Leading Researcher, Department of Legal Studies, The Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences;

e-mail: Glotov_rgsu@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2312-292X

МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
2025. № 1

Над номером работали:
Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик В. А. Кулакова
Корректор И. К. Гладунов
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: sj@guppros.ru
сайт: www.lawmgoujournal.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 7, уч.-изд. л. 8,5.
Подписано в печать: 03.12.2025 г. Дата выхода в свет: 08.12.2025 г. Заказ № 2025/12-04.
Отпечатано в Государственном университете просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А